ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 22/2013**
Выходит 4 раза в год **Часть II**

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ
Зам. главного редактора
А. В. Шунков, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ
Ответственный секретарь
Е. А. Кагакина, кандидат педагогических наук, доцент

Редакторы *Н. Ю. Мальцева, В. А. Шамарданов, О. В. Шомшина*
Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2013

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 22/2013**
Published quarterly **Part II**

Founder
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education (FSFEI HPE) «Kemerovo State University of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of KemGUKI
Assistant Chief Editor
A. V. Shunkov, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation of KemGUKI
Administrative Secretary
E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent

Editors *N. Yu. Maltseva, V. A. Shamardanov, O. V. Shomshina*
Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik. kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State University of Culture and Arts», 2013

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, временно исполняющий обязанности Президента Республики Дагестан, заслуженный деятель науки РФ

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Междуна-

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Acting President of Dagestan, Honoured Scientist of the Russian Federation

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Włodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rektor of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International

родной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, декан факультета экономики, туризма и общественных наук (г. Кельцы, Польша)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundumental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Mazur Peter, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Dean of the Faculty of Economics, Tourism and Social Sciences (Kielce, Poland)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic Univercity (Moscow)

Handke Ryszard, Professor, Rektor of Academy of Art in Szczecin (Szchecin, Poland)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

Раздел «Культурология»

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор кафедры музейного дела КемГУКИ, член Международного совета музеев (ICOM).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Ултургашева Надежда Торжуевна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

Марков Виктор Иванович, кандидат философских наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств.

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

Section of Culturology

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Museum Activities of KemUCA, Member of the ICOM.

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

Markov Viktor Ivanovich, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts.

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ.

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ.

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Мирошниченко Лариса Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Корчуганова Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления КемГУКИ.

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Sociocultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA.

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA.

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

Sevastyanova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

Miroshnichenko Larisa Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Korchuganova Vera Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of KemUCA.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Карабулатова И. С., Койше К. К. Трансформации современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья..... 10

Чаукерова Г. К., Койше К. К., Ниязова Г. М. Особенности функционирования тюркских антропонимов в российско-казахстанском приграничье..... 19

Федорова Е. А., Сливинский В. П. Сибирь в лингвомифологическом континууме России: постановка проблемы осмысления в русском языковом сознании..... 27

Крылова М. Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста..... 34

Окольникова О. И. Специфика представленности стилистической пометы в толковом словаре: к проблеме описания коннотативного значения..... 42

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Нугманов Р. Г. Культураналитические подходы к поэтическому творчеству Г. Тукая..... 47

Улътургашева О. Г., Тиникова Ю. К. Юрта – хранительница традиционных обрядов кочевых народов Азии (на примере хакасской юрты)..... 52

Скоринов С. Н. Государственная обрядность общегражданского и профессионального значения 30–80-х годов XX века как феномен современной духовной культуры аборигенов юга Дальнего Востока России..... 59

Улътургашева О. Г., Карамчаков А. Н. Из истории становления непрерывного национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона (1830–1930)..... 66

Тимербулатов Д. Р. Состав чинов тюремной стражи в местах заключения Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919)..... 74

Степанова Н. И. Особенности смыслообразования в рекламной коммуникации..... 86

Тихонов В. В. Перспективы развития этнографических музеев под открытым небом в Иркутской области..... 93

Астахов О. Ю. Проблемы развития гуманитарного и социально-научного направления культурологического знания..... 105

Двуреченская А. С. Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии..... 109

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Прокопова Н. Л. Формирование критериев анализа образцов речевого искусства как репрезентантов культуры..... 114

Верба Н. И. «Ундина»: от Фуке к Гофману. Опыт анализа феномена «архетип» (на примере образа главной героини)..... 124

Шитикова Р. Г. Периодизация как теоретическая проблема (на примере творчества композиторов Нововенской школы)..... 138

Толстая Е. А. Художественная значимость фортепианного творчества Д. А. Толстого..... 148

Фрейверт Л. Б. Лингвистические понятия в их значении для дизайна..... 156

ПАНОРАМА

Таршис Н. А. Театральные сопряжения: отзыв на коллективную монографию «Театральное искусство Кузбасса – 2000»..... 163

Умнова И. Г. Рецензия на монографический справочник Бородина Бориса Борисовича – Уральская композиторская организация: История и современность..... 170

ФИЛОСОФИЯ

Тазетдинова Р. Р. Кантовские «противоречия», или еще раз о философии театральности..... 172

Ковалева Г. П. Категория «духовность» в философии Н. А. Бердяева..... 178

Хасянова М. Г. Значение ценностей в корпоративной культуре..... 189

Ковалева Г. П. Онтология трансцендентального космизма Оригена..... 195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Веселовская Е. В., Киселев А. В., Сечина И. А. Итоги Областного круглого стола: «Краеведческие музеи Кузбасса: сохранение, изучение и трансляция историко-культурного наследия региона»..... 203

Сведения об авторах..... 206

CONTENTS

PHILOLOGY

Karabulatova I. S., Koyshe K. K. About Mutational Nature of Contemporary Eurasian Linguistic Identity of Russian-Kazakh Border Region..... 10

Chaukerova G. K., Koyshe K. K., Niyazova G. M. The Peculiarities of the Turkic Anthroponims in the Russian-kazakh Border Area..... 19

Fedorova E. A., Slivinsky V. P. Siberia in the Linguistic and Mythological Continuum of Russia: Problem of Understanding the Russian Language Consciousness..... 27

Krylova M. N. The Comparative Constructions in the Modern Literary Text..... 34

Okolnikova O. I. Specifics of Presence of a Usage Label in the Explanatory Dictionary: to a Problem of a Connotative Meaning's Description..... 42

CULTUROLOGY

Nugmanov R. G. Cultural and Analytical Approach to the Poetry of G. Tukai..... 47

Ulturgasheva O. G., Tinikova Y. K. Yurta as a Guardian of the Traditional Rites of Nomadic People of Asia (on the Analysis of the Khakass Yurta)..... 52

Skorinov S. N. State Ceremonies of Civil and Professional Importance in the 30s-80s of the 20th Century as Phenomenon of Modern Spiritual Culture of the Indigenous People Living in the South of the Russian Far East..... 59

Ulturgasheva O. G., Karamchakov A. N. From the History of Formation of the Continuing National Education for Indigenious Peoples of the Sayan-Altai Region in the Period from 1830 to 1930..... 66

Timerbulatov D. R. Composition of Ranks of Prison Guards in Prisons of Tomsk Gubernia During the Civil War (1918–1919)..... 74

Stepanova N. I. Features of Meaning in Advertisment Communication..... 86

Tihonov V. V. The Open Air Ethnographic Museums in Irkutsk Oblast and Prospects of their Development..... 93

Astakhov O. Y. Problems of the Humanitarian and Socio-scientific Research Direction of the Culturologic Knowledge..... 105

Dvurechenskaya A. S. Professional Competence of a Culturologist in the Context of the Applied Culturology..... 109

ART STUDIES

Prokopova N. L. The Forming of Analysis Criteria of the Art Speech Models as Representative Items of Culture..... 114

Verba N. I. "Undine:" from Fouquet to Hoffmann. The Experience of the Analysis of the Phenomenon "Archetype" (Based on the Image of the Main Heroine)..... 124

Shitikova R. G. Periodization as a Theoretical Problem (Based on the Example of the Second Viennese School Composers' Works)..... 138

Tolstaya E. A. The Artistic Significance of Piano Works of D. A. Tolstoy..... 148

Freivert L. B. Linguistics Terms in their Value for Industrial Design..... 156

PANORAMA

Tarshis N. A. Theatre Connections: Review about the Collective Monograph "Theatre Art of Kuzzbas – 2000"..... 163

Umnova I. G. Review to the Monographic Guide to Borodin Boris Borisovich – Ural Composers' Organization: Past and Present..... 170

PHILOSOPHY

Tazetdinova R. R. Kantian "Controversy" or Once More about the Philosophy of Theaters.... 172

Kovaleva G. P. The Category of "Spirituality" in Philosophy of N. A. Berdyaev..... 178

Khasyanova M. G. The Significance of Values in the Corporate Culture..... 189

Kovaleva G. P. The Ontology of Transendentical Origen's Cosmism..... 195

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Veselovskaya E. V., Kiselev A. V., Sechina I. A. The Regional Round Table Results: "Kuzbassa Regional Museums: the Preservation, Study and Popularization of Historical and Cultural Heritage the Region"..... 203

Information about the authors..... 206

ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGY

УДК 811.161.1’23(470+574)

И. С. Карабулатова, К. К. Койше

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В статье рассматриваются процессы взаимопроникновения языков в структуре современной евразийской языковой личности, выявляется характер интерференции, ведущий к появлению новых черт в региональном языке российско-казахстанского приграничья.

Ключевые слова: современная евразийская языковая личность, российско-казахстанское приграничье, интерференция, русскоязычная языковая личность.

I. S. Karabulatova, K. K. Koyshe

ABOUT MUTATIONAL NATURE OF CONTEMPORARY EURASIAN LINGUISTIC IDENTITY OF RUSSIAN-KAZAKH BORDER REGION

The article examines the processes of interpenetration of languages in the structure of modern Eurasian linguistic identity, reveals the nature of the interference, leading to the appearance of new features in the regional language of the Russian-Kazakh border areas. We mean the territory of the Russian borderland Tyumen region and the Kazakh border area Northern Kazakhstan. Migration is a multiaspect and complex social-psychological process that begins long before the fact of migration.russian population of the Tyumen region once assimilated representatives Ugric (Khanty, Mansi, Komi), Turkic (Tatars, Kazakhs), Slavic (Ukrainian, Belarusian). Cossacks, merchants, and just farmers and other service people in Siberia almost every man were married to local women, resulting in any sub-ethnic Russian community, a group of Métis population, anthropologically close to the neighbors. This confusion is reflected in the language of the local population on both sides of the border and among Russian and among Kazakhs and Tatars. Facts Kazakh say that the north-east and other dialects of the Kazakh language borrowed many words from Arabic, Persian, Russian and other languages, even before the formation of the literary language. But for all that each of the dialects assimilates new words in their own way. For example, the Russian word **«krovat’»/»bed»** sounded **«keruert»** in the West of Kazakhstan, in the South **«keruet»**, and in the North-East **«keruert»**. We can say that the mutual phenomena arise from both language-contactors in areas of intense inter-ethnic cooperation; it helps in certain conditions of the evolution of both the linguistic identity and language systems in general. It is not that we are seeing only West Siberian Kazakhs under the influence of the Russian environment; the Kazakh language also has a significant impact on both the Russian language of Kazakhs and Tatars and Russian dialects of the Russian-Kazakh border region in the Kazakh region. We find this effect at the level of phonetics, vocabulary, and grammar. We have a complex structure of modern Eurasian multi-conceptual linguistic identity, which is multiaspect in modern palette of sound.

Keywords: modern Eurasian linguistic identity, the Russian-Kazakh border area, interference, the Russian-speaking linguistic identity.

В настоящем исследовании российское приграничье представлено Тюменской областью, казахстанское приграничье – Северным Казахстаном. В ситуации Тюменской области, где первое место среди этносов занимают русские, а второе – татары, это может быть либо русско-татарское, либо татарско-русское двуязычие с характерными этнолингвистическими дифференциациями. Однако чем ближе к российско-казахстанской границе, тем ярче проявляются черты казахско-русского и русско-казахского двуязычия также. Кроме того, мы наблюдаем мощное проникновение языков друг в друга в зоне российско-казахстанского приграничья, что обусловлено исторически.

На сегодняшний день этническую мозаику Тюменской области составляют свыше 150 этносов и субэтносов. Этому способствует и массовые миграции из близлежащих, более слабых в экономическом плане регионов и даже государств. Например, из Казахстана, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Сербии, Азербайджана [4, 13]. Не случайно З. В. Поливара подчеркивает, что в повседневной коммуникации на русском языке мы наблюдаем вариативность употребления звуков под воздействием языков-контактеров, из-за чего этнолингвистические дифференциации русскоязычных билингвов рассматриваются не как явление интерференции, а как речевая патология [19]. В связи с этим возникает вопрос, насколько идеальный образ идеального носителя русского языка соответствует реальному?

Мы понимаем, что миграцию населения невозможно рассматривать лишь как простое механическое передвижение людей из региона в регион или из страны в страну, прежде всего, это полиаспектный и многокомпонентный социально-психологический процесс, начинающийся задолго до самого факта миграции. Этот процесс тесно связан с закономерностями социального и речевого поведения людей, их деятельностью, обусловленными включением индивидуумов в социальные группы, а также с психологическими особенностями социальной психологии народов.

На стадии адаптации, также как в период формирования и реализации миграционных установок, большую роль играет этнический фактор (этническая миграция предполагает представительство различных национальностей в миграционных потоках), который может быть выражен через так называемый «показатель этнической комфортности». Как отмечает член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев, показатель этнической комфортности «представляет собой соотношение объективных (этнический состав, межнациональные отношения, этническое разделение труда, языковая ситуация и проч.) и субъективных этнических составляющих миграции (этническое самосознание, этнические стереотипы, прошлые этнические травмы, стремление на свою этническую родину и пр.)» [22, с. 27].

Необходимо отметить, что русский язык приграничной территории имеет свою специфику, которая связана с тем, что русское население Тюменского региона в свое время ассимилировало представителей угорских (ханты, манси, коми), тюркских (татар, казахов), славянских (украинцев, белорусов) народов. Несмотря на отрицательное отношение православной церкви к бракам с некрещеными, казаки, купцы, да и просто крестьяне и иные служилые люди в Сибири почти поголовно были женаты на местных женщинах, в результате чего возникли русские субэтнические сообщества – группы метисного населения, антропологически близкого народам-соседям [12, 14]. Возникает справедливый вопрос: отразилось ли это смешение на языковой способности? Какое место занимает

в этой связи тюркско-татарская интерференция в русском языке и славяно-русская в коренных тюркских языках в таких метисных группах? Как справедливо отмечают исследователи, в местной речи русских наблюдаются и некоторые особенности произношения, перешедшие из языка-источника: **кыргызы, кыртма, тынгыте, кысы, башкыры**. По мнению М. А. Романовой, употребление **Ы** после заднеязычных **К/Г** внутри слова в русских тюменских говорах усвоено из татарского языка, в котором сочетание **КЫ/ГЫ** широко распространено [21, с. 14]. Языковые особенности жителей Уватского, Тобольского, Нижнетавдинского, Ярковского и Тюменского районов исследователи справедливо относят к вторичным, сложившимся в XVII – середине XVIII века на базе северновеликорусских говоров (вологодских, вятских, пермских и др.).

Не вызывает сомнений, что эти говоры тесно контактировали с тюркскими диалектами, что, в свою очередь, привело к развитию в русских говорах специфических явлений. Нельзя не согласиться с А. А. Биляловой, что «вариантность представляет несомненный интерес для исследователей самых различных уровней и сфер языка; литература по данной теме очень обширна и в то же время противоречива. Обзор исследований в этой области позволил выявить общепризнанные положения относительно сущности, природы, роли, места, выполняемых функций вариантности. Итак, основными направлениями исследований в области вариантности являются: смена вариантов, их конкуренция, классификация, соотношение вариантов и нормы, вариантность и тождество слова, прогнозирующий характер вариантности и др.» [5, с. 11]. Этническая пестрота тюрков Сибири уходит корнями в этническую историю, в которой отражены родственные связи тюрков Сибири с тюрками других регионов.

В работах Х. Ч. Алишиной, Р. А. Вафеева, И. С. Карабулатовой, З. В. Поливары, Д. Г. Тумашевой, Н. К. Фролова и их учеников представлены исследования, характеризующие процессы формирования русскоязычной языковой личности на основе взаимодействия государственного русского языка и родного языка в повседневном речевом общении жителей юга Тюменской области. В то же время переселенческие русские говоры российско-казахстанского приграничья не изучались ни казахстанской, ни российской стороной, что диктует необходимость более тщательного анализа взаимодействия тюрков и славян на указанной территории. Фонетическая система говоров лишь западных поселений Горькой линии на современном этапе развития с прослеживанием истории некоторых фонетических и морфологических явлений была исследована в работах М. К. Кокобаева [18], консонантизм – в работах Б. З. Ахметовой [3]. Население данного региона устойчиво, и носители русских говоров в основном своем составе являются потомками первых переселенцев, пришедших сюда из северных областей России – Вологодской и Пермской.

В такой сложной межэтнической обстановке происходит формирование языкового и речевого поведения как местного тюркского населения, так и прибывающего из стран ближнего зарубежья. По мнению Р. А. Вафеева, в основу двуязычия должен быть положен критерий практики общения, то есть двуязычие – это способность и возможность достижения взаимопонимания между билингвами в процессе производства материальных благ, это реализация общественных функций, которые осуществляются двумя контактирующими языками [8, с. 84]. Факты казахского языка говорят о том, что, как северо-восточный, так и остальные диалекты казахского языка еще до образования литературного языка заимствовали немало слов из арабско-

го, персидского, русского и других языков. Но при всем этом каждый из диалектов по-своему ассимилировал новые слова. Так, например, русское слово **«кровать»** в первое время на западе Казахстана звучало **керуерт**, на юге – **керует**, а на северо-востоке – **кереует**; русское слово **«самовар»** на западе звучало **самауын**, а в южных и северо-восточных областях – **самауыр;** русское слово «**печь**» на западе звучало **беш**, на северо-востоке – **пеш.**

Есть своя специфика в адаптации русских слов и в языке сибирских казахов, проживающих на юге Тюменской области, Курганской и Новосибирской областях: **«тұрба»** от русского «труба» употребляется в двух значениях: 1) труба самовара и 2) печная труба; **«шарып»** – «шарф»; **кіренке** – «крынка»; **күпшін** – «кувшин» и др. Кроме того, встречаются в языке западносибирских казахов и усеченные заимствованные слова: **«зарпылат»** – «зарплата», **мәшін** – «машина», **«оғылоп»** – «оглобля».

Наши наблюдения показывают, что на язык казахов Западной Сибири наряду с литературным русским языком существенное влияние оказали говоры переселенцев более позднего времени. Так, слова крынка **(кіренке),** сенник **(сенек),** лист «противень» **(ілес)** – отражают активный процесс взаимодействия с южными говорами.

Влияние русского языка на казахскую речь западносибирских казахов оказалось настолько существенным, что мы наблюдаем замену исконно казахских слов русскими заимствованиями**: борат** «ворота» (вместо қақпа), **істене** «стена» (вместо қабырға), **седелқы** «седелка» (вместо ершік), **кәсек** «косяк» (вместо жақтау), **район** «район» (вместо аудан), **сентір** «центр» (вместо орталық), **мәркоп** «морковь» (вместо сәбіз), **сібекіле** «свекла» (вместо қызылша), **арбыз** «арбуз» (вместо қырбыз), **гыранат** «гранат» (вместо анар), **кокраз** «кукуруза» (вместо жүгері), **шылан** «чулан» (вместо ас үй), **шернер** «шарнир» (вместо топса) и др. Интенсивность влияния проявляется в том, что выбор между синонимами идет в пользу русского слова, вернее, слова русского происхождения.

Мы можем сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом. Нельзя сказать, что мы наблюдаем лишь аттрикцию казахского языка западносибирских казахов под влиянием русского окружения, казахский язык также оказывает существенное влияние как на русскую речь казахов и татар, так и на русские говоры российско-казахстанского приграничья в казахстанской зоне. Иными словами, диалектная русская речь оказывает существенное влияние на формирование русскоязычной языковой личности билингва, поскольку является не просто особым типом речевой культуры [9], но и в отдельных случаях – единственным примером живой звучащей русской речи как таковой.

Так, непозиционное оглушение звонких согласных фонетического происхождения в ряде русских говоров на указанной территории развилось в Северном Казахстане под иноязычным влиянием [3]. В речи казахов и татар в словах, заимствованных из русского языка, наблюдалось явление оглушения звонких согласных. Н. К. Фролов в своих работах приводит вогульское (малые народы Сибири) заимствование из русского языка **п’ус’ка** из «бочка» [24].

По-видимому, распространению данного явления могло способствовать тюркское окружение. Наблюдения показывают, что казахи и татары в русской речи постоянно смешивают в фонетически не обусловлен-

ном положении звонкие и глухие согланые: **склатной, ношык** (д. Октябрьское), **пыл'и** «были», **друкой** «другой» (дд. Айдарлы, Жамбыл), **нато** «надо», **готу** «году», **б'итный** «бедный» (д. Койбагор), **трутна** «трудно», **тва** «два», **хот'ат** «ходят», **поклату** «покладу» (д. Жумагул), **атна** «одна», **тасв'итан'а** «до свиданья», **кар'ит** «горит», **латом** «ладом» (д. Степное), **упрал'и** «убрали», **пал'ит** «болит» (д. Челгаши).

А. С. Аманжолов, В. А. Богородицкий отмечают в казахском и в татарском языках относительно слабую артикуляцию звонких взрывных по сравнению с соответствующими русскими согласными [2, 6].

Интересно и то, что фонетически не обусловленные варианты согласных фонем по звонкости – глухости нами отмечены, главным образом, в русских говорах тех селений, где можно предположить длительное взаимодействие казахского, татарского и русского населения (дд. Койбагор, Челгаши, Карамырза, Суйгенсай, Уйское, Айдарлы, Целинное, Козубай): ... латом м'ет'и // н'есклатно получ'атса у т'еб'е // сд'ес'а фс'е нас'ии вм'ес'т'и друшно так // а ч'о нама д'ел'ит' // пывало п'ешым помоч' сус'ету // ой кар'ит там в'ит' што – то... / пал'ит по ч'ом ср'а // ус'у разом убрал // од'еша у йих крас'ива... (Закиева А. С., 69 лет, д. Целинное); прос'ил на пол и ушол // разп'итайа фс'а с'ижу // трутно б'ес св'ета // атна и жыву // друкой рукой б'ару // (Капкаева К. Г., 72 г., д. Козубай).

Звонкие согласные, преимущественно взрывные, в положении между гласными могут ослабляться до полного исчезновения: **д – нароу**, **буут** (дд. Зареченка, Анновка – 7 чел.); **д' – д'аин'ка** (дд. Носовка, Ксеньевка – 9 чел.), **хоит'** (д. Целинное – 6 чел.); **г – н'е б'еай** (дд. Маршановка, Полтавка – 13 чел.); **б – во штобы то н'е стало** (Пальцева А. Т., д. Карамырза); **баушка** (повсеместно).

Для многих русских говоров российско-казахстанского пограничья с казахстанской стороны характерно смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных: **мал'ен'к'о** (д. Белоглинка – 3 чел.), **гор'к'а** (д. Орнекский – 6 чел.), **в'ит'к'а, пас'к'а** (д. Пешковское – 10 чел.), **койк'у, бойк'а** (д. Победа – 9 чел.). Мы полагаем, что сохранению данного явления в наших говорах способствует соседство с татарским языком. Например, ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в Костанайской области распространено, главным образом, в говорах Карабалыкского района, где можно предположить длительное языковое влияние со стороны татарского населения.

В русской речи татары постоянно смягчают **к** в словах с мягким согласным или передним гласным в предшествующих слогах: **вад'иш'к'а** (д. Победа – 9 чел.), **стул'ик'а, халотн'ин'к'а** (д. Саманы – 13 чел.). Ср. также приводимые В. А. Богородицким татарские заимствования из русского языка: **«ч'ар' к' а», «ч ашк а»** [6, с. 165].

Территориальное соседство русских и казахов, их экономические и культурные связи, а также тесные бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для лингво-этнической ассимиляции.

Языковые особенности местных тюркских диалектов не могли не способствовать продолжительному сохранению фонетически не обусловленных вариантов согласных фонем **Ф – Х, Ф – П.** Система согласных тюменского диалекта татарского языка характеризуется полным отсутствием фонемы **Ф.** Эта особенность тюменского диалекта подробно рассмотрена в работах Д. Г. Тумашевой [22], Х. Ч. Алишиной [1], где указывается, что согласный **Ф** в тюменском и тобольском диалектах в арабо-персидских и русских заимствованиях заменяется на **П**:

перма – ферма, **пакир** – нищий «факир», **педерация** – федерация, **прукты** – фрукты и т. д. В свою очередь, произношение слов **патографы, панера** с **П** вместо **Ф** в окающих старожильческих говорах может быть передачей татарского произношения этих и подобных им слов. Интересно, что и интонационная система татарских говоров нашего региона совпадает с интонационной системой местных русских говоров [21].

Лингвистическая география выделяет, кроме того, островные диалекты, говоры. Например, говор д. Задонка Ишимского района – южнорусский остров, а если быть точнее, то даже украинский, в севернорусском старожильческом окружении [12]. Это тоже служит прекрасным образцом взаимодействия и взаимовлияния языков, но уже с родственной системой, на этом аспекте подробно останавливалась З. В. Поливара [19].

Кроме того, особого внимания заслуживает русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области, для которой характерно смешение русского и казахского, русского и татарского. Например: **соображай жок – «несообразительный»**, **прикол гой – «шутка»** (где гой – усилительная частица казахского языка), **жандыргалка – «зажигалка»** (жандыру «жечь» + зажигалка), **токтановись** – «остановись» (токта «стой» + остановись) и т. п. [4, с. 19]. Это явление не является новацией последнего времени, но может иллюстрировать характер и более раннего обогащения русских говоров Тюменской области на базе тюркских заимствований: **наяцкий – «красивый»** [10, с. 33], **куянистый – «трусливый», «как заяц»** [11, с. 72–86].

Эти и другие факты подтверждают наше предположение о том, что мы имеем дело с инвариантами тюркоязычной языковой личности и славяноязычной языковой личности, которые формируются при прямом и/или опосредованном участии языков-контактеров. В ситуации русско-казахстанского приграничья тюркоязычная языковая личность, представленная носителями татарского и казахского языков, испытывает мощное влияние русского языка на всех ярусах, при этом сами носители языка могут не осознавать степень воздействия русского языка на их родной язык. Аналогично и русскоязычная языковая личность российско-казахстанского приграничья включает в себя огромный пласт заимствований из тюркских языков, также прослеживаемый на всех языковых уровнях. При этом подразделение на русскую и русскоязычную языковую личность обусловлено следующими параметрами: под русской языковой личностью российско-казахстанского приграничья мы понимаем этнических носителей русского языка, проживающих по обеим сторонам границы; под русскоязычной языковой личностью мы понимаем билингвов, говорящих по-русски, но владеющих в той или иной степени родным языком.

В результате мы имеем сложную мегаконцептуальную структуру современной евразийской языковой личности, которая полиаспектна в современной палитре звучания, поскольку «новое время создает своего человека» [25, с. 262]. Мутационный характер эволюционного развития языков-контактеров обеспечивает плавный переход от тюркоязычной языковой личности к русской языковой личности, где объединяющим звеном является русскоязычная языковая личность, обеспечивающая понимание и межкультурную коммуникацию между такими неблизкородственными языками, как татарский // русский и казахский // русский. Результатом такого эволюционного развития различных типов национальных языковых личностей становится развитая евразийская языковая личность, внутри которой происходит постоянный мирный диалог культур Востока и Запада.

Литература

1. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар: в 2 ч. / Х. Ч. Алишина; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1999.
2. Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка / А. С. Аманжолов; Ин-т языкознания КазССР. – Алма-Ата: Галым, 1957. – 368 с.
3. Ахметова Б. З. Речевой портрет носителя просторечий: монография / Б. З. Ахметова; Костанайск. гос. ун-т им. А. Байтурсынова. – Костанай: КГУ им. А. Байтурсынова, 2010. – 248 с.
4. Беженцев Е. В. Специфика функционирования языков в полиэтничном пространстве Тюменской области (на материале русского, татарского, украинского, казахского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Беженцев; Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2011. – 26 с.
5. Билялова А. А. Сопоставительный анализ факультативности как проявления вариативности в разноструктурных языках (на материале татарского, русского и английского языков): научная монография / А. А. Билялова; Камск. гос. инж.-экон. акад. – Набережные Челны: Изд-во Камской гос. инж.-экон. акад., 2007. – 212 с.
6. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Казань: Изд-во КГУ им. В. И. Ленина, 1953. – 210 с.
7. Вафеев Р. А. Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии / Р. А. Вафеев; Тобольск. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева. – Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2001. – 143 с.
8. Вафеев Р. А. Формирование многоязычия в лингвокультурном пространстве РФ как отражение специфики культуры номадов / Р. А. Вафеев, И. С. Карабулатова, К. К. Койше // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сб. науч. тр. / Евразийск. нац. ун-т им. Л. Гумилева. – Астана: Изд-во «Мастер ПО», 2012. – С. 84–89.
9. Гольдин В. Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 65–66.
10. Данильченкова С. М. Тюркизмы в говорах юга Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири: сб. науч. тр. / Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: ТГУ, 1985. – С. 30–4.
11. Дмитриева Т. Н. Тюркизмы в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / Уральск. гос. ун-т. – Свердловск, 1981. – С. 72–86.
12. Карабулатова И. С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии) / И. С. Карабулатова; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. – 198 с .
13. Карабулатова И. С. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья / И. С. Карабулатова, Е. В. Беженцев, К. К. Койше; Тюменск. област. дума; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 148 с.
14. Карабулатова И. С., Поливара З. В. Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17–1. – С. 95–100.
15. Карабулатова И. С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 16. – С. 77–85.

16. Карабулатова И. С., Хайретдинова А. М. Специфика функционирования номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства (на материале татарского языка) // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 19–1. – С. 16–22.
17. Койше К. К. Межкультурные взаимодействия казахов: исторические и демографические аспекты // Материалы международной научно-технической конференции, посвященной году России в Казахстане «Теория и практика исследования процессов рыночных преобразований в странах ближнего зарубежья» / Павлодар. гос. ун-т, Тюмен. гос. нефтегазов. ун-т. – Тюмень; Павлодар, 2004. – С. 161–162.
18. Кокобаев М. К. Говор западных поселений Горькой линии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. К. Кокобаев; Ин-т языкознания КазССР. – Алма-Ата, 1965. – 296 с.
19. Поливара З. В. Психолингвистический анализ речевых дисфункций у детей разных этнических групп Тюменского Севера // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию факультета иностранных языков Кокшетауского гос. ун-та им. Ш. Ш. Уалиханова «Искусство изучать языки». Кокшетау, 29 февраля 2008. – Кокшетау: КГУ, 2008. – С. 211–215.
20. Поливара З. В. Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области): автореф. дис. … д-ра филол. наук / З. В. Поливара; Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2011. – 49 с.
21. Романова М. А. Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками: сб. науч. тр. / под ред. Н. К. Фролова. – Тюмень, 1988. – С. 54–62.
22. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С. В. Рязанцев; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь: Ставропол. книж. изд-во, 2001. – 544 с.
23. Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар: в 2 ч. / Д. Г. Тумашева; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Казань: КГУ им. В. И. Ленина, 1968.
24. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н. К. Фролов; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1996. – С. 168.
25. Шунков А. В. Мифологема пути в романе Николы Инджова «По следам норвежца» / А. В. Шунков, Е. А. Мироненко // Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич; Щецин. ун-т. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 259–267.

Literature

1. Alishina H. CH. Onomasticon Siberian Tatars: in 2 p. / H. Ch. Alishina; Tyumen. State. Univ. – Tyumen: Publishing House of the Tyumen. State. University Press, 1999.
2. Amanzholov A S. Questions dialectology and history of the Kazakh language / A. S. Amanzholov; Institute of Linguistics of the Kazakh SSR. – Alma-Ata: Galim, 1957. – 368 p.
3. Akhmetova B. Z. Verbal portrait media parlance: Paper / B. Z. Ahmetova; Kostanay. State. Univ. A. Baitursynov. – Kostanay: KSU them. A. Baitursynov, 2010. – 248 p.
4. Bezhentsev E. V. The specifics of the languages in a multiethnic area of the Tyumen region (based on Russian, Tatar, Ukrainian, Kazakh languages): synopsis of the PhD / E. V. Bezhentsev; Tobolsk. State. Social-ped. Acad. Mendeleev. – Tobolsk, 2011. – 26 p.
5. Bilyalova A. A. Comparative analysis of optionality as manifestations of structural variation in the different languages (on the basis of the Tatar, Russian and English): research monograph / A. A. Bilyalova; Kamsky. Educat. engineer-Econ. Acad. – Naberezhnye Chelny: Publishing House of the Kama govt. engineer-Econ. Acad., 2007. – 212 p.

6. Bogoroditsky V. A. Introduction to Linguistics in Tartar with other Turkic languages / V. A. Bogoroditsky; Kazan. State Uni named V. I. Lenin. – Kazan: Publishing KSU named. V. I. Lenin, 1953. – 210 p.
7. Vafeyev R. A. Tatar-Russian bilingualism and aspects bilingualogy / R. A. Vafeyev; Tobolsk. State. ped. inst. Mendeleev. – Tobolsk: TSPI Mendeleyev, 2001. – 143 p.
8. Vafeyev R. A. Formation of multilingualism in Lingua-cultural space as a reflection of the specific Russian culture of nomads / R. A. Vafeyev, I. S. Karabulatova, K. K. Koyshe // Problems of the ethnic history of the Turkic population of Western Siberia: a collection of scientific papers. The Eurasian. nat. Univ L. Gumilev name. – Astana: Publishing House «Master software», 2012. – P. 84–89.
9. Goldin V. E. The development of Russian dialect speech as a special type of speech culture // Historical Destiny and Present: International Congress of Russian Language Researchers. – Moscow: Moscow State University Press, 2001. – P. 65–66.
10. Danilchenkova S. M. Turkism in the dialects of the south of the Tyumen region // Interaction of the Russian language with the languages of the indigenous settlers of the Urals and Siberia: Collection of scientific works / Tyumen State University. – Tyumen: TSU, 1985. – P. 30–34.
11. Dmitrieva T. N. Turkism in Russian dialects along the lower reaches of the Irtysh // Etymological research: Collection of scientific works / Ural State University – Sverdlovsk, 1981. – P. 72–86.
12. Karabulatova I. S. Regional ethnolinguistics: Modern ethno-linguistic situation in the Tyumen region (based on toponymy) / I. S. Karabulatova; Tyumen State University. – Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2001. – 198 p.
13. Karabulatova I. S. Tyumen region – Kazakhstan: state specific ethno-linguistic policy in the borderland / I. S. Karabulatova, E. V. Bezhentsev, K. K. Koyshe; Tyumen regional Duma; Tyumen State University. – Tyumen: Vector Book, 2010. – 148 p.
14. Karabulatova I. S., Polivara Z. V. Jetnopsiholingvokorrekcionnyj podhod k processu usvoenija leksiko-grammaticheskih kategorij russkogo jazyka u tatar-bilingvov starshego doshkol'nogo vozrasta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17 – 1. – S. 95–100.
15. Karabulatova I. S. Jazykovaja lichnost' v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 16. – P. 77–85.
16. Karabulatova I. S., Hajretdinova A. M. Specifika funkcionirovanija nominativnyh edinic jetnolingvoinformacionnogo prostranstva (na materiale tatarskogo jazyka) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 19–1. – S. 16–22.
17. Koyshe K. K. Intercultural interaction Kazakhs: historical and demographic aspects // International scientific conference on the Year of Russia in Kazakhstan «Theory and Practice of the investigation of market reforms in the near abroad» / Pavlodar State University, Tyumen State Oil and Gas University. – Tyumen; Pavlodar, 2004. – P. 161–162.
18. Kokobaev M. K. Says a Western settlements Bitter line: Dissertation of the PhD / M. K. Kokobaev; Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. – Alma-Ata, 1965. – 296 p.
19. Polivara Z. V. Psycholinguistic analysis of speech dysfunction in children of different ethnic groups in the Tyumen North // International scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Foreign Languages Kokshetau State University Shokan Ualihanov «The Art of learning languages». Kokshetau, 29 Febrary 2008. – Kokshetau: KSU, 2008. – P. 211–215.

20. Polivara Z. V. Ethnolinguistic differentiation in the formation of lexical and grammatical categories of the Tatars and Russian bilingual system in overcoming speech dysfunction (on the basis of the Tyumen region): Ph. D. thesis abstract / Z. V. Polivara; Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named Mendeleev. – Tobolsk: TSSPA Mendeleyev, 2011. – 49 p.
21. Romanova M. A. Substrate phonetic phenomena of Turkish origin in the Russian dialects of the Tyumen region // Russian language in its interaction with other languages: Collection of scientific works Edited N. K. Frolov. – Tyumen, 1988. – P. 54–62.
22. Ryazantsev S. V. The impact of migration on social and economic development in Europe: Current Trends / S. V. Ryazantsev; Stavropol State University. – Stavropol: Stavropol Book Publishers, 2001. – 544 p.
23. Tumasheva D. G. Language Siberian Tatars: in 2 p. / D. G. Tumasheva; Kazan State University named V. I. Lenin. – Kazan: Kazan State University named V. I. Lenin, 1968.
24. Frolov N. K. Semantics and morphemics Russian toponymy Tyumen Ob / N. K. Frolov; Tyumen State University. – Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 1996. – P. 168.
25. Shunkov A. V. Mythologeme novel way to Nicola Indzhov «Following the Norwegian» / A. Shunkov, E. A. Mironenko // Homo communicans II: The Man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturska-Boyanovska, Alexander Shunkov, Barbara Rodzevich; Schetsin. un-t. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 259–267.

УДК: 811.512.1`373.21

Г. К. Чаукерова, К. К. Койше, Г. М. Ниязова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЮРКСКИХ АНТРОПОНИМОВ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Статья рассматривает витальность имен и стратегии номинации у коренных народов России, проживающих в полиэтничной зоне российско-казахстанского приграничья. Авторы приводят собственные полевые материалы, свидетельствующие об эволюции антропонимии сибирских казахов, чья языковая деятельность идет стихийно без поддержки государства. В статье приводятся данные опросов в динамике, отражающие витальность казахского этноса в целом. Авторы поднимают проблемы витальности имен в иноэтничной среде.

Ключевые слова: российско-казахстанское приграничье, антропонимия, сибирские казахи, витальность языка, толерантность, этнос, выбор имени.

G. K. Chaukerova, K. K. Koyshe, G. M. Niyazova

THE PECULIARITIES OF THE TURKIC ANTHROPONIMS IN THE RUSSIAN-KAZAKH BORDER AREA

This article reflects the field research on the language of the authors of Siberian Tatars and Siberian Kazakhs in Russian-Kazakh border areas. The authors conducted socio-linguistic surveys in 2005–2008. These interviews show how the language of Siberian Kazakhs viable in an aggressive foreign language environment. Studies have shown that the level of native Kazakh language is declining among Russian Kazakhs despite the border and close contact with the Kazakhs in Kazakhstan. The authors interviewed 177 ethnic Kazakhs; they represent different social sections of the population. Modern anthroponomy of Siberian Kazakhs reflects trends of return to their own ethnic roots (names like Mergen shock Sandugash and others), the use of so-called international Islamic names (like Marat, Rashid, Azat and others), borrowed from European languages

(like Diana) changing the name (such as: Galia – Galya, Kenesary – Nicholas, Kuralay – Kate and others). The authors note the variability fixing Turkic names in Russian because of the lack of specific signs to indicate the unusual sounds of Russian. The authors emphasize the tolerance of Siberian Kazakhs to Russian population as Siberian Kazakhs used in the Russian language and culture unique Russian "analogues" of their own ethnic names. However, this phenomenon says about the closed nature of the Siberian Kazakhs.

Keywords: Russian-Kazakh border areas, anthroponomy, Siberian Kazakhs, language vitality, tolerance, ethnic group, naming.

Полиэтничность региона влияет практически на все современные проблемы любого российского региона, которые можно в полной мере оценить и понять только в контексте его исторического развития, характера освоения его территории титульными этническими группами. Например, основная масса сибирских татар и сибирских казахов проживает на юге Тюменской области, а часть – в отдельных районах Омской, Новосибирской, Томской областей, где они являются коренным населением [5, с. 48]. Сибирские казахи рассматриваются нами как этнические группы коренного населения, а не мигранты. Проживают они в таких районах Тюменской области, как Голышмановский, Сладковский, Казанский, Ишимский, Упоровкий, Тюменский и др. Поэтому сама проблема сохранения себя как представителя того или иного этноса в полиэтничном регионе становится особо актуальной. Культура каждого народа обеспечивает основу коллективной идентичности и передается с помощью главного ее носителя – языка. Подход к проблеме изучения языка как основы сохранения культуры казахского населения с позиций одной из областей знания мало оправдывает себя. Решение этой проблемы возможно при междисциплинарном подходе, основанном на системном анализе с привлечением концептуального аппарата социологии, философии, культурологии, этнографии, истории и других дисциплин.

Родной язык для татар и казахов Западной Сибири в настоящее время прочно служит средством внутриэтнического общения, его использование можно наблюдать в основном в семейно-бытовой сфере. На первом этапе исследования, в 2005 году, для изучения позитивных и негативных тенденций формирования культуры казахских диаспор, проживающих на юге Тюменской области, был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 177 человек, среди них 73,0 % мужчин, 27,0 % женщин. В сфере обслуживания заняты – 5,3 % респондентов; культуры – 2,3 %; дошкольного и школьного образования – 4,1 %; здравоохранения – 8,8 %; в органах власти – 3,5 %; на транспорте – 9,4 %; в строительстве – 1,1 %; системе связи – 4,7 %; в коммерческих структурах – 1,7 %; в сельском хозяйстве – 14,1 %. Кроме того, среди опрошенных 7,6 % составили студенты, 4,7 % – пенсионеры, неработающие составили 11,1 % от общей численности опрошенных. На втором этапе исследования, в 2006 году, изучались ценностные ориентации населения полиэтничного провинциального города. На вопрос «Какой язык лучше всего знаете?» около пятой части опрошенных (19,0 %) ответили, что лучше всего знают казахский язык, чуть более четверти опрошенных – русский язык, а каждый второй (50,6 %) ответил – родной и русский. Вызывает тревогу то обстоятельство, что более четверти казахов (28,7 %) ответили, что лучше всего знают русский язык. Казахский язык был языком детства только для 29,4 % респондентов. Одновременно только каждый четвертый участник анкетного опроса указал, что дома общается на казахском языке. Причем на работе число общающихся на казахском языке еще меньше в три раза – 7,0 %.

В производственной сфере, то есть на работе, большинство представителей казахского населения вынуждены говорить только на русском языке. Вызывает тревогу то обстоятельство, что более половины опрошенных казахов (69,5 %) научили или собираются научить своих детей русскому языку [6, с. 21].

Таблица 1

Ответы респондентов на вопросы, связанные со знанием языка, в процентном соотношении к общему числу ответивших

Вопросы	Язык		
	Казахский	Русский	Казахский и русский
Какой язык лучше всего знаете:	19,0	28,7	51,8
язык детства	29,4	17,1	53,5
язык, на котором говорите дома	22,5	18,5	58,9
язык, на котором общаетесь на работе	7,0	68,0	25,0
Какому языку научили или собираетесь научить своих детей?	15,5	69,5	14,9

В области существуют татарские школы, татарский язык и татарская литература преподаются в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева, на региональном телевидении ведется татарская программа «Очрашулар», выпускаются газеты на родном языке [9, с. 13]. Все это способствует сохранению и развитию родного татарского языка. Родной язык сибирских казахов утрачивается в среде молодого поколения. Чаще всего речь казахов, особенно в городе, одновременно состоит из русских и, реже, казахских слов. Кроме того, длительные устойчивые контакты казахов Тюменской области с сибирскими татарами, близкими казахам по языку, способствовали проникновению в язык сибирских казахов слов из сибирско-татарского языка [5, с. 30–42]. Так, на юге Тюменской области 70 % казахов русским языком владеют лучше, чем казахским, 25 % владеет языками в равной мере, и лишь 5 % владеют только казахским, но, тем не менее, и те, и другие относят себя к казахам. В то же время сохранение родного языка можно наблюдать в сибирско-тюркской антропонимии, исследование которой вносит вклад в развитие методологических подходов к изучению тем схожего характера [4].

Сибирско-тюркская антропонимия сложилась в результате двух взаимонаправленных процессов: 1) внутрь этноса, 2) вне этноса. В связи с характерным для сибирских татар и казахов би-, полилингвизмом сформировалась специфическая антропонимическая система. Соответственно, проживание татар и казахов в Западной Сибири – территории со сложным этническим составом населения – привело к активным культурным взаимовлияниям, языковым изменениям [3, с. 117]. Особенно ярко они выражаются в официально-деловых обращениях к представителям тюркских диаспор на предприятиях, в школах, вузах, детских садах. Очень часто мы встречаем тюркскую фамилию, но русские имя, отчество. Например, Елембаев Сергей Николаевич (директор), Кудайбергенова Татьяна Савельевна (учитель), Садуб Алла Яковлевна (бухгалтер), Галеева Гуля Владимировна (учитель). В семьях иная картина, у всех есть собственное имя на родном языке, которое обязательно имеет прямой перевод, обозначает качество характера: Темирхан – темир означает железо, а значит, прочность; Есен – здравый.

Женские имена соотносятся с красотой, изяществом, грацией: Нурсулу – компонент нур в переводе с тюркского означает луч, сияние, блеск, луч света; сулу – красавица; Лязат – наслаждение, сладость, удовольствие; Майнур – майский луч (май – «масло» + нур

«луч», метафора: самый свежий, красивый, цветущий месяц), Шолпан, Чулпан – утренняя луна. Имена, образованные от призывов к животным, также отличаются необычностью и красотой: Арыстан, Арыслан – лев, Карлыгаш – ласточка, Ботагоз – верблюжьи глазки, Сандугаш, Сандугач – соловей и другие.

Иногда имена даются в качестве определения возраста отца на момент рождения ребёнка или выражают пожелание долгой жизни ребенку и его семье: Елюбай – 50, Алпыспай – 60. Во многих случаях имена отдавали дань некоторым обычаям и традициям. В семьях, где часто умирали дети, новорожденным независимо от пола давали имя Толемис – возвратившийся, извлеченный. Конечно, среди имен тюменских татар и казахов можно встретить и заимствованные имена из русского и других языков. Особой популярностью пользуются такие имена, как Татьяна, Ольга, Дарья, Антон, Андрей, Роза. Очень часто в обоих языках встречаются *общие* имена, характерные как для татарского, так и для казахского антропонимикона: мужские – Рашид, Ринат, Азат, Рустам, Булат, Марат, Дамир; женские – Диана, Динара, Дина, Эльмира, Гуля и другие [10, с. 14]. Подавляющее большинство тюркских имен имеют определенное значение: Алма – яблоко, Темир – железо.

Как и каждый народ, тюменские казахи используют различные сокращенные имена, форма которых образована вычитанием конца имени и прибавлением «ш» или «кен»: Каир – Каиркен, Курмаш – Курмашкен, Айнагуль – Айнаш, Сарсенбай – Сакен. Родители, родственники и старшие члены семьи традиционно используют в обращении к детям имена, связанные с названиями молодых животных: Ботам – верблюжонок, Козим – ягненочек.

Проживание тюркских народов на территории Тюменской области непосредственно среди русского населения наложило свой отпечаток в формировании антропонимикона. Например, искажение норм казахского языка в именнике связано со звуковым расхождением двух языков, в частности, отсутствием некоторых гласных и согласных в русском языке, характерных для казахского языка: Злика – Злиха, Дарика – Дариха, Габдолла – Габдулла, Жбек – Жибек, Когаршин – Кугаршин, Багдат – Бахдат и др.

В документах Тобольской губернии среди 58876 фамилий встречаются повсеместно и фамилии местных тюрков с указанием этнической и социальной принадлежности: **Егоров Иван Васильевич** – калмык по происхождению, мещанин; **Иванов Пётр** – конный казак инородческой литвы; **Азисов Илья** – новокрещеный (татарин), проживавший в Тюмени; **Алашатуров Бажен** – служилый татарин; **Алгазина Анна** – рабочая спичечной фабрики; **Алемасов Прон** – казак станицы литвы и прочих инородцев [4, с. 18]. Счетчики Михаил Ренев, Яков Медведев, Никифор Пагадаев и другие, возможно, записывали имена приближенно к произношению тех, кто называл их. Специфика фонематического слуха русских счетчиков не позволяла фиксировать нюансы тюркского слова на письме, поэтому возникали искаженные варианты записи, которые впоследствии приводили к различным несуразностям в документах разного времени: **Апшанов Салут Атшанович** (около 1784 – ?) – сын казака **Атшанова А. А.** (1799 – ?), **Асланин – Арсланин, Ачекматов Майтмас – Азикматов Маатмас, Ижболдин Дмитрий Григорьевич – Ишболдин**. Этот процесс наряду с другими наглядно иллюстрирует процессы взаимодействия татарской и русской антропонимических систем [4, с. 14].

Однако тщательный анализ метрических книг и иных документов позволяет сделать несколько иные выводы. Пополнение русского фонда тюркскими фамилиями, равно как и обогащение тюркско-татарского фонда русскими фамилиями и именами в большей степени было связано с изменением веро-

исповедания. Как отмечают исследователи, «в Тобольской семинарии, открывшейся в 1743 году по указанию Священного синода, существовал класс татарского языка» [4, с. 18]. Антропонимическая конструкция в этом случае может состоять: **а) тюркско-татарская фамилия (предков) + новокрещеное имя по святцам + отчество по имени родного отца (ТНТ) – Дашков Богдан Бетюкович** – князь, один из основателей Тюмени (1586); **Азисов Илья** – новокрещеный (татарин), проживавший в Тюмени (1907); **Бакшеев Илья** – голова служилых татар (1632, 1641, 1649, 1656), воевал с калмыками, сын боярский (1644–1650), приказчик Невьянской слободы (12.1644–12.1646), один из участников бунта против воеводы Елдезина (1654); **б) тюркско-татарская фамилия + новокрещеное имя по святцам + отчество по имени крестного (ТНК); в) полностью новая фамилия (русского происхождения) + имя по святцам + имя по крестному** (формула в этом случае может совпадать с русской конструкцией, разъяснения находятся лишь в источниках о смене фамилии, имени и отчества в связи с изменением вероисповедания) **(РНК); г) полностью новая фамилия (русского происхождения) + имя по святцам + имя по крещенскому имени отца** – **Башарин Пётр Михайлович** (около 1726 – 1816) – сын торговца Башарина М., купец (1753, 1761), владелец кожевенного завода (с 1753), счётчик питейной суммы (1754), словесный судья Ирбита (1759), выборный в (винном?) подвале (1761), владелец дома на Зареке (1761), торговал на Сибирской и Оренбургской линиях (1760-е), купец (1770), занимался шелкоделием (1770), смотритель неуказных торгов (1773), купец 2-й гильдии (после 1775, 1789–1791, 1794–1816), словесный судья (1778), владелец кожевенного завода (с 1791, 1808, 1809), купец 1-й гильдии (1794, 1795), купец (1804, 1812), владелец салотопни (1808), владелец самого крупного в Тюмени кожевенного завода (1809), купец 3-й гильдии (1816), мастер кожевенного дела (1815), объявил капитал 8. 100 рублей (1816). Такие антропонимические конструкции составляют свыше 25 %. Особенно ярко последние две конструкции перехода татар в русские прослеживаются при анализе одной семьи. Например: **Енбаев Батыр** (1737 – ?) – служилый татарин, поступил на казацкую службу в 1747 году, ушёл в отставку (1770). **Енбаев Георгий Андреевич** – проживал в Таре? (1891?), коллежский асессор (1900–1901), помощник акцизного надзирателя по Берёзовскому уезду (1900–1902), надворный советник (1902), гитарист, руководитель оркестра балалаек, сотрудник Афромеева А. М. (1910-е), проживал в Тюмени (1913–1914), член Обдорского миссионерского братства имени Святого Гурия (1913–1914). **Енбаев Модест Георгиевич** (21.08.1891 – ?) – уроженец Тары, сын чиновника (Енбаева Г. А.?), подавал прошение на поступление в I класс АРУ (принят, 1901), получил аттестат об окончании основного курса АРУ (06.1909); **Тилвин Ефрем** – новокрещеный из татар, казак станицы литвы и прочих инородцев (1646). В этой связи закономерным будет вопрос о классификации русского и татарского фондов антропонимов в Тобольской губернии, а позже и в Тюменской области [4].

В конце XVI века русские настолько сблизились с татарами, что «даже не чуждались браков с ними» [4, с. 114]. Эти тесные контакты обогащали именник сибирских казаков. Из разных отписок тобольских воевод видно, что «русские крестьяне ходят в инородческие юрты, а инородцы посещают русские деревни, вместе ... играют в зернь и в карты, инородцы говорят русским языком и всякому русскому обычаю навычны» [там же, с. 116]. В 1632 году московский патриарх Филарет писал сибирскому архиепископу Киприяну: «Ведомо нам учинилось... что в сибирских городах многие служилые и жи-

лецкие... русские люди с татарскими и с остяцкими, и вогульскими ... женами смешаются» [4, с. 90–91]. В случае принятия православия происходила не только смена фамилии, имени и отчества, но и постепенная смена национальной картины мира, что способствовало обрусению тюрков и полной ассимиляции в конечном итоге. Поэтому отголоском этих процессов остались лишь татарские фамилии у современных русских нашего края, да и некоторая антропологическая специфика внешности. Эти явления, на наш взгляд, отражают «механизм самоидентификации личности в культуре» [1, с. 28], позволяя говорить об уровнях толерантности в различных языковых средах, которые формируются при непосредственном участии выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» и национально-культурных обществах в целом [7, с. 139]. Иными словами, межэтнические установки, ориентация на межгрупповые контакты в разных сферах взаимодействия тесно связаны с соответствующими стратегиями межэтнического взаимодействия. В такой сложной межэтнической обстановке происходит формирование языкового и речевого поведения как местного тюркского населения, так и прибывающего из стран ближнего зарубежья. Культура межнационального общения – уважение к людям других национальностей, доброжелательность и чувство коллективизма, готовность прийти на помощь человеку любой национальности. Изучение этносоциальных особенностей психики людей в этногруппах имеет важное значение для воспитания культуры общения в трудовых и учебных коллективах.

Имя как идентификатор этнической принадлежности является важным носителем информации, поэтому любые трансформации имени в иноэтничной среде приводят к дискомфортному психологическому состоянию носителя языка. Например, при фиксации имен нередко происходит чередование гласных и согласных, связанных с фонетическими процессами в тюркских именах: **Серикбай – Серыкпай, Гульжамал – Кульжамал, Есымкан – Есымхан, Батырбай – Батурбай, Маптука – Мафтуха, Амиржан – Амыржан, Бакытчан – Бахытжан.** Существует и рассогласованность в образовании отчеств от казахских имен: **Зейнульевич** и **Зейнуллаевич; Кабибуллович, Хабибуллович, Хабибуллаевич, Кабибуллаевич, Кабибулович; Абиевна** и **Абыевна; Хожаевна, Кожаевна, Кожагельдиновна; Мусаевна** и **Мусовна** и т. п.

В период развития новых независимых государств на постсоветском пространстве наблюдается рост этнического самосознания тюркских народов, становление ценностных ориентиров, осмысление своей идентичности. Стала возрождаться деятельность национально-культурных объединений. В Тюмени появились новые казахские общества: «Достык», «Бирлик», «Сауле», «Тан», «Арман», «Жулдыз», «Дин», в которых стали преподавать казахский язык для детей, проводить казахские вечера отдыха для казахской молодежи и «Для тех, кому за 30». В процессе глобализации культур происходит их взаимодействие, результатом которого является идентификация культур этносов по ценностным компонентам. Общность культурных интересов облегчает взаимопонимание людей в процессе межэтнического общения, регулирует их. Исходя из этого, тема глобализации культур, проблема взаимодействия и культурной идентификации народов является одной из актуальных на современном этапе. Сегодня не вызывает сомнений, что межкультурный коммуникационный диалог – это процесс передачи межэтнической информации на общем для коммуникантов языке от одного человека к другому или между группами людей по разным каналам и при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и пр.). Этот процесс может приобретать разные формы в зависи-

мости от числа участников, целей участвующих сторон, используемых каналов, средств, стратегий и пр., поэтому имеются различные модели коммуникации. Сегодня замалчивается тот факт, что Россия, испытывая мощную миграционную нагрузку, становится полем для многовекторной коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают проблемы государственного, а не стихийного лингвомоделирования языковой личности нового полилингвоментального типа. Само функционирование языков в условиях полиэтничного полилога предполагает проникновение языковых культур друг в друга в контексте несформированной полилингвальной и поликультурной языковой личности.

Нельзя не заметить и изменения в сибирско-казахском антропонимиконе. В настоящее время казахи Тюменской области стараются называть своих детей красивыми традиционными именами. Например, Мерген, что в переводе с казахского означает снайпер, стрелок; смысл этого имени – быть зорким, всегда достигать цели, всегда поступать правильно; Мейрам – праздник, веселье; Абдулжалел – в переводе с арабского Абди означает вечный, бесконечный, раб Божий; в переводе с арабского языка жалел – великий, славный, знаменитый, известный, самый красивый; Еламан – слово ел в переводе с казахского – народ, родина, страна, аул; компонент аман означает благополучный, невредимый; Закария в переводе с арабского – упоминание Бога; Касымхан, касым – красивый, прекрасный, хан – царь, глава, правитель.

Возврат к древним традиционным формам сибирско-тюркского именника становится все заметнее и ярче. Казахи и татары стали называть детей именами прабабушек и прадедушек, стали возвращаться к традиции, когда фамилии образовывались от имени отца или старейшины рода, ведь старшее поколение является в наивысшей степени национальным достоянием тюркских этносов. Как справедливо отмечают Й. Митурска-Бояновска и Л. А. Араева, существуют этнокультурные особенности при выборе имен в зависимости от места рождения и жительства номинатора [8, с. 167–173].

Таким образом, в сибирско-казахском антропонимиконе активно употребляются имена тюркского происхождения, различные по лексико-семантическим и структурным признакам. В именах тюменских казахов отражаются общие национальные черты, при этом прослеживается влияние русского, взаимовлияние татарского и казахского языков в 70–80-х годах XX века и возврат к древним тюркским традициям нарекания новорожденного в настоящее время, который столь необходим как связь с культурными корнями и истоками своего народа, как осмысление своей национальной идентичности в XXI веке.

Мы полагаем, что сложность языковой дистрибуции сибирских татар и сибирских казахов связана с поздним этногенезом, неизученностью сибирских казахов и языковой близостью между сибирскими татарами и сибирскими казахами. Трансформационные процессы, протекающие активно на постсоветском пространстве в сфере функционирования языков, наглядно демонстрируют нам процесс переструктуризации русскоязычного мира. Увеличение миграционных потоков из Казахстана и стран Центральной Азии лишь усиливает интерференционное влияние языков друг на друга. Этнический дискомфорт под воздействием экономического и социально-политического фактора легко перерастает в общественные фобии и оборачивается ростом интолерантных и миграционных стратегий. В то же время этнический комфорт, определяя степень привлекатель-

ности определенного этнотерриториального сообщества, предполагает характерную для конкретного региона исторически выработанную модель оптимальной межэтнической (культурной) дистанции; она не препятствует межгрупповому взаимодействию, но в то же время обеспечивает целостность и эффективное воспроизводство этнических идентичностей.

В целом, межъязыковое взаимодействие народов-контактеров в условиях полиэтнического пространства российско-казахстанского пригранічья вырабатывает местный колорит, выраженный условиями региональной материально-духовной культуры и языка. Мы можем сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом.

Литература

1. Астахов О. Ю. Диалог как механизм самоидентификации личности в культуре // Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 28–32.
2. Жанузаков Т. Казахские имена. – Алматы: Кочевники, 2004. – 334 с.
3. Карабулатова И. С. Казахи / И. С. Карабулатова, Г. К. Чаукерова // Малая энциклопедия народов Тюменской области: краткий словарь-справочник. – Тюмень: Вектор-Бук, 2005. – С. 114–122.
4. Карабулатова И. С. Луна и солнце тюркского имени: метаморфозы личных имен / И. С. Карабулатова, С. В. Гузенко, Г. К. Чаукерова. – Тюмень: Вектор-Бук. – 2011. – 154 с.
5. Карабулатова И. С. Языковая личность в трансформирующемся сообществе (на примере билингвов в полиэтничном окружении) / И. С. Карабулатова, К. К. Койше, З. В. Поливара [и др.]. – Тюмень: Вектор-Бук, 2013. – 200 с.
6. Койше К. К. Проблемы сохранения культуры казахского населения в полиэтничном провинциальном городе – Тюмень: АКД, 2008. – 23 с.
7. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» // Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 139–147.
8. Митурска-Бояновска Й. Этнокультурные особенности названий вывесок мест общественного питания в Польше и России / Й. Митурска-Бояновска, Л. А. Араева // Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 167–173.
9. Ниязова Г. М. Современное информационное пространство: этнолингвофункциональный подход / под ред. И. С. Карабулатовой. – Тюмень: Печатник, 2007. – 192 с.
10. Чаукерова Г. К. Особенности функционирования сибирскотюркского антропонимикона в условиях полиэтничного пространства (на материале личных имен татар и казахов Тюменской области): дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Гульзара Кабибулловна Чаукерова. – Тобольск, 2008. – 236 с.

Literatura

1. Astakhov O. Yu. The dialogue as a mechanism for self-identification person in the culture // Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication; ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 28–32.

2. Januzakov T. The Kazakh names. – Almaty: Nomads, 2004. – 334 p.
3. Karabulatova I. S. Kazakhs / I. S. Karaboulatova, G. K. Chaukerova // The small encyclopedia of the peoples of the Tyumen region: A Brief Glossary. – Tyumen: Vector-Book, 2005. – P. 114–122.
4. Karabulatova I. S. The moon and the sun of the Turkic name: Metamorphoses of personal names / I. S. Karaboulatova, S. V. Gouzenko, G. K. Chaukerova. – Tyumen: Vector-Book, 2011. – 154 p.
5. Karabulatova I. S. The linguistic identity in transforming of the community (for example, bilinguals in a multiethnic environment) / I. S. Karaboulatova, K. K. Koyshe, Z. V. Polivara [etc.]. – Tyumen: Vector-Book, 2013. – 200 p.
6. Koyshe K. K. The problems of preservation of culture of the Kazakh population in a multiethnic country. – Tyumen: ACD, 2008. – 23 p.
7. Kudrina E. L. The formation of tolerance as an innovative direction of training the university graduates of culture and the Arts in the company «Knowledge» // Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich – Szczecin: Grafform. 2012. – P. 139–147.
8. Miturska-Boyanovska J. Ethnocultural specific name of signboards cafés in Poland and Russia / J. Miturska-Boyanovska, L. A. Araeva // Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 167–173.
9. Niyazova G. M. The modern information space: ethnolingvofunctional approach / ed. I. S. Karaboulatova. – Tyumen: Printer, 2007. – 192 p.
10. Chaukerova G. K. The peculiarities of functioning the sibirskotyurkskogo antroponimikona in time. The space (based on material of the personal names of Tatars and Kazakhs Tyumen region): dis. ... candidate of philological science: 10.02.02 / Gulzara Kabibullovna Chaukerova. – Tobolsk, 2008. – 236 p.

УДК: 811.161.1’42(571.12)

Е. А. Федорова, В. П. Сливинский

СИБИРЬ В ЛИНГВОМИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья затрагивает проблему осмысления Сибири как особого мифологического пространства в языковом сознании русского человека. Исследователи рассматривают этимологические корни трансформации хоронима. Они пытаются понять, почему Сибирь выступает как сакральное место, обладающее сложной сетью ассоциативных полей. Авторы рассматривают вопрос: почему Сибирь воспринимается как аналог Тартара, своеобразным чистилищем и вместе с тем местом приобретения сверхъестественных сил и способностей. Региональное топонимическое пространство может быть рассмотрено, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку зачастую топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям.

Ключевые слова: Сибирь, мифоним, хороним, русское языковое сознание, Тартар, трансформация имени.

E. A. Fedorova, V. P. Slivinsky

SIBERIA IN THE LINGUISTIC AND MYTHOLOGICAL CONTINUUM OF RUSSIA: PROBLEM OF UNDERSTANDING THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article deals with the problem of understanding of Siberia as a special mythological space in the linguistic consciousness of the Russian people.researchers consider the etymological roots of the transformation horonoma. They are trying to figure out why Siberia acts as a sacred place, which has a complex network of associative fields. The authors examine the question of why Siberia is seen as analogous to Tartarus, a kind of purgatory, and together with the place of acquisition of supernatural powers and abilities. Regional toponymic space can be considered, on the one hand, as a text reflecting the history of the people, on the other hand, cultural environment, which forms the historical consciousness, as it is often perceived as a memorial to names of historical figures and events. Myths are an effective means of influencing the public consciousness, mythological communication is very interesting for advertising and public relations, as there is a level that can be weakly refuted the mass consciousness. Myth is one of the features of onomastic discourse.

Siberia is associated as a specific mythological space. It is no accident that Siberians in proverbs serve as special people, and Siberia as a special fabulous space. For example: Siberian is not one who was born in Siberia, but the one who puts on the heat, Siberian is not the one who lives in Siberia, but the one who puts on the heat, Siberia-mother and the Urals, the priest sent to Siberia as hard as a Siberian, Siberian health, etc.

Send or go to Siberia in the popular mind equates to traveling to the sacred world of death, into the world of the Other, so the use of the word as a place name «Siberia» is associated with the designation of the forbidden places, closed places, remote location with a strong negative connotation.

In addition, there is a dichotomy in the Russian language consciousness: «Russia – Siberia» as an echo of a dichotomy of Russia and Siberia as Tartary / Tartarus. Thus, the «Tatar land» has a special place in the plot. It is at the opposite pole, in opposition to all Russian things, it is the habitat of «enemies of the villains, powerful Tatars evil.» «Conspiracy selfless person going into any war» describes the battle with the Tatars as with the infidels, soldiers, notorious for cruelty, courage, supernatural invulnerability.

Keywords: Siberia, mythonym, bury, the Russian language awareness, Tartarus, the transformation of the name.

В свое время П. А. Флоренский справедливо заметил, что «об истории любого слова можно написать целую книгу» [19, с. 326].

В этом выражено фундаментальное свойство слова, его предназначенность к функции «работы духа в материале артикулированного звука», его центральная роль в языке как ενργεια [5]. Слово есть «метод концентрации» смысла [19, с. 163] и, для другого, – сам явленный смысл [19, с. 252], именно «слово произнесенное подводит итог внутреннему томлению по реальности» [19, с. 291]. Однако следует признать, что то, что говорят о слове великие гумбольдианцы и сам Гумбольдт, значимо далеко не для каждого. Так, как ни велик авторитет гумбольдтовского учения для лингвистов, но сказанное выше не имеет ни малейшего отношения к реально-практикуемой лингвистике, да и к филологии лишь настолько, насколько она – герменевтика. Заметим, что так называемые «науки о слове» – лексикология и лексикография – трактуют лексическую систему языка, абстрагированную от живого языка, языка как Слова. Именно это положение позволило Б. Крозе определить словарь как «кладбище кое-как подбальзамированных трупов» [20, с. 176], что столь верно по отношению к реальному слову, сколь несправедливо по отношению к лексикографии.

В переходную эпоху заново ставится вопрос: что такое Сибирь? Этот неясного происхождения хороним до сих пор несет в себе и мифологические, и утопические, и реально-исторические смыслы. «Сибирь как колония» (Николай Ядринцев) – вот так началось осознание Сибири в России, однако не стоит забывать, что некогда Дон, Поволжье, Кавказ были когда-то регионами русской колонизации. Мы полагаем, что топонимическая система представляет собой сложную сеть ассоциативных полей (относительно автономных семантических подсистем, объединенных некоторыми общими компонентами и состоящих из связанных между собой лексических единиц). Иными словами, «топоним являет собой свернутый миф» [9, с. 118]. Например, мы полагаем, что топонимические ассоциации являются ключевыми словами ономомифа местности, голографически представляя топообъект в языковом сознании носителя языка. Само понятие «ключевое слово» активно используется в современном языкознании. Ю. Л. Воротников приводит следующее определение, которое дала этому термину Е. А. Земская: «Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [3, с. 137]. Однако здесь возможны варианты создания топонимического мифа. Кроме данного слова – «ключа» существуют и другие, которые открывают иные «входы» в это культурное пространство. Региональное топонимическое пространство может быть рассмотрено, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку зачастую топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям. Мифы представляют собой эффективное средство воздействия на массовое сознание; мифологическая коммуникация весьма интересна для рекламы и паблик рилейшнз, поскольку действует на уровне, который может слабо опровергаться массовым сознанием. Миф является одной из особенностей ономастического дискурса. В ономастическом дискурсе миф понимается нами как некритически воспринимаемые стереотипы общественного сознания. В основе создания мифа лежит явление фетишизации символа: Золотая Орда → «Золотая Орда» (магазин, ресторан, Интернет-игра). В более поздней трактовке это исторически обусловленная разновидность общественного сознания. В новейших интерпретациях под мифом подразумевается некритически воспринятое воззрение [6, с. 43].

Как утверждает Э. В. Померанцева, «отклики далекой, давно забытой действительности», они отнюдь «не воспринимаются как рассказ о прошлом, а формируют тот призрачный фантастический мир, в котором живут и действуют … герои» [15, с. 85].

Сибирь ассоциируется как специфическое мифологическое пространство. Не случайно сибиряки в пословицах выступают как особенные люди, а сама Сибирь как специальное сказочное пространство. Например: **Сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается; Сибиряк не тот, кто в Сибири живет, а тот, кто тепло одевается; Сибирь-матушка, а Урал – батюшка; послать в Сибирь; крепкий как сибиряк; сибирское здоровье** и т. п.

Отправка или дорога в Сибирь в народном сознании приравнивается к путешествию в сакральный мир Смерти, в мир Иного, поэтому использование в качестве топонима слова **«Сибирь»** связано с обозначением запретного, закрытого, удаленного места с ярко выраженной негативной коннотацией. Например, в украинской народной песне есть такие слова «За Сибіром сонце сходить, Хлопці не зівайте. Ви на мене, Кармалюка, всю надію майте». У. Кармалюк – украинский Робин Гуд. Такое соотнесение хороним Сибирь в народном языковом сознании с сакральным пространством перемещает

саму Сибирь в реальность заговора, сказки и мифа. В связи с этим показательны и популярные книги якобы «сибирской целительницы Натальи Степановой», а также всевозможная реклама в газете «Оракул» якобы потомственных целителей из Сибири (бабушка Агафья, бабушка Вера и т. п.). Считается, что якобы лишь в Сибири сохраняются исконные знания, имеются скрытые ресурсные источники и сакральные «места силы», живут особенные люди и т. п.

Кроме того, в русском языковом сознании имеется противопоставленность: Русь – Сибирь, которая является отголоском провоспоставленности Руси и Сибири как Тартарии/Тартара. Так, особое место занимает в заговорах **«Татарская земля»**, которая находится на противоположном полюсе, противопоставляясь всему русскому, она – место обитания **«враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ». «Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на любую войну»** описывает сражения с татарами – с иноверцами, воинами, прославившимися своей жестокостью, храбростью, сверхъестественной неуязвимостью: **«Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за всаъ цѣлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣлъ и невредимъ»**. Твердыней, способной уберечь от всех врагов, выступает в заговорах **«Кремль»**. Первый пласт ассоциаций связан с кремнем, на самом деле этимология слова иная: **«Кре́мль м. кремъ, кремни́къ стар. и кромъ (отъ кроми́тъ, кромленое мѣсто), дѣти́нецъ, внутренняя крѣпостца, крѣпость внутри города; стѣна съ бойницами, воротами, башнями, ограждающая важнѣйшую часть города, дворецъ, казну»** [8, с.138].

На древних картах территория, находящая за Уральскими (Рифейскими) горами, обозначалась не иначе как **Тартар**. Известно, что непременной составляющей частью мифокоординат европейской цивилизации является **«та́ръ-таръ»**, или **«таръ-тарары»**. Тартар (заимствование из греч. языка) считался нижней частью преисподней – Аида, представляющей темную бездну в глубине космоса, иногда отождествлялся с Аидом. Вокруг Тартара вечно бушуют вихри, он окружен тройным слоем мрака и железной стеной (или тремя медными стенами). Железные (или медные) ворота Тартара – создание Посейдона. Эти железные ворота также можно соотнести с Уральскими горами.

В Тартаре находилось жилище Никты (Ночи). У Гесиода Тартар персонифицирован и считается одним из первых четырех богов. Итак, в античной традиции Тартар описывался как некое пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида – царства мертвых; он не просто отгорожен железной/медной стеной, но и ночь окружает его в три ряда. Тартара страшатся даже боги, поскольку все, что попадает в Тартар, исчезает безвозвратно, потому что оттуда нет дороги назад [8].

В современном русском языке выражение «провалиться в тартарары» означает исчезнуть, погибнуть [10, с. 136]. Именно это последнее, метафорическое значение, реализуется в заговорных текстах в закрепке и в ссылании, в проклятиях и т. п. Описание Тартара повторяет сведения мифов, например, в **«МолитвѢ, аще въ домѢ глумится»: «врата мѢдны…, и верія желѢзныя, …и узами мрака въ тартарѢ посадивъ, связалъ еси (змія)»** [8, с. 138].

Как справедливо отмечает В. В. Колесов, «пространство, основная категория русской ментальности, при необходимости к пространству сводят и время, и движение, и все остальные категории» [11, с. 102].

Тартария – именно так называлась обширная территория Зауралья, населенная тартареями (тартарами, татарами). Одни исследователи считают её мифическим обозначением никогда не существовавшего

государства [13], другие – обозначением конкретной местности [18]. Этот хороним был особо актуальным во времена Средневековья, когда монгольские войска стремительно завоевывали Европу. В средневековом мире встреча и сравнение культур происходили в категориях «свое – чужое». «Человеческому», осененному крестом пространству Запада противостояло чужое и враждебное пространство Востока. Свой мир (миръ «вселенная») человек Средневековья воспринимал как большое «село», но в то же время в его понимании пространства «отчетливо присутствовало осознание того, что мир этот не рожден из ничего, он – творение рук Божьих» [2, с. 168]. Поэтому славянский мир в целом (да и европейский в том числе) испытал потрясение в связи с тем, что о монголах в Библии не было сказано ни слова.

Однако следует признать, что средневековый мир быстро справился с этим стрессом, поскольку мировосприятие той эпохи отличалось цельностью, а именно: в каждом событии земной истории виделся символ событий Священной истории. Вторжения чужеземцев, природные катастрофы находились в одном ряду по значимости для человека Средневековья, поскольку считалось, что все повторяется от начала времен и на все воля Божья. Для того чтобы оправдать ужасные ожидания и неминуемые бедствия, требовалось отыскать их прототип в прошлом, так древняя история сливалась воедино с современной перед божественной вечностью. Для налаживания связей с тартарами была отправлена францисканская миссия, нунцию брату Иоанну первому предстояло задать вопросы западной цивилизации «царю тартарейскому».

Архиепископ Петр, отвечая на вопрос о происхождении тартар, ссылается на «Откровение» псевдо-Мефодия, который пророчествовал, что к скончанию времен явятся те, кого изгнал Гедеон, и пленят они всю землю от Востока до Евфрата и от Тигра до Понта Эвксинского (Черного моря), кроме Эфиопии [1, с. 16–46]. Это откровение псевдо-Мефодия приобрело свой особый смысл для событий XII века. Как утверждали английские источники того времени, «неслыханная рать безбожных тартар» была признана моавитянами, бежавшими в глубокой древности от гнева библейского Гедеона «до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него они и названы тартарами… И, выйдя из-за гор с бесчисленными полчищами, они покорили тюрков, вавилонян и направили своих вождей против Руси, Польши и Венгрии» [14, с. 180–182]. Вот так, благодаря пророческим словам псевдо-Мефодия, тартары обрели свое место в Священной истории западной (христианской) цивилизации.

Это отношение к татарам хорошо прослеживается в русском фольклоре. Например, в русских колыбельных песнях маленькому ребенку надлежит спать, а не то «татарин-басурман посадит девку в карман, девку за волосы дерет, девка дурным голосом орет» [7, с. 145]. Не случайно и сама Татарская земля находится на другом полюсе ценностей по отношению к Русской. Считается, что Татарская земля – место обитания врагов земли Русской. Вторжению азиатских кочевников было найдено объяснение и оправдание, соответствующее божественному архетипу небесной кары. Это не является странностью времени, если учесть, что именно новгородские первые летописи описывают тартар/татар как носителей иной культуры, иной религии, а жестокость татар укрепляла в русском сознании образ заклятых врагов.

Татар воспринимали как прорыв запертых до времени сил зла. По всей видимости, свою роль в мифологизации сыграла и созвучность обозначений: татары – Тартар – Татария (Тартария). Серапион Владимирский порицал современников, не внявших

божественным предзнаменованиям монгольского нашествия: «И все равно не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избили, над матерями и сестрами нашими надругались. И теперь, братья, все это признав, убоимся страшного этого наказания и припадем к Господу своему с обещанием: да не падет на нас еще больший гнев Господень, да не наведет на нас казни больше прежней» (цит. по [18, с. 60]). В сознании русского народа историческое событие – нашествие монголов – сразу же перешло в разряд мифологического. Поэтому даже в заговорной традиции содержатся описания сражений русских с татарами-иноверцами, воинами, прославившимися своей жестокостью, храбростью, сверхъестественной неуязвимостью: «**Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за всаъ цЂлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цЂлъ и невредимъ»**.

Итак, отношение к тартарам, тартареям, татарам в Средневековье было неоднозначным. Татар/тартар принимали в Европе и за потомков десяти колен Израилевых, ушедших за золотым тельцом и канувших в вечность (Тартар), и за другие библейские народы, которые исчезли в древности. В свое время возникла даже дискуссия: являются ли тартары евреями или нет [18]. Наиболее распространенной была версия о том, что тартары – это предсказанные легендарные народы древности Гог и Магог, приход которых возвестит о конце мира. Итак, тартары в момент своего появления воспринимались на Западе как одно из проявлений гнева Божьего. Аналогично воспринимали тартар и народы Востока. Рашид ад-Дин так описывает речь Чингисхана к жителям Бухары: «Бойтесь меня! Ибо я – кара господня. Если бы с вашей стороны не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!» [17, с. 205]. Однако уже в XIV веке, в эпоху тесных контактов, торгового обмена, в Европе появятся сочинения, идеализирующие нравы и обычаи кочевников Тартарии [4]. В то же время появившиеся известия о едином боге тартар дали толчок одному из наиболее любопытных мифов средневекового Запада – легенде о таинственном христианском государе пресвитере Иоанне, чье могущественное царство соотносилось с не менее таинственным Беловодьем или Шамбалой. Содержание мифа и в прошлом, и в настоящем воспринимается вполне реальным, и, как утверждает Т. Р. Пятникова, «различие между реальным и сверхъестественным не проводится» [16, с. 90].

Сегодня мы наблюдаем переосмысление образа врага в русском языковом сознании, дихотомия «свой – чужой» наблюдается между европейцами и афроамериканцами, россиянами – американцами и европейцами, русскими – народами Кавказа, русскими – евреями и т. д. Этот список можно продолжать. Однако в русском языковом сознании Сибирь со своей географической и культурной отдаленностью от центра воспринимается практически также, как и Африка с ее многочисленными языческими культами, наглядно демонстрируя уровень реальной «толерантности/интолерантности в различных языковых средах» [12, с. 139].

Литература

1. Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. – М., 1997. – С. 468.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

3. Воротников Ю. Л. Слова и время. – М.; Н., 2003. – 167 с.
4. Гофф Ж. Ле. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – 427 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческих языков и влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
6. Гуревич П. С. Мифология наших дней // Свободная мысль. – 1992. – № 11. – С. 43–53.
7. Карабулатова И. С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Академия, 2004. – 268 с. (с аудиоприложением).
8. Карабулатова И. С., Бондарец Е. А. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики. – Тюмень: Феликс, 2005. – 368 с.
9. Карабулатова И. С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.
10. Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. – М.: Наследие, 1997. – 462 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
12. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» // Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 139–147.
13. Малолетко А. М. Географическая ономастика. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. – 186 с.
14. Матузова В. И. Английские средневековые источники, XIII–IX вв.: тек., пер., коммен. – М.: Наука, 1979. – 670 с.
15. Померанцева Э. В. Русская устная проза / сост. В. Г. Смолицкий. – М., 1958. – 780 с.
16. Пятникова Т. Р. Мифология как тип мировоззрения (особенности мифологического сознания) // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре: материалы научной конференции, посвященной 10-летию научного фольклорного архива народа манси (р. п. Березово, 19–22 сентября 2003 г.). – Томск: ТомГУ, 2005. – С. 88–93.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. – М.; Л.: Наука, 1952. – 386 с.
18. Юрченко А. Г. Взгляд с высоты Вавилонской башни // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб.: Евразия, 2002. – С. 32–74.
19. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Избранные труды: т. 2. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
20. Crose B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistic generale. – 4-e ed. riv. – Bari: Giuseppe Laterza & figli, 1912. – XXIII + 589 p.

Literatura

1. Apocrypha ancient. Texts and Studies / Apocrypha ancient. – M., 1997. – 468 p.
2. Vendina T. I. Medieval man in the mirror of Old Church Slavonic. – M.: Indrik, 2002. – 336 p.
3. Vorotnikov Yu. L. Words and time. – M.: Nauka, 2003. – 167 p.
4. Goff J. Le. The civilization of the medieval West. – M., 1992. – 427 p.
5. Humboldt W. fon. On the difference between the structure of human language and its impact on the spiritual development of human languages and the impact on the spiritual development of mankind // W. fon Humboldt. Selected works on linguistics. – M.: Progress Publishers, 1984. – P. 34–298.

6. Gurevich P.S. The mythology of the day // Free Thought. – 1992. – № 11. – P. 43–53.
7. Karabulatova I. S. Culture childhood Tyumen region: tradition and modernity. – Tyumen: The Academy, 2004. – 268 p. (with audio application).
8. Karabulatova I. S., Bondarets E. A. Conspiracy: a proper name in the sacred discourse voodoo practices. – Tyumen: Felix, 2005. – 368 p.
9. Karabulatova I. S. Prognostic toponymy: the transformation of the space in the language toponymic minds of Russian. – Tyumen: Printer, 2008. – 254 p.
10. Klyaus V. L. Index plots and plot situations conspiracy texts eastern and southern Slavs. – M.: Legacy, 1997. – 462 p.
11. Kolesov V. V. Russian mentality in language and text. – SPb.: St. Petersburg Oriental Studies, 2006. – 624 p.
12. Kudrina E. L. Tolerance as an innovative direction university graduates Culture and the Arts in Society «Knowledge» // Homo communicans II: The Man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturska-Boyanovska, Alexander Shunkov Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 139–147.
13. Maloletko A. M. Geographic onomastics. – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2001. – 186 p.
14. Matuzova V. I. English medieval sources, IX–XIII centuries: Texts, Translation, Commentary. – M.: Nauka, 1979. – 670 p.
15. Pomerantseva E. V. Russian oral prose / comp. V. G. Smolitsky. – M., 1958. – 780 p.
16. Pyatnikova T. R. Mythology as the type of world view (especially mythological consciousness) // Folklore in the nation's history and its place in contemporary culture: Proceedings of the conference on the 10th anniversary of the scientific folklore archive of Mansi (district town Birch, 19–22 September 2003). – Tomsk: TomSU, 2005. – P. 88–93.
17. Rashid al-Din. Collection of Histories. V. 1. Kn. 2 / Translated from Persian. O. I. Smirnova, Notes B. I. Pankratov and O. I. Smirnova; ed. A. A. Semenov. – M.; L.: Nauka, 1952. – 386 p.
18. Yurchenko A. G. View from the height of the tower of Babel // Christian world, and «The Great Mongol Empire.» Proceedings of the Franciscan mission in 1245. – SPb.: Eurasia, 2002. – P. 32–74.
19. Florensky P. A. In watersheds thoughts // Selected Works: vol. 2. – M.: Truth, 1990. – 448 p.
20. Crose B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistic generale. – 4-e ed. riv. – Bari: Giuseppe Laterza & figli, 1912. – XXIII – 589 p.

УДК 808.2

М. Н. Крылова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена анализу структуры и семантики сравнительных конструкций, употребляемых в текстах современной художественной литературы. Современный автор использует не все возможности структуры русского сравнения; основным для него становится оперирование образами, как традиционными для русской литературы, так и новыми – вульгарными, банальными, претенциозными.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, структура и семантика сравнения, образы сравнения, художественная литература.

M. N. Krylova

THE COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE MODERN LITERARY TEXT

This article analyzes the structure and semantics of comparative constructions, used in the texts of contemporary literature. Modern writer does not cover all the possible structure of Russian comparison; manipulation of images, both traditional for Russian literature and new – vulgar, banal, pretentious – becomes the main for writer.

Keywords: comparative constructions, structure and semantics of comparison, comparison images, fiction.

Вопрос о назначении художественной литературы ставился философами уже в глубокой древности. Однако сегодня, когда художественная литература переживает тяжелый кризис, а интерес к ней стремительно падает, особенно важно понять, что именно и как, какими художественными средствами, несет литература современной языковой личности.

Мы попытались проанализировать закономерности использования авторами современных художественных текстов такого, на первый взгляд, семантически показательного и одновременно ментально сложного средства языковой выразительности, как сравнение. Для этого мы провели анализ структуры и семантики сравнительных конструкций в языке современной художественной литературы (общее количество примеров – около 4 тыс.). Отбор конструкций производился из литературных произведений различных жанров (детектив, любовный роман, фэнтези, фантастический боевик и др.) и художественной ценности (от классика В. Пелевина до малоизвестных авторов), адресованных как взрослому читателю, так и подростку; как прозаических, так и (реже) стихотворных, в том числе из текстов песен.

Рассмотрев структуру сравнений, встречающихся в современном художественном тексте, можно отметить следующее.

Фонд грамматических средств, используемых современными авторами, достаточно широк, включает 17 типов конструкций. Проведённое количественное исследование позволило нам выявить существующие приоритеты: авторы чаще всего выбирают сравнительные обороты, неполные придаточные, сравнения в форме сказуемого и полные придаточные. Выбор же ряда разновидностей (творительный падеж имени существительного, сочетания прилагательного *похож* с предлогом *на* и др.) осуществляется значительно реже. Обращение к некоторым конструкциям (сравнения в форме приложений, бессоюзные сложные предложения с параллелизмом частей и др.) единично, их использование наблюдается лишь в одном примере из 500–1000.

Грамматические особенности сравнений языка современной художественной литературы были рассмотрены нами ранее [4]. В данной статье лишь кратко охарактеризуем приоритетные структурные формы.

В двух из пяти анализируемых нами примеров (40,3 %) сравнение воплощено в форму сравнительного оборота. Абсолютное превалирование данной грамматической разновидности, безусловно, снижает уровень ее художественной эффективности, хотя и эта непритязательная форма может, при условии удачно подобранного образа, служить созданию точного и яркого сравнения. Например: *Продолжая реветь,* ***словно несущаяся со сломанными тормозами электричка,***

Роза Константиновна ткнула пальцем в сидящую ко мне спиной Галину Михайловну (Д. Донцова. Фиговый листочек от кутюр).

Неполные придаточные, составляющие 24,6 % отобранных из художественных текстов примеров, по структуре весьма схожи со сравнительными оборотами. Тем не менее, для них обычно характерны большее распространение, большая глубина образа. Например: *Он* [камень] *весь чистый-чистый, прозрачнее слезы и немножко отливает зелёно-голубым,* ***как морская вода на солнце*** (Б. Акунин. Коронация).

Полные придаточные – основная, базовая структурная форма сравнения – представлены хотя и более скромным, но достаточным количеством примеров – 6,8 %. Они традиционно глубоки по содержанию и совершенны по форме: *Какие-то странные неровные ступеньки, разной ширины, высоты и формы окна,* ***словно бы строители не сумели все как следует рассчитать*** (С. Иванов. Похищение с продолжением).

В целом же сравнения пяти структурных типов, оформляемых при помощи сравнительных компонентов *как, словно, точно, будто* и др. (сравнительные обороты, полные и неполные придаточные, сравнения в форме сказуемого, сравнения со сравнительными частицами), составляют основу всего массива сравнений – 81,5 %. Наблюдаемое изобилие союзных конструкций свидетельствует о ведущем к однообразию оперировании многими авторами не всем арсеналом средств сравнения, наличествующим в языке, а также, возможно, о недостаточном владении богатствами языка.

Что касается семантики сравнения, то объекты, привлекаемые авторами для создания художественного образа, характеризуются исключительным разнообразием. Они явно делятся на две большие группы: традиционные для русской литературы и новые, в том числе просторечные и вульгарные. Рассмотрим их далее.

Традиционные для русской литературы объекты сравнения включают:

- мистические и религиозные образы, придающие повествованию определённый настрой, ориентирующие на восприятие мира сквозь призму неизведанного. Например: *Он скользил над светлым песчаным дном* ***словно призрак или ангел*** *– чересчур материальный для призрака и слишком грешный для ангела, признаться, но полёт-скольжение в прозрачной воде и в самом деле был призрачно-бесшумным* (А. Бушков. Первый бросок);

- образы из мира природы, традиционно помогающие автору произведения живописать, передавать мысли и чувства, создавать настроение, рисовать характеры и т. д. Например: *Он устанавливает свою машину у стенки, снимает ботинки,* ***по-собачьи*** *трясёт мокрой головой* (Е. Малевский. Блюз для майора Пронина);

- «интеллигентские» образы, понятные только человеку с определённым, достаточно высоким уровнем образования и развития. Например: *Судьба корява и недобра,* ***как ижица или ять***... (С. Шоргин) – чтобы понять суть такого сравнения, нужно представлять себе, как выглядят буквы древнерусской кириллицы. Сфера подобных, понятных только избранным, образов требует подготовленного читателя и сигнализирует остальным: это литература «для своих»;

- детально точные ситуации, выбор которых в качестве объекта сравнения служит живописанию, созданию предельно достоверной картины: *Водитель закрутил головой,* ***как лётчик во время воздушного боя*** (О. Маркеев. Чёрная луна). Образность подобных сравнений не очень высока, зато сильна связь с реальностью, явен профессиональный, технический или бытовой характер;

- эмоционально сильные образы, использование которых призвано «встряхнуть» читателя, заставить его живо, словно своими глазами представить описываемую картину: *О нём* [храме] *напоминали лишь редкие каменные глыбы,* ***обломками гнилых зубов*** *торчащие из земли* (С. Семёнов. Инквизитор);

- устойчивые объекты сравнения: *Неодобрительно махнув хвостом, она* [кобыла] *перебрала тонкими ногами и застыла, трепеща ресницами,* ***как девица на выданье*** (О. Громыко. Профессия: ведьма). В. М. Огольцев характеризует устойчивые сравнения как особое проявление языковой системы: «Устойчивые компаративные структуры представляют собой систему средств выражения, в которой с особой наглядностью проявляется так называемая внутренняя форма языка, богатство собственно языковых изобразительных ресурсов, а вместе с тем раскрывается самобытность национальной культуры, национальный склад образного мышления» [6, с. 7]. Обращение авторов к устойчивым сравнениям в данном контексте является одной из форм их приобщения к богатствам национального языка;

- образы романтические, связанные с грозой, морем, стихией: *Уличный шум подкатывался к замершей кольцом толпе – и стихал,* ***будто рокот далёкого моря*** (С. Лукьяненко. Последний Дозор);

- экзотические образы, с помощью которых авторы также создают романтический настрой и привлекают внимание читателя. Например: *...Дети изрыгают хулу и десять лет томятся в тюрьмах, люди одеваются,* ***как портовые нищие в Аравии****...* (А. Белянин. Рыжий рыцарь) и т. п.

Наличие в пространстве художественного текста таких традиционных образов свидетельствует о некой константе, которую лучше всего обозначить как преемственность, генетическую связь с предшествующей литературой. Особенно сильна и явна эта связь в стихотворных произведениях, общий лирический характер которых не позволяет авторам сильно отрываться от корней. Стихи подчас дают нам такие образцы текстов, принадлежность которых именно современному автору сразу неясна: *Подавленный, с потухшим взором, /* ***Как дикий и угрюмый гунн****, / Уйдя в себя,* ***как будто в нору****, / Я месяц не касался струн* (К. Фролов). Так мог написать и поэт прошлого, и наш (как в примере выше) современник.

И именно в поэзии чаще всего встречаются цепочки сравнений, или приём нанизывания сравнений: ***Прозрачнее стекла, доверчивей фаянса, / Отзывчивей фарфора, скромнее хрусталя*** *– / Нестрогая зима на грани дисбаланса, / Сугробы по бокам и чёрная земля* (Л. Оборин). Цепочка сравнений призвана усилить чувство или впечатление, выражаемое автором, увеличить эмоциональность текста, а иногда его иллюстративность. А в строе стихотворения эффект нанизывания образов усиливается также создаваемой ритмикой.

Автор современного художественного текста предстаёт перед нами как творческая личность, а, по словам Е. В. Ширина, «сущность творческой личности заключается в соединении качеств природного дарования и интраиндивидуальных, то есть формируемых под воздействием других людей, общественной и культурной жизни эпохи» [7, с. 277]. Именно поэтому творческая личность не может обладать константными признаками, и в современной литературе встречаются не только традиционные образы.

Новые в литературе образы подразделяются на:

- названия новых предметов и явлений, научных и технических новинок. Проникновение их в образный строй сравнения само по

себе не может быть оценено отрицательно и, наоборот, свидетельствует о живом характере категории сравнения, её непосредственном реагировании на происходящее в обществе и языке. Однако в художественном тексте встречается неудачное использование неологизмов, говорящее о том, что автор не владеет точной информацией о новом предмете. Например: *Голос твёрдый,* ***как кевларовая пластина бронежилета высшего уровня защиты*** (О. Таругин. Тайна седьмого уровня). Кевлар, современный высокопрочный материал, действительно, обладает большой прочностью, но это эластичный материал, его нельзя назвать твёрдым;

- вульгарные объекты, обращение к которым чаще всего говорит о желании автора «быть ближе» к читателю, то есть о стремлении реализовывать творческую потенцию в понятном и приемлемом для читателя языковом поле. Примеры: *Нужны мне эти газеты,* ***как слону презерватив****...* (Н. Первухина. Выйти замуж за дурака). Даже если стилизуется устная речь простого человека (как в примере выше), использование вульгарных, просторечных слов сигнализирует о падении общего культурного уровня современной прозы.

Несомненно, выразительность текстов художественной литературы разного уровня отличается, причём наши наблюдения показывают, что критерием художественности на современном этапе развития русской литературы является не жанр, а авторство. Можно назвать несколько авторов, чьи тексты, независимо от жанра, не отличаются разнообразием художественных средств: А. Маринина, Д. Донцова, М. Семёнова, Ю. Шилова и др. Произведения данных авторов написаны хорошо, в основном качественно, но создаётся впечатление, что скорость написания текста плохо отражается на его образности: писателю просто некогда заниматься оттачиванием формы. Хотя, возможно, простота, незамысловатость стиля объясняется и другой, более глубинной причиной – требованиями современного читателя. Именно личность адресата определяет выбор языковых средств реализации авторской интенции. Автор, ставя перед собой конкретную коммуникативную цель и добиваясь определённой реакции со стороны адресата, в первую очередь, рассчитывает на то, что текст будет «правильно» воспринят, понят. Возможность увидеть адресата в тексте, его структурных и семантических особенностях уже начала исследоваться современными учёными: «Текст позволяет раскрыть в нём не только образ автора, его нравственные и литературные приоритеты, его языковой вкус, но в то же время позволяет вычитать в нём образ адресата и отношение к нему автора текста» [3, с. 98]. И получается, что в современной литературе, в отличие от литературы классической, акценты смещаются подобно тому, как это происходит в практике устного взаимодействия. Исследователь риторики Е. Н. Зарецкая отмечает, что именно «с позицией слушающего, его личностной психологией связан, в первую очередь, замысел речи» [2, с. 15]. Осознавая, каков адресат, ориентируясь на его реальный, а не желаемый образовательный, эмоциональный, культурный уровень, автор современного художественного текста либо не вводит в произведение сравнений вообще, либо сознательно структурно упрощает, типизирует создаваемое сравнение. Примеры: *Но её голос был столь убедительным, что Татьяна послушалась,* ***как марионетка*** (А. Каменистый. Практикантка); *Он меняет женщин,* ***как перчатки****... Утром одна, вечером другая* (С. Сидорский. Власть оружия); *Возможно, Братны хотел заслониться Марго,* ***как щитом****...* (В. Платова. Эшафот забвения) и под.

При этом существуют произведения таких популярных и, на первый взгляд, безыскусных по форме жанров, как фантастика, фэнтези, детектив, мистика и т. п.,

которые написаны хорошим языком, насыщенным яркими, авторскими средствами художественной выразительности, в том числе и сравнениями. Это произведения В. Пелевина, Б. Акунина, Л. Улицкой, Т. Устиновой, Л. Каганова, С. Лукьяненко, Ю. Никитина, И. Мытько, А. Жвалевского и других писателей. Список довольно значителен и может быть продолжен, что свидетельствует о существовании в современной России хорошей литературы, о том, что по-прежнему есть писатели, продолжающие своим творчеством лучшие классические традиции. Примеры: *Под* ***белым прожектором*** *луны мир казался совсем реальным* (С. Лукьяненко. Последний Дозор); *Лицо* ***цвета выжженной земли***. *Волосы* ***цвета высохшей травы***. *Рот* ***как трещина*** (Б. Акунин. Долина Мечты); *На экранной доске красовались* ***развалины*** *уравнения* (Л. Каганов. Хомка) и т. п.

Отдельной характеристики заслуживают тексты песен, к анализу сравнений в которых мы уже обращались [5]. Они представляют собой один из стихотворных жанров современной художественной литературы. Несомненно, не все песенные тексты имеют одинаковую художественную ценность. Условно можно разделить песни на популярные, так называемую «попсу», и альтернативные, принадлежащие рок-культуре и другим суб-культурам.

Песенные тексты произведений альтернативной музыкальной культуры более художественны, сравнения в них участвуют в передаче эмоционального напряжения, острого чувства: *Мы стоим посередине, / Мы горим* ***костром*** *на льдине* (Д. Арбенина). Поэт, автор песенного текста не только выбирает интересный, точный, яркий образ, но облекает его в разнообразные формы, в том числе редко встречающиеся, не союзные. *Например: Я свободен /* ***С диким ветром наравне*** (Кипелов).

Исполнитель здесь чаще всего является и автором слов, то есть песня – продукт индивидуального поэтического и музыкального творчества в их тесном единстве. Анализ образного строя и художественных средств песен такого типа позволяет заключить, что это один из важнейших способов бытия современной поэзии. Настоящий, талантливый поэт сейчас очень часто становится менестрелем – автором и исполнителем своих песен. Так у него гораздо больше шансов быть услышанным.

Талантливые тексты, образный строй которых включает и яркие сравнения, можно найти в творчестве некоторых групп («УмаТурман», «Братья Гримм», «Високосный год» и др.), представляющих собой переходный тип эстрадного коллектива. С одной стороны, их нельзя назвать неформальными, альтернативными группами, но и к «попсе» они не относятся, так как исполнители являются и авторами текстов, и создателями коллективов. Налицо высокий характер индивидуализма музыки и текста, отсюда и яркие по содержанию и форме сравнения: *Там, на последней станции, / Старость встретит поезд мой / И повиснет на мне* ***бородой / И усами седыми*** (группа «Високосный год»); *Под дождём в окне / Ветки прыгали. /* ***Показалось мне: / Руки с фигами*** (группа «УмаТурман»).

Что касается текстов популярных песен, которые как раз и слушает большая часть населения России, то здесь ситуация иная: наблюдается процесс, который можно охарактеризовать как дезиндивидуализацию. Ю. Дружкин объясняет, что раньше «песня обладала индивидуальностью и манифестировала принцип индивидуальности, утверждала индивидуальность как ценность. За ценностью «песенной индивидуальности» стоит ценность человеческой индивидуальности. Потеря интереса к индивидуальному в песне отражает потерю интереса к индивидуаль-

ному в человеке и, в конечном итоге, к человеческой индивидуальности, к отдельной человеческой личности» [1, с. 252]. Дезиндивидуализация затронула и средства художественной выразительности, образный строй песенного текста, в том числе сравнительные конструкции. Она диктует такое требование к стихотворению, как обыкновенность, серость, следствием чего является следующее:

- отсутствие сравнений во многих популярных песнях – первое, что привлекает внимание;

- максимальное использование устойчивых объектов со стёртой образностью. Например: ***Как вода*** *бегут минуты* (песня Жасмин); *Она тает* ***как лёд***... (песня Н. Подольской). В данном случае сравнительная конструкция выступает скорее не как часть народного опыта, воплощённая в устойчивой форме национального языка, а как обычное слово. Фразеологические сравнения не воспринимаются слушателями как образные, художественные элементы текста;

- банальность сравнений, например: *Храни её* [любовь], ***как золото хранит земля, / Как жемчуга хранят моря*** (песня А. Цой и Д. Билана). Эту группу сравнений, также имеющую устойчивый характер, отличает от устойчивых то, что здесь не полностью стёрта образность, наоборот, автор стремится создать образ, но оказывается способен только повторить переходящую из текста в текст, избитую ассоциацию: *Пил разлуку,* ***как вино*** (песня А. Чумакова);

- претенциозность, основанная на особых притязаниях, желании произвести впечатление. Например: *Мы* ***как блуждающие звёзды*** (песня Д. Маликова). Претенциозность придаёт сравнению вычурность, диктует выбор манерного, надуманного, подчёркнуто необычного образа, характеризуемого не красотой, как того, возможно, хотел автор, а красивостью.

Для современной популярной песни неважно авторство, на первый план выступают продюсер и исполнитель. Поэтому говорить о песенном тексте как о произведении художественной литературы, созданном поэтом, часто уже нельзя. Неслучайно мы видим у многих современных композиторов, ищущих талантливого текста, желание обратиться к классическому стихотворению при создании песни. Предельное упрощение музыкального и поэтического языка песен создаёт иллюзию сверх-доступности, позволяет слушателю чувствовать себя причастным к песне, её созданию и исполнению. Но это же упрощение обедняет слушателя, не даёт ему образца, не ведёт за собой, уничтожает искусство.

Итак, категория сравнения, базируясь на глобальных отношениях сходства и различия, отличается ёмкостью вкладываемого в нее содержания, разнообразной лингвистической интерпретацией и языковой представленностью. Проведённый количественный анализ позволяет нам говорить о наблюдаемом обеднении арсенала грамматических средств выражения компаративности в языке современной художественной литературы. Качественный анализ образной структуры современного сравнения показывает наличие как традиционных образов, символизирующих связь литературы с образцами прошлого, так и новых, подчас снижающих художественную и эстетическую ценность литературы, обедняющих ее.

Вопрос о назначении литературы упирается главным образом в проблему воздействия литературы на читателя. Новые условия хозяйствования выдвинули на передний план экономический подход, который стал определяющим в управлении редакционно-издательской деятельностью. Деятельность многих негосударственных издательств сконцентрировалась, главным образом, на выпуске низкопробной, но высокорейтинговой

массовой литературы. Стало значительно больше издаваться любовных романов, детективов, фантастики, мистики, мемуаров, биографий. Всё это снижает уровень художественности получаемого современным читателем текста.

Если назначение художественной литературы на всех этапах своего существования – учить добру, выражать и формировать общественное сознание, просвещать читателя и способствовать его духовному совершенствованию, а также представлять ему образцы стиля и художественной выразительности, то вопрос о том, как это назначение выполняется современной литературой, остается открытым.

Литература

1. Дружкин Ю. Метаморфозы телепесен: три взгляда на феномен // Наука телевидения. – Вып. 5. – М., 2008. – С. 252–260.
2. Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1999. – 480 с.
3. Киквидзе И. Д. Учёт фактора адресата при интерпретации текста // Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения: мат-лы XI Междунар. конф. / сост. и отв. ред. М. В. Ягодкина. – СПб.: ЛЕМА, 2008. – С. 96–98.
4. Крылова М. Н. Основные грамматические разновидности сравнения в языке современной художественной литературы: лингвокультурологический подход // От текста к контексту: мат-лы X Междунар. очно-заочной конференции «Русская литература в контексте мировой культуры». 15–16 октября 2010 года / под ред. З. Я. Селицкой. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2010. – Вып. 9. – С. 134–137.
5. Крылова М. Н. Сравнительная конструкция в тексте современной песни: сб. статей // Вопросы филологии и журналистики / науч. ред. А. Э. Еремеев; отв. ред. В. А. Евдокимов. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2012. – Вып. 6. – С. 75–83.
6. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: монография. – М.: Либроком, 2010. – 192 с.
7. Ширина Л. С. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» // Речевая деятельность: межвуз. сб. научн. тр.; отв. ред. Н. А. Сенина. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2002. – С. 274–280.

Literatura

1. Druzhkin Ju. Metamorfozy telepesen: tri vzgljada na fenomen // Nauka televidenija. – Vyp. 5. – M., 2008. – S. 252–260.
2. Zareckaja E. N. Ritorika. Teorija i praktika rechevoj kommunikacii. – M.: Delo, 1999. – 480 s.
3. Kikvidze I. D. Uchjot faktora adresata pri interpretacii teksta // Efremovskie chtenija: Koncepcija sovremennogo mirovozzrenija: materialy XI mezhdunarodnoj konferencii / sost. i otv. red. M. V. Jagodkina. – SPb.: LEMA, 2008. – S. 96–98.
4. Krylova M. N. Osnovnye grammaticheskie raznovidnosti sravnenija v jazyke sovremennoj hudozhestvennoj literatury: lingvokul'turologicheskij podhod // Ot teksta k kontekstu: materialy X Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj konferencii «Russkaja literature v kontekste mirovoj kul'tury». 15–16 oktjabrja 2010 goda / pod red. Z. Ja. Selickoj. – Ishim: Izd-vo IGPI im. P. P. Ershova, 2010. – Vyp. 9. – S. 134–137.
5. Krylova M. N. Sravnitel'naja konstrukcija v tekste sovremennoj pesni: sb. statej // Voprosy filologii i zhurnalistiki / nauch. red. A. Je. Eremeev; otv. red. V. A. Evdokimov. – Omsk: Izd-vo NOU VPO OmGA, 2012. – Vyp. 6. – S. 75–83.

6. Ogol'cev V. M. Ustojchivye sravnenija v sisteme russkoj frazeologii: monografija. – M.: Librokom, 2010. – 192 s.
7. Shirina L. S. K harakteristike ponjatij «lichnost'», «jazykovaja lichnost'» i «jazykovoj portret» // Rechevaja dejatel'nost': mezhvuz. sb. nauch. tr. / otv. red. N. A. Senina. – Taganrog: Izd-vo Taganrogskogo gos. ped. in-ta, 2002. – S. 274–280.

УДК 8

О. И. Окольникова

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПОМЕТЫ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В данной работе произведен анализ помет толкового «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, отражающих специфику стилистических коннотаций как функционального, так и ценностного планов и выявляющих особенности представления стилистического значения при толковании денотата в русском языке.

Ключевые слова: анализ лексики, лексикография, словарь, стилистические пометы.

O. I. Okolnikova

SPECIFICS OF PRESENCE OF A USAGE LABEL IN THE EXPLANATORY DICTIONARY: TO A PROBLEM OF A CONNOTATIVE MEANING'S DESCRIPTION

This article analyzes the labels of «The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» by V.I. Dahl, reflecting the specific stylistic connotations of both plans, functional and value, and identifying any particular stylistic representation of the values in the interpretation of denotation in Russian.

Keywords: analysis of language, lexicography, vocabulary, usage labels.

Для современной лексикологии и лексикографии анализ лексики как системы попрежнему является актуальной проблемой (см. работы П. Н. Денисова [2], В. А Звегинцева [4], Ю. С. Степанова [6], Д. Н. Шмелева [8], О. Н. Емельяновой [3], В. В. Леденевой [5] и др.). Одним из существенных способов представления системности лексики выступает лексикографическое толкование слова, отраженное в процессе создания филологией словарных определений, в комплексном представлении слова в грамматике и словаре, в уточнении определений значений слов и их семантической структуры.

Обращение к анализу словарных параметров позволяет извлечь лексикографическую информацию о слове, способах ее отражения в словарной статье, а также установить общность и специфичность лексикографической традиции в целом.

Новации в лексикографии возникают и благодаря потребностям обучения, которые учитывают новые словари.

Отличительной чертой современной академической лексикографии является то, что импульс к обновлению она все чаще получает от более гибкой, быстрее реагирующей на культурные запросы учебной лексикографии.

Так, по мнению Ю. Д. Апресяна [1, с. 7], к числу наиболее заметных общих черт большинства новых словарей можно отнести:

- стремление добиться такой полноты характеристики слова, которая позволяет не только понять его в заданном контексте, но и правильно употребить в собственной речи;

- стремление преодолеть традиционную оторванность всей лексикографии от теоретической лингвистики и семантики;

- переход от чисто филологического описания слова к цельному филологическому и культурному описанию слова-понятия;

- обновление лексикографических приемов и средств – введение картиночных определений, путеводителей (оглавлений) по словарной статье, перекрестных ссылок, оценок корректности использования того или иного слова и т. п. [1, с. 7].

Сконцентрированная в виде помет лексикографическая информация позволяет представить сложную и многогранную картинку слова-лексемы не только в словаре, но и в языке и речи.

В данной работе произведен анализ стилистической составляющей значения слова «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля» с целью выявления специфики представления стилистической окраски слова в толковом словаре.

Особенность словаря состоит в том, что он не является нормативным. В нормативных словарях предусматриваются отбор и стилистическая характеристика лексики. Даль же не стремился отбирать лексику, а включал в словарь все известные ему слова, не снабжая их специально стилистическими пометами, и ограничивался тем, что обильные диалектизмы, особенно узкого, местного употребления, обозначал пометами (южное, тверское, камчатское, архангельское, западное и др.), очень редко давал пометы оценочного характера (шуточное, бранное и пр.) [9].

Эта книга уже более века остается уникальной среди сообщества словарей, так как дает читателю представление не только о значении слов, но и о богатстве их использования в речи, о возможностях языка, на котором мы говорим [10].

В толковом словаре, который выполняет и функцию энциклопедического словаря, так как толкование значений, в первую очередь, представляет денотативное или сигнификативное содержание слова, языковая информация содержится в иллюстрациях – языковых употреблениях в непосредственном, эксплицитном представлении, а также в словарных пометах, которые следуют непосредственно за заголовочным словом.

По справедливому замечанию Н. М. Несовой, грамматические и стилистические пометы характеризуют слово с различных сторон: если грамматические пометы определяют особенности формы слова, или словоформу, что обусловлено словоизменением или его отсутствием, то стилистические относятся к словоупотреблению, направлены на содержание, а, следовательно, характеризуют лексику как слово в языке и речи, указывая на специфику употребления. В этом смысле обе разновидности помет можно было бы охарактеризовать как ключи к языку-коду.

В отличие от грамматических помет, которые представляют слово как часть речи и обращены к словоформе, то есть, в первую очередь, характеризуют словоизменение, стилистические пометы обращены к лексеме, к содержанию слова и его функционированию в языке и речи (разговорное, книжное – в литературном языке, иностилевое – простореч., жарг. и т. д.). Они апеллируют к значению, включая оценочный и коннотативный компоненты широкого спектра (ценностные ориентации – выражение эмоциональности, экспрессии, оценочности) [11].

Помимо стилевых помет – книжн., офиц., разг., отмечающих принадлежность к тому

или иному функциональному стилю, наиболее распространенными являются пометы, характеризующие экспрессивно-оценочный содержательный компонент, отражающий эмоциональную окраску лексемы, функционирующей в речи. Особое место занимает пейоративно-мейоративная оценка, представленная многочисленными пометами, например: неодобрит., груб., уничижит. и др.

В «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля» нами выявлено и описано 343 слова с пейоративно-мейоративными оценками. В данной статье мы показываем классификацию помет на основе словарных статей В. И. Даля, в котором пометы приводятся номенклатурным списком без систематизации: ласкат., шут. ласкат., приветл. ласк., ласкат. или дружеств., умалит. и ласкат., шуточ., дружеск., умалит., умалит. и одобрит., умалит. и приветл.; укорн., пошлов., презрит., непристойн., унизит., ирон., собир. бран., бран., бран. и укорит., насмешлив., брань и проклятие, сожалит., бран. пожел., бран.; умалит. и унизит., шуточ. брань, шуточ. или презрит., насмешливо, либо укорно; унизит. или шуточно, шут. или бранно, укорно или шуточно.

Таким образом, словарь содержит 1 929 толкований (словарных статей), среди которых: 1586 слов не имеют помет. С пометами – 343 слова, из них с положительной окраской – 240, с отрицательной – 93, 10 – маргинальны, то есть имеют смешанную окраску.

Как показывает опыт анализа «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля», в русской языковой картине мира более 80 % слов не окрашенной лексики (82,2 %). С одной стороны, это свидетельствует о том, что сам русский язык (в узком системном значении) коннотативно и экспрессивно сдержан. Вместе с тем, этого нельзя сказать о русском языке в широком смысле, включающем не только кодифицированную языковую систему, но и речевые реализации.

Именно выходя на уровень речи, языковые единицы реализуют собой множество оттенков ценностных коннотаций (эмоциональной, экспрессивной, оценочной).

С одной стороны, ценностные характеристики языкового фонда наполняются ярким содержанием на уровне речевых реализаций, становясь орнаментальными элокутивами (ингерентные средства языка и речи – тропы, фигуры речи).

С другой стороны, адгерентные средства языка (стилистически нейтральные на уровне системы) часто приобретают ценностные стилистические коннотации благодаря специфике речевой ситуации и контекста.

Следующий этап в осмыслении специфики представленности стилистической пометы в толковом словаре заставляет нас засвидетельствовать и оговорить факт того, что помет с положительной стилистической окраской (69,97 %) гораздо больше, чем помет с отрицательной окраской (27,11 %).

Этот факт характеризует специфику русской языковой картины мира, в которой доминируют такие образы, как «добро», «справедливость», «вера».

Мы видим, что значительная часть лексики нейтральна, то есть может употребляться в любых видах устной и письменной речи, не придавая ей никаких стилистических оттенков. Но многие слова литературного языка по характеру и кругу своего употребления, по принадлежности к различным стилям языка неравноценны. Поэтому при словах, нуждающихся в той или иной характеристике в этом отношении, даются особые пометы.

В ряде случаев одна помета характеризует собой маргинальность словоупотребления – соотнесенность в одном слове

положительных и отрицательных окрасок, часто выливающаяся в оксюморон (шуточная брань. Крупа – крупоед, гарнизонная крыса, дармоед на казенном пайке), другие пометы указаны с союзом или (унизит. или шуточно. Малый – мальчик, мальчонок), что мешает чёткой классификации и восприятию данных слов.

На ценностную характеристику слов указывают такие стилистические пометы, как: ласкат., шут. ласк., приветл. ласкат., ласкат. или дружеств., умалит. и ласкат., ирон., шуточ., насмешлив., дружеск., сожалит., умалит., умалит. и приветл., умалит. и одобрит.; укорн., пошлов., презрит., непристойн., унизит., собир. бран., бран., бран. и укорит., умалит. и унизит., шуточ. бран., шуточ. или презрит., насмешл. либо укорно, унизит. или шуточ., шуточ. или бранно, укорно или шуточно.

Словарные пометы представляют в сжатом виде информацию о слове/словоформе – грамматические пометы, и о слове/лексеме – стилистические пометы; однако последние не вскрывают оценочного или экспрессивного компонента значения, объединяя его в одном коннотативном смысле.

Поэтому в данном словаре стилистическая окраска слов отмечается неравнозначно, не учтены полностью все возможные стилистические окраски слов русского языка, а словарные стилистические пометы не образуют некоторого содержательного целостного комплекса.

Поскольку в современной лексикографии нет четко выработанной классификации стилистических помет, нет и однотипных толкований помет учеными лингвистами.

В нашем научном исследовании мы ставим перед собой задачу упорядочить информацию о стилистическом описании лексического состава русского языка на основе анализа современных толковых словарей русского языка и предложить систему стилистических помет, которая будет носить комплексный характер, учитывающий функциональную сторону и ценностные ориентиры слова в языке и речи.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Предисловие // Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой, А. В. Петровой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 1. – 832 с
2. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1974. – 255 с.
3. Емельянова О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания // Вестник Красноярского государственного университета.– Красноярск, 2002. – № 2. – С. 139–140. – (Серия «Гуманитарные науки»).
4. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1973. – 248 с.
5. Леденева В. В. Лексикография современного русского языка. Практикум: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2008. – 648 с.
6. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: учеб. пособие для пед. ин-тов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / сост. Н. В. Шахматова и др. – СПб.: Весь, 2004. – 736 с.; ил.
8. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 355 с.
9. www/gramota.ru/slovari/types/17_26.

10. www/biblio. by/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo yazyka-v-i-dalya.
11. Несова Н. М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2006. – 120 с.: 61 07-10/721. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/grammaticheskie-i-stilisticheskie-pomety-v-tolkovykh-slovaryakh-russkogo-i-angliiskogo-yazyk.

Literatura

1. Apresjan Ju. D. Predislovie // Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar': v 3 t. / pod obshh. ruk. Ju. D. Apresjana, Je. M. Mednikovoj, A. V. Petrovoj. – 3-e izd., stereotip. – M.: Rus. jaz., 2002. – T. 1. – 832 s.
2. Denisov P. N. Ocherki po russkoj leksikologii i uchebnoj leksikografii. – M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1974. – 255 s.
3. Emel'janova O. N. Stilisticheskaja sostavljajushhaja leksikograficheskogo opisanija // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta. – Krasnojarsk, 2002. – № 2. – S. 139–140. – (Serija «Gumanitarnye nauki»).
4. Zvegincev V. A. Jazyk i lingvisticheskaja teorija. – M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1973. – 248 s.
5. Ledeneva V. V. Leksikografija sovremennogo russkogo jazyka. Praktikum: ucheb. posobie. – M.: Vysshaja shkola, 2008. – 648 s.
6. Stepanov Ju. S. Osnovy obshhego jazykoznanija: ucheb. posobie dlja ped. in-tov. – 2-e izd., pererabot. – M.: Prosveshhenie, 1975. – 271 s.
7. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka V. I. Dalja / sost. N. V. Shahmatova i dr. – SPb.: Ves', 2004. – 736 s., il.
8. Shmelev D. N. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika: ucheb. posobie dlja in-tov. – M.: Prosveshhenie, 1977. – 355 s.
9. www/gramota.ru/slovari/types/17_26.
10. www/biblio. by/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo yazyka-v-i-dalya.
11. Nesova N. M. Grammaticheskie i stilisticheskie pomety v tolkovyh slovarjah russkogo i anglijskogo jazykov [Jelektronnyj resurs]: dis. ... kand. filolog. nauk: 10.02.20. – M., 2006. – 120 s.: 61 07-10/721. – Rezhim dostupa: http://www.dissercat.com/content/grammaticheskie-i-stilisticheskie-pomety-v-tolkovykh-slovaryakh-russkogo-i-angliiskogo-yazyk).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 008.091

Р. Г. Нугманов

КУЛЬТУРАНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОЭТИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ Г. ТУКАЯ

Тукай является как бы удостоверением величия таланта своего народа. «Какой удивительный поэт!» – сказал о нем мой отец.

Расул Гамзатов

В статье рассматриваются новые подходы к изучению и постижению поэтического творчества Г. Тукая. Раскрываются новые взгляды культурологического анализа. Приводятся образцы новых переводов Тукая. Отмечается роль и значение постижения поэта в современных условиях.

Ключевые слова: культуролого-философское постижение, поэтические переводы, духовное очищение, народ как форма культуры, материалистическая идеология, восприятие.

R. G. Nugmanov

CULTURAL AND ANALYTICAL APPROACH TO THE POETRY OF G. TUKAI

The new approaches to studying and comprehension of poetic creativity G. Tukai are considered in the article. New views of the culturological analysis are revealed. Models of new translations of Tukai are given. The role and value of comprehension of the poet in modern conditions are noted.

Keywords: culturological and philosophical comprehension, poetic translations, spiritual clarification, people as culture form, materialistic ideology, perception.

Прошел 2011 год, который был объявлен в Татарстане годом 125-летия Г. Тукая. Татарский поэт Габдулла Мухаметгарифович Тукаев (1886–1913) менее чем за 10 лет своего творческого труда, еще при жизни, успел стать классиком татарской литературы. Однако эти утверждения пока нуждаются в раскрытии, ибо в данном направлении у нас больше слов, нежели достигнуты практические результаты.

Весь прошедший 2011 год ярко показал всю убогость, неразвитость и неэффективность трудов наших ученых, писательского корпуса и просто интеллигенции в анализе, постижении и применении творчества поэта как одной из вершин научно-теоретического, культуролого-философского и духовно-нравственного освоения земного бытия и существования человека.

Так, в чем же главная беда? Главная беда, пожалуй, заключается в почти отсутствии целенаправленной переводческой работы. Все познается в сравнении. Поэтому пока А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов – на русском, Тукай – на татарском языке, нельзя вести какие-либо оценочные суждения. Да,

и вообще нельзя говорить об актуальности творчества поэта на современном этапе. Конечно, 100 лет для поэта такого относительно малочисленного народа, как казанские татары, это, может быть, большой срок. Тем более, что поэт боролся за революционные преобразования в России, за интересы трудового народа и интеллигенции, а сегодня в России стоит совершенно обратная задача: переход к буржуазным отношениям в обществе, развитие идеи поклонения золотому тельцу и т. д.

Приведем пример. Когда были предложены к опубликованию некоторые новые переводы такой уважаемой и многочитаемой газете, как «Звезда Поволжья», издатель пришел в ужас. Этот случай нам помог узнать, насколько серьезен Г. Тукай на современном этапе. Помнится это были строки:

...Трудна жизнь, если не молиться капиталу,

Если не стоять в молельной позе, согласно сану.

Г. Тукай. Другу, попросившему совета, 1907

С этой точки зрения Г. Тукай сегодня не актуален. И возникает вопрос, а зачем же изучать нам такое творчество? Упрощенно на этот вопрос можно ответить так: мы здесь поставили вопрос в заведомо плоскостном выражении, а Г. Тукай – поэт многосложный, он мастер объемного мышления и чувствования. Например, он хорошо представляет тот факт, что в безнравственном обществе нельзя ожидать благополучного будущего. Он борется за чистоту в общественных и межличностных отношениях. Правда, в этих целях он применяет и весьма нелицеприятные выражения. Но, что удивительно, как будто некоторым переводчикам только это и нужно, чтобы лишний раз «подчеркнуть» отрицательные стороны татарского народа, его истории и культуры.

Вспомним несколько примеров в этом направлении. Так, в одном из переводов стихотворения Г. Тукая «Грусть» (1910) первые две строки выглядят следующим образом:

Грязью, ложью, суетою мир наш внутренний богат.

Наполняют наши будни или подлость, иль разврат…

Пер. В. Державина, 1978

Речь не о том, что среди татар, как и среди всех других народов, было или не было грязи, лжи, подлости. Речь о том, как же пишет Г. Тукай! Во-первых, и что самое главное, коронный метод в творчестве поэта, это применение гиперболы для получения большего эффекта в своем завершающем выражении, в последней строке. Во-вторых, переводчики сильно грешат против истины, читая Г. Тукая лишь подстрочным методом. Как показал опыт юбилейного года, определенные круги в нашем обществе просто судорожно цепляются за строго подстрочный перевод поэта и стремятся не допускать никаких поползновений в сторону поэтического постижения его творчества. Поэтому приведем одно из новых прочтений этого же стихотворения, которое в той или иной степени, как кажется, проясняет существо дела:

Ложью грязной, да проклятьями наполнен каждый дух;

Низменный удел наш, словно наполняет каждый звук.

Поражаемся одеждой и нарядов красотой;

Душу продадим «копейке», вмиг теряя свой покой.

Дух заносит пыль слоями, нет свободы совести;

Сажу с тела смоет баня, а с души как вывести?

Пер. Р. Нугманова, 2011

Конечно, ключевая мысль поэта заключается в идее «духовного очищения человека». В дословном переводе эта мысль выражена в словах: «Почему для тела баня – для души же бани нет?» (пер. В. Державина). Казалось бы, почему же отклоняться от слов поэта? Однако, что плохого, если посмотреть на все творчество поэта в целом? Тогда, может быть, возникла бы научность, историчность и культура в нашем постижении всего таланта поэта.

В этом направлении исследований представляется, что имеет смысл усилить культурологический анализ смыслов и ценностей, которые пользуются в общественной жизни значительной популярностью. Так, например, 2011 год привнес в широкую общественную мысль, как в стране, так и за рубежом, значительные поиски, находки и достижения. Естественно, что исходя из этих реалий возникает желание целенаправленного применения достигнутых результатов для развития межкультурного диалога и взаимопонимания между различными народами как ***формами культуры*** в общем и едином поле общечеловеческого бытия.

В последние десятилетия, в связи с углублением интересов в сфере завоеваний материального характера, усиливается межнациональное отчуждение в нашем обществе, возрастает стремление ограничиться пределами своих национально-региональных границ. Поэтому представляют интерес поиски путей преодоления подобных сложностей. Наиболее перспективным направлением исправления подобных отклонений является, в первую очередь, гармонизация всего спектра путей развития общества, в том числе и таких аспектов гуманитарного знания, как культурно-историческая, духовно-нравственная и мировоззренческо-философская составляющие.

Наконец, может быть, о самом важном. Находясь в пределах устаревших представлений гуманизма, культуры и этики, надеяться на какое-либо позитивное решение общественно-исторических задач нельзя. Сегодня мы уже ***в пропасти***. И эта пропасть называется ***«материалистической идеологией»***. Для проверки сказанного можно предложить ликвидировать пресловутое ЕГЭ в нашей стране. С большой долей уверенности можно сказать, что ничего не получится. И не потому, что общество наше желает или не желает этого, а потому, что ЕГЭ – это надежный оплот узкоматериалистического метода мышления, надежды всей мировой товарно-денежной системы. Эта система нуждается только в развитии у людей узкорационалистического метода мышления. Тогда как мы могли бы использовать такие сферы своего интеллекта, как сознание, чувства, ощущения, страсти, интуиция и другие сферы психики, которые базируются на гуманитарном знании.

Конечно, большое значение для современного читателя имеет свобода Г. Тукая от того фатального влияния узкоматериалистической идеологии, которое сегодня всюду довлеет над нами. В этом заключается одна из самых ценных сторон творчества поэта в современных условиях.

Однако, повторим мысль еще раз о таком тяжелом факте, как очень низкое качество переводов множества важнейших произведений Г. Тукая. Вспоминается случай, описанный видным татарским поэтом Ренатом Харисом (г. р. 1941), который с болью вспоминает о письме из одной прибалтийской республики, где сообщается о том, что «по имеющимся у них переводам произведений Г. Тукая на русский язык, его нельзя считать не только великим, но и поэтом средней руки». Как видим, по прошествии почти 30 лет, сегодня

сохраняется та же удручающая картина с переводами произведений Г. Тукая на русский язык. Например, если вспомнить перевод стихотворения Г. Тукая «Вопросы» (1907), то в предложенном Р. Мораном переводе, первые его строки звучат следующим образом:

Почему ты, о боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей твари твоей?

Как бы поэт не относился уничижительно к самому себе, он никак не называет себя тварью. Нам представляется, что он здесь пишет:

О Боже! Как сотворяешь в мире разных ты людей?
Присудил мне ниже низших коротать судьбины дней?

Пер. Р. Нугманова, 2012

Подобная же ситуация возникает при переводе и самого популярного произведения Г. Тукая «Шурале», где начальные строки переведены также со значительным отклонением от оригинала. Конкретно здесь наблюдаются три неточности: в толковании татарского слова «авыл» (деревня), в понимании топонима «Казан арты» или «Заказанье» и, наконец, в раскрытии роли «кур», которые, как представляется, у поэта не столь уж вокально одарены в буквальном смысле слова. Вспомним начальные строки этого произведения, как выглядит начало сказки в переводе С. Липкина:

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай,
Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!

Во-первых, в глаза бросается серьезная неточность. Кырлай – не аул, Кырлай – деревня. Разница в том, что в отличие от аула, «горного кишлака», деревня является землевладелицей, несмотря на то, что она татарская.

Во-вторых, как уже отмечалось («З. П.» от 13–19.05.2010), Г. Тукай пишет о людях, мы переводим дело на кур: «Даже куры в том Кырлае петь умеют». У поэта, по-видимому, мысль совершенно в другом:

Есть деревния в Заказанье, с давних пор Кырлай зовут;
Тут селяне весь куриный род певучим назовут...

Пер. Р. Нугманова, 1996

Замысел Г. Тукая в том, что он особо выделяет характер восприятия жителей Кырлая окружающего мира. Между прочим, в этом заключается отличительная черта всего Заказанья, именно оттуда происходят многие видные поэты и писатели казанских татар.

И эта же особенность у Г. Тукая так фантастически неповторимо и талантливо проявилась в дальнейшем развитии сюжета. Для иллюстрации сказанного вспомним следующие строки из этого же произведения:

... А в глухих местах, чащобах, говорят, и черти есть:
Шурале – лесные духи, лешие иль бесы есть.
Что не встретишь в том без края удивительном лесу?
Вот послушайте, читатель. Я тут случай опишу.

Пер. Р. Нугманова, 1996

Конечно, подобные примеры встречаются довольно часто. Таким образом, в переводческом деле еще сохраняются недостатки, которые могут создать превратное впечатление не только о величии, но и вообще поэтических способностях Г. Тукая. Тогда как речь идет

о целесообразном использовании его неповторимого поэтического дара для воспитания и становления эмоционально-чувственной и духовно-нравственной состоятельности наших будущих поколений в нашей стране.

В этом месте можно вспомнить применение стихотворных строк Тукая для моделирования или поэтического комментирования художественных произведений мастеров кисти Татарстана. В изданной нами книге (Нугманов Р. Г., Хасанов М. Х., Мухаметзянова Г. В. Изобразительное искусство в Татарстане (на тат. яз.). – Казань: Ихлас, 2011. – С. 160) мы показали, что стихи Г. Тукая наиболее адекватно отражают не только содержание, но и весь литературно-поэтический пафос, и философию, и культурологию нашего искусства. Обратимся к конкретному примеру. Всем известны картины Ю. Б. Лысогорского, Х. А. Якупова о революционной деятельности Г. Тукая в Уральский период его жизни. Эти картины отражают поистине героический этап жизни поэта, который пожертвовал своим рабочим местом, своим последним куском хлеба в борьбе за рабочее дело. Но, что примечательно, эти его страдания оказались отлиты в следующих его пламенных строках:

В пятом году мы проснулись, ощутив в душе рассвет:

К великому подвигнул нас немыслимый поэт...

Пер. Р. Нугманов, 2010

Именно эти его строки наиболее точно отражают содержание картин о Г. Тукае, которые были написаны разными авторами и в разные годы. Так, у поэта есть еще строки, которые могли бы быть «эпиграфом» для картин Н. И. Фешина «Портрет Вари Адоратской» (1914), П. А. Радимова «Дворик» (1919), Б. И. Урманче «Тукай в Кырлае» (1986) и ряд других. Приведем более конкретные строки, сегодня актуально характеризующие произведения Г. Тукая. Вот как удивительно точно он характеризует Ф. Амирхана:

Друг большой – писатель славный, критик мой, спасенья нет;

Острым языком он правит, высшей воли Человек!

Пер. Р. Нугманова, 2010

О Хусаине Ямашеве он пишет также:

В чистых помыслах высок он, выше пробы серебра,

Правым словом поражает, как летящая стрела...

Пер. Н. Мальцевой, до 1978

Таким образом, очевидно, что применение современных переводов и прочтений в учебном процессе может играть некую обобщающую роль, повышать доходчивость, эмоциональную окрашенность излагаемого материала. В свою очередь, такой подход может прекрасно послужить развитию чувственного мира студентов и учащихся. При этом обогащается их духовный мир, совершенствуется их восприятие высоких ценностей, что мы и называем культурой. Если выразиться еще конкретнее, то под культурой сегодня понимают «***способность человека воспринимать высокие ценности***» [2, с.149]. В том числе, очевидно, что должное восприятие поэзии Г. Тукая тоже требует значительных усилий. Обобщая, эти требования можно свести к воспитанию и самовоспитанию учащихся и студентов. Причем, эти требования не означают, что они чьи-то выдумки или прихоти, а, наоборот, восходят к высшему закону жизни на земле, а с принятием или отвержением его связано очень многое в перспективе благополучного бытия любого человека.

Литература

1. Нугманов Р. Г. Принципы современной культурологи // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 21. – С. 29–33.
2. Нугманов Р. Г. Некоторые культурологические постижения в гуманитарном знании 1999–2009 годов // Вестник Петровской академии. – 2011. – № 2 (19). – С. 147–149.
3. Харис Р. М. Воспоминаия о столетии Г. Тукая // Казань. – 2006. – № 7. – С. 10–13.

Literatura

1. Nugmanov R. G. Principy sovremennoj kul'turologi // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 21. – S. 29–33.
2. Nugmanov R. G. Nekotorye kul'turologicheskie postizhenija v gumanitarnom znanii 1999–2009 godov // Vestnik Petrovskoj akademii. – № 2 (19). – 2011. – S. 147–149.
3. Haris. R. M. Vospominaija o stoletii G. Tukaja // Kazan'. – 2006. – № 7. – S. 10–13.

УДК 395 (571.513)

О. Г. Ултургашева, Ю. К. Тиникова

ЮРТА – ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОЙ ЮРТЫ)[1]

В данной статье юрта рассматривается как традиционное жилище кочевников. В настоящее время она является хранительницей обычаев, обрядов для тюркоязычных народов Азии.

Ключевые слова: юрта, традиция, обычай, кочевые народы, жилище, сундук, очаг, украшения.

O. G. Ulturgasheva, Y. K. Tinikova

YURTA AS A GUARDIAN OF THE TRADITIONAL RITES OF NOMADIC PEOPLE OF ASIA (ON THE ANALYSIS OF THE KHAKASS YURTA)

The article is devoted to the analysis of yurta as a traditional home of nomads. At present yurta is considered as a guardian of the rites of the Turkic people of Asia.

Keywords: yurta, nomad, custom, chest, hearth, decoration.

История юрты среднеазиатских кочевников (киргизов, казахов) известна с VII века до н. э. Как отмечают исследователи, в Средней Азии первые юрты были найдены «недалеко от деревни Алыбай Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области. Там обнаружено изображение шатрового типа жилища с четким делением на правую и левую, то есть мужскую и женскую, части. Другое изображение жилища эпохи ранних кочевников обнаружено в ущелье Доланалы, севернее села Кажыр Курчумского района Восточно-Казахстанской области в XII–IX веках до нашей эры» [2]. Что касается хакасских юрт, то профессор В. Я. Бутанаев в монографии «Традиционная культура и быт хакасов» пишет: «…начиная с середины XIX века среди народов Саяно-Алтая (буряты, хакасы, алтайцы) получили распространенные стационарные деревянные юрты [1]».

[1] Статья печатается при финансовой поддержке РГНФ, проект 11–16–19002а/Т.

Из сказанного следует, что в Хакасии не сохранились войлочные юрты, в настоящее время бытуют только деревянные.

Коснемся теперь устройства юрты. Устройство юрты у тюрков и монголов несколько различается [1, 2, 3]. Как утверждают исследователи данного вопроса, устройство юрты зависит от природных условий района и окружающей среды. У степных жителей юрты маленькие, низкие. Они хорошо противостоят ветру. А у людей, живущих в горных долинах, юрты большие и похожи на горы. Ясно одно – это переносное жилище у кочевников. В силу своего удобства и практичности юрта легко удовлетворяла потребность кочевников. Она быстро собиралась (собирается) и легко разбирается силами одной семьи в течение всего одного часа. Ее легко перевозить на верблюдах и лошадях. Уникально войлочное покрытие, которое не пропускает ни дождь, ни ветер, ни умеренный холод. Как мы ранее отмечали, в настоящее время некоторые тюрки (хакасы) перестали пользоваться переносными юртами, так как скотоводство в советское время сильно сократилось – скотоводам нет нужды иметь временное жилье, чтобы с ним кочевать на дальние расстояния.

Юрты киргизов и казахов бывают нескольких видов. Киргизская юрта выше, например, чем казахская, у которой более плоская крыша и меньше окружность [3]. Тем не менее, казахская юрта считается самой крупной. Искусный мастер может изготовить юрту за месяц, а при должном уходе она может прослужить несколько десятилетий. Для изготовления подобного жилища семье требовалось от 130 до 170 кг шерсти, а чтобы ежегодно обеспечивать себя основными средствами к существованию, необходимо было иметь отару хотя бы в 33 овцы (шерсть, естественно, использовалась и для изготовки юрты). В прошлом хан мог узнать число своих подданных, сосчитав «тютюн» (или строй дыма, поднимавшегося от юрт).

Установку юрты начинали с того, что ставили по кругу звенья «кереге» и связывали их между собой тесьмой, между двумя решетками вставляли и привязывали дверную раму. Затем мужчина поднимал обод «шанырак», пользуясь специальным шестом с развилкой на конце. Его укрепляли 3–4 жердями, а затем остальные вставляли, привязывая их нижние концы к верхним, – развилка «кереге». Решетчатую стенку вверху, где она укреплялась с жердями купола, снаружи стягивали баскуром – широкой тканой полоской, достигавшей 30–35 см (в отдельных случаях до 45 см) ширины. Баскур имел орнамент и представлял собой один из обязательных декоративных элементов интерьера юрты. Богатые юрты стягивали двумя или даже тремя баскурами. Решетчатые стенки каркаса сначала снаружи обставляли орнаментированными чиевыми циновками, затем привязывали кошмы, покрывавшие цилиндрическую нижнюю часть, куда прикрепляли кошомную дверь, накрывали купол. Снаружи, примерно на половине высоты «кереге», кошомный покров опоясывался волосяными арканами или тканой лентой, к которой привязывали веревками покровных войлоков купола юрты. Если юрту покрывали длинными кошмами, то снаружи в двух местах перевязывали белдеу.

Войлочный клапан прикрепляли в последнюю очередь. Разнообразные ленты из шерсти с пестрыми кистями служили украшением интерьера. С ободков внутрь юрты спускались тканые или плетеные узкие ленты. В случае сильного ветра их привязывали к полу, вбитому в середине юрты. В летнюю жару боковые войлочные стенки могли подниматься на высоту до метра, тогда ветер свободно обдувал помещение.

Размер юрты зависит в основном от решеток, число которых достигает иногда

12–14. В таком случае юрту строят, сидя на конях, то есть находясь верхом. Количество «голов решетки» зависит от отверстия шанкара, а количество шанкара достигает иногда 150.

Казахская юрта состоит из семи войлоков: 2 из них называются узик, 4 – тупртых, 1 – тулевик. Бывают белые юрты – для великих людей, как каганы для богатырей. В настоящее время казахи ими пользуются, когда проходят большие праздники, куда приглашаются иностранные гости или же главы государств. А у киргизов белые юрты предназначаются для покойников. Ставится она во дворе дома, и весь похоронный обряд по обычаю проходит в этой юрте. Можно сказать, кочевники приходят в этот мир в юрте, также и в последний путь они уходят из-под её решетки.

Жизнь в киргизской юрте сосредоточена вокруг коломто (очага), который находится прямо под тюндюком. За коломто, у задней стены юрты, прямо напротив входа, располагается джюк – это одеяла, коврики и подушки, сложенные на сундуках или специальных подставках. Высота джюка является еще одним показателем достатка семьи. Хозяйка жилища следит за тем, чтобы джюк состоял из красивых и плотных тёшёков – матерчатых матрацев. В жаркие дни они выносились наружу и расстилались на траве, одним словом, сушились под прямыми лучами солнца.

Место напротив джюка называется тёр, туда усаживают самых почетных гостей – аксакалов. В повседневной жизни это место обычно занимает глава семейства. Возле него садятся сыновья, а ближе ко входу усаживаются женщины, дочери хозяина и его супруга. Эти традиции очень бережно соблюдаются до сего времени. Каждый ребенок знает, что где лежит в юрте и где его место за столом.

С правой стороны входа находится пространство женщины – **«эпчи джак»**. Это место служит для хранения различной посуды и принадлежностей для ее мытья. В этой части юрты на кереге вешались вышитые сумки, в которых лежали иглы, нитки, шитье, вязание и различные женские безделушки.

Отведенная для мужчин часть юрты называется **«эр джак»** и располагается на левой стороне юрты. Здесь на кереге находятся конская сбруя, камчи, охотничьи ножи, то есть необходимые предметы для того, чтобы разводить скот, охотиться и т. д. Таким образом, внутри юрты у каждого члена семьи свое место. Обычно двери юрт смотрят на восток, но необходимо отметить, что двери не всех тюркских юрт ориентированы на восток. На восток ориентируют двери юрт, кроме казахов, киргизов, хакасов, западные тувинцы, что соответствует древнетюркской установке двери. А монголы устанавливают двери строго на юг. Этногенетические особенности проявляются и во внутреннем убранстве юрты, свидетельствующем об определенной направленности устройства юрты на древнетюркский компонент. В казахской юрте с правой стороны находится посуда для кухни, дальше хранится еда в специальных сундуках и мешках, еще дальше – деревянная кровать хозяина юрты, затем вешалка «Аша бакан» для одежды, место для гостей. За ним – подставка для сундуков, где хранится чистая одежда, а на сундук стелют одеяло, ковры, кладут подушки и др. Потом – место молодых людей, сыновей и дочерей. В конце решетки – место для хозяйства. Там содержится снаряжение животноводов, а также сидят на специальной подставке беркуты, соколы и другие ловчие птицы.

Что касается устройства хакасской юрты, то она имела следующую структуру: вход, женская половина, мужская половина, очаг, тунук, место хозяина. Дверь в юрте была строго ориентирована на восток, вероятно, это было связано с почитанием восходящего солнца и господствующими в этом крае

западными ветрами. Внутри юрта делилась, как киргизская и казахская, на две половины. Правая от входа сторона юрты считалась женской половиной, левая – мужской. Такое деление связано с особенностями жизни и быта семьи. На правой половине размещались: кухонная утварь, различная посуда, расставленная на полках, особых подставках и продукты питания. На левой и правой передних сторонах, в сундуках, на особых подставках, в шкатулках, расставленных на полках, хранились одежда, женские украшения и другие личные вещи членов семьи. Во всех юртах в центре располагался очаг «от оймазы» (от орны), а над ним, в крыше, делалось дымовое отверстие. Очаг был выложен из камней в глиняном поддоне. Очаг и дымоход являлись основным местом проведения обрядов.

Внутренне убранство юрты глубоко символично и отвечает представлениям древних кочевников о гармонии межличностных и общественных отношений. В юртах всех народов (киргизов, казахов, тувинцев, хакасов, алтайцев, монголов) каждому члену семьи, каждому гостю соответствует свое, определенное место, предписанное древними правилами. Войдя в юрту, человек, знающий эти правила, сразу же определит, кто является хозяином и хозяйкой юрты, кто из гостей старше по возрасту, каково общественное положение каждого присутствующего и многие другие детали.

Далее более подробно остановимся на обряде кормление огня [2]. В народе считалось, если не проводить обряд кормления От-Ине, то последствия могут быть плачевными: можно лишиться покровителей, в том числе хранительницы домашнего очага От-Ине. Уйдут благополучие, удача, здоровье, так как огонь имеет очистительную силу.

Прежде чем приступить к исполнению данного обряда этикет требовал приготовления специальных яств и их символического распределения.

Необходимые атрибуты для обряда – «ирбен» (*бот*. богородская трава; чабрец), артыш, чистые дрова (без гвоздей, без грязи, без мазута), головной убор, хакасская национальная одежда красного цвета, пояс, плетеный косичкой из ткани четырёх цветов (белого, голубого, зелёного, красного), «честек» (кольцо, перстень). Ритуал кормления огня совершается женщиной, достигшей 50-летнего возраста (по-хакасски «чистая женщина»).

Продукты, необходимые для обряда: молочные продукты: молоко, сыр-пызылах, айран, «потхы» (каша из сметаны и муки), масло топлёное (сливочное). Мясные продукты: баранина – правая лопатка, конина – грудинка, мягкая часть, несолёный суп – «угре». Домашние булочки, печенье, конфеты, травяной чай с молоком, чай с чабрецом и молоком.

Все перечисленное находилось на обрядовом столе.

Обрядовый стол – Чир-стол. Приготовленные продукты окуривались артышом, чабрецом по часовой стрелке. Женщины находились на северной стороне (вправо), мужчины – на южной стороне (влево), впереди – молодёжь, по кругу, ближе к огню, очагу, встают пожилые люди.

Тюрки в огне видели всесильное божество, с ним ассоциируется представление о рождении, росте, развитии и жизни вообще. Огонь в юрте считается частицей солнца, поэтому и очагу в юрте придается округлая форма. Огонь должен содержаться в чистоте, недопустимо осквернять его, то есть бросать в него какой-нибудь мусор, дурно пахнущие продукты питания, вещи, помешивать угли острым предметом, ногами поправлять дрова у костра, перешагивать через огонь, наступать на золу, плевать (иначе заболит рот), подкладывать дрова с гвоздями (От-Ине может сломать зубы). Нужно ежедневно или как можно чаще угощать и кормить огонь перед едой, а потом есть самим, не забывая поить его чаем с молоком, айраном. Золу на

дорогу, как сейчас, не выбрасывали, а выносили в укромное место, чтобы не топтали ни люди, ни животные. За нарушение перечисленных норм считалось, что От-Ине накажет домашних различными болезнями или же придаст огню те или иные вещи, а может и жилище, надворные постройки и т. п. Все это считалось признаками гнева огня. Нарушение спокойствия в семье восстанавливалось принесением животного в жертву божествам, духам.

Обычно огонь кормят через дверцу печки с восточной стороны, не закрывая восток своим телом, то есть нужно встать справа от огня, очага, костра. Так удобно кормить От-Ине. С западной стороны и сверху печки обычно кормят усопших, иногда, при определенных обрядах, нужно кормить обеими руками, тогда кому-то надо подавать пищу. Все в костер не рекомендуется класть, а небольшой кусочек пищи (например, хлеб, хлебобулочные изделия, пызылах, сыр, печенье) оставляют, зажав пищу между указательным и большим пальцами. Человек, кормящий костер таким образом, оставляет свою долю, чтобы не «разбросать» свое счастье (таланын). Приготовленную для обряда пищу сверху костра не кладут – можешь закидать Хозяйку огня – От-Ине и пришедших к обряду духов. Во время кормления От-Ине хозяйка очага должна встать на левое колено, это же относится ко всем женщинам, присутствующим во время обряда кормления, а дома – только тот, кто кормит огонь. Мужчины в это время становятся на правое колено. Во время кормления используются как сакральные, так и свои слова. Поскольку цель кормления разная, то и слова меняются. Но есть слова, обязательные во время любого кормления От-Ине:

Ты, Огонь – наша Мать,
Имеющая тридцать зубов!
Ты – наша Дева Огонь,
Имеющая сорок зубов!
Стережешь нас ночью!
Стоишь во главе уходящих
И в конце приходящих!
Серп луны меняется,
И старый год проходит!
Наступает новый год служения тебе,
И я пришел,
Чтоб освежить засохшие уста твои!

Из представленного благопожелания каждый может взять то, что для себя считает нужным. Переводной текст доносит только частичный смысл благопожеланий, не имея силу сказанного, так как в них содержится определенная поэтика, ритмика слов, построенных определенным образом. Это те молитвы, мантры, без которых не может быть полного взаимоотношения с От-Ине и духами, которые кормятся через нее. Имеется несколько особенностей кормления От-Ине и духов арага: шаманы при обрядах горячительными напитками пользуются только в особых случаях, так как считается, что От-Ине не сможет оказать нужную помощь, с пьющих горячительное духов тоже проку мало.

С некоторых пор знающие обычаи и обряды хакасского народа люди настойчиво пропагандируют, чтоб в священных местах пользовались для кормления духов только чаем с молоком. Молодежь это начинание взрослых активно поддерживает.

Духов нужно угощать пищей, приготовленной дома. Лучше всего постоянно иметь при себе хлеб. Некоторые оставляют духам сигареты, семечки. Перед кормлением сначала здороваются с духами местности, представляют себя, своих спутников, затем с благодарностью кормят и просят только хорошей дороги, удачи. Многие оставляют в таких местах деньги. Раньше наши предки использовали в быту и при кормлении духов

От-Ине молочную арага или абыртхы (напиток из зерен ячменя, напоминающий слабую брагу).

Итак, при кормлении От-Ине чай (особенно с молоком) в огонь не наливают сверху, а подают на горячую золу, также поступают с аракой. Нужно помнить: весь обряд выполняется правой рукой, даже если ты левша.

Кормят От-Ине, начиная с мяса, мюн (бульон), масла, хлеба и других продуктов, заканчивая чаем, айраном. Берется в основном баранина, и то определенная часть (это зависит от производимого обряда), а дома ежедневно – самый мясистый и жирный кусок. Ни в коем случае не используют свинину, курятину (сейчас некоторые хакасы используют курятину во время кормления усопшего). Если закололи скотину дома, то для От-Ине варят тоже особые куски. В дом сначала заносят хан (кровяную колбасу), переступая через порог правой ногой, чтобы скот приумножался, знал свой дом. Угре (суп) первым делом следует налить в тарелку для кормления От-Ине, а потом и себе. Во время кормления называется пища, которой кормят, и звучит просьба От-Ине поесть.

Огонь кормят обычно супом, желательно с мясом говядины или баранины. Кусочки хлеба должны быть не резанными ножом, а отломленными, подают также масло сливочное или домашнее, еще лучше потхы, саламат (каша из муки или талкана на масле), пызылах, талган, чай с молоком или со сливками, можно сладости: конфеты без фантиков, печенье, лучше – домашние булочки, айран. Это основные продукты, используемые при обряде. Желательно поить От-Ине часто, особенно если в доме есть малые дети. Печенье тоже кладут не целым, а отламывают кусочками. При кормлении огня, особенно поминального, кусочки хлеба, печенья, конфет нужно оставлять для себя. Если нет домашней сметаны (только из нее получается потхы), ее можно заменить маслом. В собственном доме От-Ине кормят, открыв дверцу печи, а через верх – конфорку. Городские женщины кормят хозяйку очага, разжигая на противне небольшой огонек, некоторые это все выносят на балкон, приоткрыв двери, чтоб запах еды заходил и в квартиру. Так же поступают, когда нужно помянуть усопших или покормить своих тостер, духов (тӧстерін азырапча).

Существует небольшой обряд кормления огня, поклонения ему, когда привозят из роддома новорожденного или впервые с младенцем входят в дом родных.

Живой костер должен быть чистым. Перед тем, как зажечь огонь, нужно окурить богородской травой дрова и присутствующих. У хакасов живой костер укладывается шалашом, а неживой – домиком, колодцем.

Обрядовый костер горящим не оставляли, принято было постоять у костра, пока не догорит пища. Тому, кто был в ответе за кормление От-Ине, нужно было внимательно прислушаться к просьбам духов. На обряд кормления приходят самые разные духи стихии и ваши помощники (тӧстер). Считается, что они узнают место кормления по запаху горящей пищи. Среди них существует определенная иерархия: берут пищу в строго установленном порядке, согласно их статусу. Пищи должно хватит всем. Нужно обойти стоящих вокруг костра, чтобы все причастились к духовной пище. Иногда духи сами просят ту или иную пищу, потому что, когда часто кормишь их, они тебя узнают через От-Ине, могут общаться с тобой.

Когда все закончится, всех приглашают к трапезному столу. Нужно строго следить за тем, чтобы на столе не было острых предметов, сала, лука, чеснока, водки. Первым из казана (дома – из кастрюли) наливают угре (суп с мясом) мужчине по старшинству, а затем – женщинам.

Во время обряда От-Ине кормят пищей, исключая свинину, рыбу, курятину, свиное

сало. Все это сложилось не случайно. Наши предки не держали свиней. Раньше считалось, что это удел бедных. Кроме этого, свиней и кур считали созданием нечистой силы – ынчых малы, а рыбу – водяным червяком – суг хурты. Кормить духов нужно чистым мясом, бараниной или кониной. По легенде, тюрки (а значит и хакасы) произошли от горных людей, духов, значит, нам нужно почитать их, как своих предков. Если обряд проводился не в юрте, а на природе после обряда было принято оставлять около костра несколько кусочков хлеба и другой пищи для птиц, мышек, червячков, чтоб они угостились. Место должно было остаться чистым. Весь мусор нужно сжечь на костре, который специально для этого разводился, консервные банки закапываются глубоко в землю или забираются с собой. В последнее время мусор увозят с собой, чтобы потом выбросить в специально отведенном месте.

Нарушение спокойствия в семье восстанавливалось принесением животного в жертву божествам [4].

В качестве жертвоприношения животного выбирался баран белой масти с черной головой. Закалывали его особым способом: двое держали за концы березовый шест, двое других, взяв за ноги, опускали его на шест, переламывая жертве позвоночник. При этом зажимали животному рот. Существовало поверье: если будет крик, то жертва угодна духам. Затем разрезали живот, просовывая руку вовнутрь, и разрывали аорту. Жертва умирала моментально. Сняв шкуру, мясо варили в котле «большого костра». В больших юртах для такого случая специально предусматривался казан больших размеров, а для повседневной жизни рядом с этим казаном ставили небольшой казанок.

По традиции тушу животного полагалось полностью сжечь на костре, предварительно сварив. Сегодня эта традиция нарушается: в огонь кладут лишь часть мяса.

Кроме восстановления спокойствия семьи, существовали жертвоприношения духам животных (ызых), духам родовых гор (таг тайыг), духам водной стихии (суг тайыг), небу (тигр тайыг). Целью всех жертвоприношений было прошение у духов благополучия в семейной и хозяйственной жизни.

Иногда жертвоприношение проводилось у священной горы. Оно было посвящено небу (тигр тайыг). В этом случае накануне или в сам день жертвоприношения утром в каждой семье мужчины готовили «улдурбе». Свивалась веревка такой длины, чтобы обвязать головной убор. К веревке привязывали перья беркута и белые, синие лоскутки ткани – чалама. Пучков перьев должно быть по числу мужчин в семье, но не меньше трех. Улдурбе обвязывали вокруг головного убора так, чтобы пучки перьев были направлены вверх, а чалама свешивались вниз. Все это окуривалось богородской травой – ирбен.

Перед жертвоприношением начиналось моление. Все улдурбе привязывали на одну веревку – чилинаг. Один ее конец прикрепляли к березе, а другой – брал в руки мужчина, знающий молитвенные слова – алгысчыл.

Следует отметить, что тигр тайыг проводили только мужчины. Присутствие женщин категорически запрещалось, ибо считали, что иначе священное место будет осквернено. В последнее время этот обряд тоже проводится с некоторыми нарушениями – к тигр тайыг стали подпускать женщин.

Из сказанного следует, юрта – одно из выдающихся творений мудрости древних народов Азии, занимавшихся преимущественно скотоводством, самое приспособленное к требованиям кочевого уклада жизни и пригодное для обитания людей жилище. Юрту можно свернуть очень быстро, погрузить на лошадей или волов и отправиться в долгий и трудный путь при перекочевке к местам зимнего или летнего выпаса скота.

Литература

1. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 1996. – 221 с.
2. Красная книга Кыргызстана. – Бишкек: ООО «Алтын-Тамга», 2001. – 401 с.
3. Обряд «Кормление От-Ине» записано в ХРНГ (Хакасская республиканская национальная гимназия) при проведении обряда Асочаковой Ларисой Иннокентьевной. Обряд проводился в юрте гимназии при присутствии учащихся 5–6 классов.
4. Традиционный фольклор народов Сибири в условиях развивающейся России. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – С. 108–110.
5. Ултургашева Н. Т. Музыкальный фольклор тувинцев и проблемы его исследования // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17–2. – С. 50–56.
6. Ултургашева Н. Т. Особенности современных исследований традиционной культуры народов Сибири // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 12. – С. 39–48.

Literatura

1. Butanayev V J Traditional culture and Khakassian way of life. – Abakan: Khakasskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 1996. – 221 s.
2. The Red Book of Kyrgyzstan. – Bishkek: Altyn-Tamga, 2001. – 401 s.
3. Rite «Feeding Ot-Ine», written in Republican National School of Khakassia during the ceremony held by Asochakova Larissa Innokentievna. The ritual was held in the yurta of the school in the presence of pupils of 5–6 forms.
4. Traditional folklore of Siberian peoples in developing Russia. – Kemerovo: KemGUKI, 2010. – S. 108–110.
5. Ulturgasheva N. T. Muzykal'nyj fol'klor tuvincev i problemy ego issledovanija // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17–2. – S. 50–56.
6. Ulturgasheva N. T. Osobennosti sovremennyh issledovanij tradicionnoj kul'tury narodov Sibiri // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2010. – № 12. – S. 39–48.

УДК 008

С. Н. Скоринов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ 30–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕНОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В статье на основе разнообразного этнокультурологического материала реконструируется государственная обрядность общегражданского и профессионального значения, бытовавшая в 30–80-е годы XX века у нивхов и тунгусо-маньчжуров – нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта, орочей, утверждается идея об устойчивости народной традиции и ее способности к трансформации и адаптации к иннокультурным влияниям.

Ключевые слова: духовная культура, феномен, мифология, праздник, ритуал, современная обрядность, традиция, этнос, аборигены.

S. N. Skorinov

STATE CEREMONIES OF CIVIL AND PROFESSIONAL IMPORTANCE OF 30–80-S OF THE 20TH CENTURY AS PHENOMENON OF MODERN SPIRITUAL CULTURE OF THE NATIVES LIVING IN THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST

The article reconstructs the Nivkhi's and the Tunguso-Manchzhuri's (The Nanajtsi, the Neguidaltsi, the Ulchi, the Udeguejtsi, the Ujlta, the Orochi) state ceremonies of 30–80s of the 20th century that had civil and professional importance on the base of ethno culturological material and supports the idea of folk custom stability and ability to transform and adapt to another culture.

Keywords: spiritual culture, phenomenon, mythology, celebration, ritual, modern ceremony, tradition, ethnos, aboriginal.

Представления о вселенной, времени, пространстве, природе, личности и обществе нивхов и тунгусо-маньчжуров юга Дальнего Востока России в 30–80-е годы XX века существенно отличались от предыдущих – традиционных мифологических и религиозных воззрений. Это было обусловлено, прежде всего, произошедшими стадиальными изменениями базисных основ социума, преобразованиями общественного и индивидуального сознания, что, в конечном итоге, повлекло за собой структурную перестройку всех сторон жизни и деятельности их патриархального родового сообщества.

Как известно, в годы советской власти государственная политика приобрела своеобразную форму патроната «старшего брата» – русского этноса и его культуры – над «младшим братом» – «малыми», как тогда говорили, народами. Признавая в силу закономерностей развития мирового исторического процесса необходимость и правомерность, особенно на первых этапах этнокультурного взаимодействия, оказания всесторонней помощи в ликвидации неграмотности и приобщения аборигенов к достижениям общечеловеческой культуры во всех областях жизни, тем не менее, следует отметить и грубые просчеты в советской национальной политике, выразившиеся в упрощенных подходах в ее планировании и осуществлении, непонимании стадиальных и этнических особенностей развития народов России, в том числе и дальневосточных этносов, что в результате неоправданно инициировало среди них процессы ассимиляции, нивелирования, а вернее было бы сказать, умерщвления их оригинальной мифологии и культуры.

Советская обрядность таких коренных малочисленных народов Приамурья и Сахалина, как нивхов, нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта, орочей, характеризуется наличием в ней разновременных, стадиально и этнокультурно различных мифообрядовых комплексов, их элементов и деталей. Ее составляющими частями являлись государственные, общегражданские, профессиональные ритуалы, рожденные в послереволюционное время; заимствованная инокультурная обрядность народов России и ортодоксальные элементы традиционных мифов и обрядов. Примечательно то, что особое внимание существовавших в те времена государственных и партийных органов было обращено на внедрение и поддержку официальной партийно-государственной мифологии и обрядности. По отношению к обрядам семейно-бытового назначения политика государства осуществлялась в основном кампанейским образом. Как правило, действия носили стихийный, волюнтаристский, глубоко не продуманный и научно не обоснованный

характер. Времена активных репрессивных мер в борьбе с пережитками и религиозными суевериями сменялись пассивными и нейтрально безразличными «оттепелями».

Под государственными обрядами общегражданского и профессионального значения нами понимается особая разновидность общей календарной обрядности, представляющая собой всю совокупность официально признанных и законом государства закрепленных обрядовых действий. Современный процесс мифообрядового творения, как и архаический, представляет собой во многом синкретический акт, в котором сопрягаются интеллектуальная личностная и стихийная, массовая по характеру и поэтому слабо поддающаяся управлению человеческая деятельность. Успех ритуалотворения – в гармонии мифостихий: в фантазии гениев и действии масс.

Отличительной чертой данного типа обрядности является, прежде всего, ее праздничный характер. В общих чертах, сравнивая современный праздник с его первобытным прототипом, можно отметить, что обновлению и адаптации к новым историческим условиям подвержены как содержательная, так и формальная сторона, но неизменным остается его архетипическая сущность.

Опросы респондентов из коренных малочисленных народов Амура и Сахалина показали, что принятие новой обрядности проходило противоречиво и болезненно. По существу история не предоставила аборигенам права альтернативного выбора своей судьбы, и поэтому автор настоящей работы воздерживается от неэтичных, по его мнению, оценок о «добровольном и сознательном» принятии ими советского образа жизни, ее официальной и бытовой мифологии и обрядности, как впрочем и дореволюционной российской. Возможно, в несвободе выбора исторического пути и лежат глубинные корни экономической, социальной, политической и духовной апатии и инфантилизма этих народов, угрожающие им этнической смертью.

Таким образом, по отношению к коренным малочисленным народам юга Дальней России и, в частности, по поводу происхождения у них современной обрядности больше приемлемы такие выражения, как «вынужденная необходимость». В данном случае советское государство использовало весь арсенал своего воздействия: от материальной и моральной заинтересованности до особых репрессивных мер.

Процесс адаптации нового для духовного бытия амурских и сахалинских аборигенов явления государственной обрядности имел протяженность во времени. Он непосредственно нами увязывается со всем комплексом преобразовательной политики в области экономической, социальной и просветительско-образовательной и другой деятельности советского государства, с осознанием этносами своей новой гражданской роли. Особое значение в консолидации советского общества, принятии всеми малочисленными народами Амура и Сахалина общегражданского ритуала имела Великая Отечественная война, на фронтах и в тылу которой вместе с другими народами воевало и трудилось подавляющее большинство взрослого аборигенного населения. Анализ исторического развития современной аборигенной обрядности приводит автора работы к выводу о том, что к 80-м годам XX века коренное население осознало духовную сущность нового типа обрядности и в подавляющем числе уже на новом этапе своего бытования приняло ее, при этом принеся на жертвенный алтарь своего духовного обновления традиционную мифологию и культуру своих предков.

К обрядам общегражданского и профессионального значения, отмечаемым аборигенами Амура и Сахалина в 30–80-е годы XX столетия, следует отнести официально утвержденные в разные годы праздники –

Великой Октябрьской социалистической революции, Международной солидарности трудящихся 1 Мая, Победы 9 Мая, Советской Конституции, Международного женского дня 8 Марта, Нового года и многообразных профессиональных праздников, соответствующих ведущим отраслям народного хозяйства и в своей календарной совокупности символизирующих торжество человека труда и союз пролетариата с крестьянством и интеллигенцией: День рыбака, нефтяника, работников леса, учителя, работников здравоохранения и т. д. – в зависимости от профессиональной принадлежности носителей аборигенной культуры.

Коренные малочисленные народы Амура и Сахалина отмечали праздники общегражданского назначения так же, как и все остальные советские народы, населяющие не только юг Дальнего Востока, но и всю Советскую Россию. Обычно аборигены-горожане принимали участие в торжественных собраниях, проводимых партийными и исполнительными комитетами, администрациями предприятий, в общегородских и районных демонстрациях и манифестациях, в массовых гуляньях, концертах художественной самодеятельности и в других мероприятиях. По традиции в эти дни чествовали почетных и уважаемых людей, победителей социалистического соревнования, передовиков производства, ветеранов партии, комсомола, труда, Великой Отечественной войны, участников Гражданской войны и освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов.

В сельской местности было меньше формальной торжественности, но в зависимости от численности жителей устраивались митинги на центральной площади села, которая предварительно украшалась лозунгами и плакатами с официальными изречениями и призывами. Обязательным атрибутом праздника было праздничное застолье. В 70–80-е годы прошлого века оно сопровождалось обильными угощениями и употреблением спиртных напитков. Центром коллективного общения селян были клубы и дома культуры, где в эти дни проводились вечера отдыха, выступления художественной самодеятельности, показ кинофильмов.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 годов появился в календаре новый праздник – День Победы. Он отмечался всенародно в СССР, в том числе и коренными малочисленными народами Дальнего Востока, так как к этому общегражданскому событию ощущал свою сопричастность каждый человек в стране. Накануне и в день праздника на официальном и семейно-бытовом уровнях чествовали фронтовиков, впоследствии и тружеников тыла, поминали чаркой водки погибших.

В отношении Дня Конституции наши информаторы затруднялись что-либо сказать. В их рассуждениях этот день не ассоциировался по-настоящему с праздничным днем. Фактически он проходил для всех как дополнительный день отдыха и использовался в различных целях в зависимости от конкретных обстоятельств. В большинстве случаев его проводили в домашних делах и хлопотах. Это явление не было характерным только для аборигенов. В советский период в силу идеологических установок правящей коммунистической партии не сложилось определенной праздничной обрядности, отражавшей сущность и идею конституционной законности и права.

Новым явлением в обрядовой практике коренных малочисленных народов Приамурья и Сахалина стал день 8 Марта. По сведениям большинства наших респондентов – представителей старшего поколения, в их семьях, когда они были маленькими, женский праздник не отмечался. Активно стали его праздновать с 60-х годов XX века: вначале аборигенное население, проживающее в городах и получившее образование, а затем он распространился и среди сельчан. В беседах аборигенные женщины признава-

лись автору, что этот праздник осознается ими как важный и необходимый элемент современной мифообрядовой практики, потому что в основе его заложены благородные общечеловеческие идеи уважения к светлому женскому началу и матери-прародительнице. Примечательно, что данные мысли аборигенных женщин сходны с высказываниями большинства женщин других национальностей России.

Накануне праздника по предприятиям, а также на городском, районном уровнях проводились торжественные собрания – чествования женщин тружениц, матерей с обязательным вручением подарков. Надо отметить, что в тех случаях, когда материальные возможности государственных предприятий и учреждений, а также профсоюзных комитетов и организаций были ограничены, всё равно в большинстве из них праздничный стол и сувениры от мужчин были традиционным явлением. Средства для организации угощения и приобретения сувениров собирались в складчину, как мужчинами, так и женщинами. Одной из важных традиций, сформировавшихся под русским влиянием, являлось поздравление учениками женщин-учителей и преподнесение им сувениров, подарков, а где было возможно, и цветов. Примечательно, что в 70–80-х годах распространилась необычная традиция отмечать день 8 Марта и среди школьников, особенно старших классов, а также учащихся училищ, техникумов, студентов вузов. Этому празднику посвящались вечера отдыха, юноши вручали девушкам сувениры.

Особое значение как факт проникновения официального праздника в быт этноса приобретает обозначенная в 70-х годах тенденция – в день 8 Марта чествовать мать. Это явление новое для аборигенной традиции, но не чуждое ей по своей природе, так как и информаторы, и этнографы-североведы постоянно отмечали уважительное отношение мужчины к женщине, детей к матери. Обычно в день 8 Марта дети собирались у родителей, при отсутствии их из-за смерти или из-за дальности их местожительства – у старших родственников. Предпочтение в таких случаях отдавалось родственникам по отцовской линии, в чем нами обнаруживаются сохраняющиеся пережитки ортодоксальных брачно-семейных отношений. При этом надо заметить, что большинство нами опрошенных респондентов свой выбор определенных лиц родственников мотивировали не традицией, а сложившимися между ними добрыми и уважительными отношениями.

В день 8 Марта всеми присутствующими за праздничным столом поздравлялись мать, а также все женщины – дочери, невестки и гости. Мужчины вручали подарки. Редким явлением в 80-е годы были цветы. Это объясняется не только их отсутствием на рынках и в магазинах северных районов Хабаровского края и Сахалинской области, особенно в сельской местности, но и несформировавшейся эстетической потребностью и вкусами как женщин, так и мужчин, отдававших предпочтение больше материальной, утилитарной стороне подарка, чем эстетической.

Интересно, что, несмотря на пропагандирующуюся, особенно в 80-е годы XX века, во всех средствах массовой информации традицию приготовления праздничных угощений и обслуживания в этот день стола мужчинами, данную работу осуществляли женщины. Все опрошенные нами женщины и мужчины подтвердили данное обстоятельство. Но при этом было замечено, что женщины не усматривали в этом какого-либо неуважительного отношения к себе со стороны мужчин. В этом факте отмечается устойчивость у аборигенов древнего ритуала, связанного с распределением межполовых ролевых функций в домашних делах, когда женскими обязанностями признавались приготовление пищи и прислуживание гостям за столом.

Наряду с женским днем, аборигенами Амура и Сахалина, как и другими народами СССР, отмечался День Советской армии и флота, хотя он и не был обозначен в календаре красным выходным днем. Это было вызвано рядом причин: во-первых, экономическими условиями милитаризованного государства и идеологическими установками коммунистической партии и правительства на создание культа уважения воина-защитника социалистического Отечества; во-вторых, большинство мужского населения ощущало свое непосредственное отношение к этому празднику, проходя действительную службу в рядах вооруженных сил страны; в-третьих, большую роль в признании этого праздника сыграли ветераны Великой Отечественной войны, внеся в него священную и понятную всем народам идею защиты Родины от иноземных захватчиков; в-четвертых, в стремлении и женщин, и мужчин создать по аналогии с женским днем 8 Марта особый праздник для мужчин и другие. В этой связи примечательным является тот факт, что уже в XXI веке 23 февраля стал красным днем календаря и отмечается сегодня как День защитника Отечества.

По высказываниям самих аборигенов, День Советской армии и флота еще в 80-е годы XX века ассоциировался ими в широком смысле как День защитника Отечества, мужской доблести и силы. Поэтому на неформальном уровне и на производстве, и в учреждениях, учебных коллективах, а также домашних условиях проводились чествование мужчин, вручение им скромных подарков и сувениров. Отметим, что на официальном уровне чествовали в этот день только воинов действующей армии и флота. В отличие от женского праздника данный день отмечался скромно, без обильных застолий и угощений и использовался женщинами в качестве особого знака уважения и признания мужчин.

Определенные категории рабочей, студенческой и учащейся молодежи, дети начального и среднего школьного возраста принимали участие в ритуальной деятельности единственных тогда в стране комсомольской и пионерской организациях. Под руководством территориальных комсомольских комитетов, органов народного образования, школьных педагогических коллективов и пионерских вожатых дети и молодежь отмечали молодежные и детские праздники – День рождения комсомола (29 октября) и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (19 мая), День советской молодежи (последний выходной день июня), Всемирный день защиты детей (1 июня).

Данные праздники, как правило, носили несколько заорганизованный и в какой-то степени формальный характер. Главный смысл их, согласно официальной идеологической доктрине правящей коммунистической партии, заключался в приобщении молодежи к революционным, боевым и трудовым традициям старших поколений, презентации «счастливого детства» и «множества дорог» для молодых жителей страны Советов.

Согласно проведенному нами в 2012 году опросу аборигенов по поводу их отношения к бытовавшим в советское время молодежным и детским праздникам, большинство из них, признавая их излишнюю политизированную окраску, высказали сожаление о том, что современная молодежь лишена торжественного, эстетического и эмоционального времяпрепровождения.

Особое значение в аборигенных семьях приобрел Новый год, исторические корни которого уходят в первобытную древность, в языческую мифологию и культуру. Из-за сложившихся для аборигенных этносов обстоятельств ими был перенят российский вариант общеевропейского новогоднего обряда. Новогодний ритуал для традиционной аборигенной культуры – явление достаточно новое. По всей вероятности, в прошлом ко-

ренные малочисленные народы юга Дальнего Востока России были знакомы с восточными вариантами новогодней обрядности японского, китайского и корейского образца. Но все-таки современное новогоднее празднество ими было воспринято именно в форме российской культурной этномодели.

Как правило, Новый год отмечался аборигенами в кругу семьи и друзей. В этот день родственники собирались у старших – в основном родителей или близких к ним людей. Хотя в 70–80-х годах среди горожан и селян были часты случаи, когда новогодний праздник отмечался в кругу друзей и знакомых различных национальностей.

На Новый год аборигены обязательно надевали нарядные одежды. Приготавливалось праздничное угощение, включающее в себя как определенный ритуальный элемент различные кушанья из рыбы: это традиционные блюда амуро-сахалинской кухни – тала или строганина из различных пород рыбы, кетовая икра, *мос* и другая разновидность рыбного студня и т. д. Также к этому праздничному столу готовились и мясные блюда. Для чего в селах резался домашний скот или птица. Особую ценность представляла таежная дичь, особенно медвежье мясо, что всегда вызывало у присутствующих особое эмоциональное возбуждение. При поедании мяса медведя родственники и гости пробовали соблюдать древние обычаи: самые лакомые части – сердце, язык, печень подавали старшим, но при этом необязательно, чтобы они были из рода зятьев. Надо сказать, что данный факт не может рассматриваться в качестве мифоритуального, он больше имеет историко-познавательное и игровое значение, так как старики и мужчины, удовлетворенные самим актом их уважения и признания, приглашали всех присутствующих и женщин, и детей угоститься предлагаемыми деликатесами.

Обыкновенно в Новый год употреблялись и спиртные напитки. В качестве традиции в 80-х годах большинство аборигенов, в основном из числа молодого и среднего возраста, считали необходимым встретить Новый год бокалом шампанского вина и благопожеланиями себе, родным, близким друзьям и знакомым. Одними из веселых и популярных среди аборигенов были и элементы новогоднего народного карнавала с ряжением, масками, танцами и песнями. Из костюмов аборигены предпочитали традиционные народные одежды, медвежьи шкуры, представляли и разыгрывали из себя рыбаков и охотников и т. д. Отметим, что совместно проживающие с ними в селениях лица других национальностей также с удовольствием обряжались в их национальные костюмы и под одобрительные возгласы аборигенов подражали им в движениях, танцах, пении и речи. В праздничные дни организовывались различные спортивные игры и забавы. Излюбленными считались во многом импровизированные катания и даже гонки на нартах, где они к тому времени сохранились, или на санках с привязанными к ним собаками.

К государственным обрядам профессионального значения относятся отмечаемые по ведомственно-отраслевому признаку праздники. Если в некоторых случаях они носили локально ограниченный характер, то такой праздник, как день рыбака, имел для большинства аборигенов Амура и Сахалина большое общественное звучание, независимо даже от их прямой профессиональной принадлежности к рыбной отрасли народного хозяйства. Как правило, в этот день проводилось чествование передовиков рыболовецких колхозов, сельчанами устраивалось праздничное застолье, обязательно готовилась свежая уха из накануне пойманной рыбы, организовывались спортивного и развлекательного характера игры, включающие элементы традиционных гонок на лодках, народную борьбу, рыбную ловлю и т. д. Активными участника-

ми праздника являлись не только аборигены, но и люди других национальностей.

Обычно аборигены положительно оценивали этот профессиональный праздник. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не случайно, так как сам праздник отвечал исконной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Амура и Сахалина. По словам всех наших информаторов, он воспринимался ими как своеобразное продолжение старинных обрядов кормления воды. В этот день некоторые старики аборигены, не афишируя свои поступки, совершали ритуал кормления хозяина воды. Иногда к осуществлению ритуала привлекались дети дошкольного и младшего школьного возраста. Заметны были детали этого обряда и при проведении конкурса на лучшего рыболова, во время которого большинство его участников, не вникая глубоко в суть производимых ими действий, по установившейся традиции производили, как они тогда в основном утверждали, подкормку рыбы для лучшего ее клева и т. д.

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть следующее. Во-первых, государственная обрядность общегражданского и профессионального значения в 30–80-е годы XX века у аборигенов Амура и Сахалина представляла собой сложный, многоаспектный, полифункциональный феномен духовной культуры. Это синкретический сплав адаптированной к современным условиям бытия архаической этнической обрядности и стадиально, инокультурно отличной от нее общегражданской мифоритуальной модели.

Во-вторых, феномен современной аборигенной обрядовой культуры заключается, прежде всего, в том, что народная традиция проявляет свою устойчивость и живучесть в самых, казалось бы, неблагоприятных для нее условиях существования и, кроме этого, способность к постоянной трансформации и адаптации в своей культурной среде инородных и даже стадиально отличных мифообрядовых элементов и комплексов.

В-третьих, степень усвоения новой мифологии и обрядности в этнокультурной среде непосредственно соотносится с уровнем готовности народного сознания и реального бытия к инновационному восприятию. Так, среди профессиональной государственной мифологии и обрядности большее значение для аборигенов имели те праздники, которые отражали их исконную хозяйственную и обрядовую практику.

УДК 37.0

О. Г. Ултургашева, А. Н. Карамчаков

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА (1830–1930)

Данная статья посвящена истории становления непрерывного национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона, периоду от открытия первых школ для коренных народов, проживающих в данном регионе до возникновения системы национального образования в первые десятилетия советской власти.

Ключевые слова: миссионеры, просвещение, школы для коренных народов, алфавит, уровень грамотности населения, организация системы образования.

O. G. Ulturgasheva, A. N. Karamchakov

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE CONTINUING NATIONAL EDUCATION FOR INDIGENIOUS PEOPLES OF THE SAYAN-ALTAI REGION IN THE PERIOD FROM 1830 TO 1930

This article is dedicated to the history of the continuing national education formation for indigenous peoples of the Sayan-Altai region, covering the period from the opening of the first schools for indigenous peoples living in the region before the rise of the national education system in the first decades of the Soviet power.

Keywords: missionaries, education, schools for indigenous peoples, alphabet, literacy rate, organization of the education system.

Одним из показателей развития общества по праву считается уровень развития образования, в котором отражается вся совокупность политических, экономических и культурных отношений, присущих ему.

В Российской империи государственная политика в области образования встречалась с достаточно сложными проблемами, одной из которых было развитие национального образования на периферии, то есть в Сибири и других регионах. Саяно-Алтайский регион, включающий в себя территории Хакасии, Тывы, Алтая и Горной Шории, являлся одним из национальных районов, где вышеуказанная проблема была особо актуальной, так как здесь проживала значительная часть коренного населения Сибири. Для того чтобы полнее увидеть и оценить те изменения, которые произошли в развитии образования в Саяно-Алтайском регионе, необходимо совершить краткий исторический экскурс в конец XIX – начало XX века. Таким образом, цель настоящей статьи заключается в обращении к истокам развития национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона.

Национальное образование в рассматриваемом регионе берет начало в первой половине XIX, с момента организации школьного дела. Так, в 1830 году была сформирована и отправлена на Алтай Духовная миссия, которая своей главной целью ставила утверждение христианства и православия на территории Сибири, а также и организацию обучения коренного населения [6, с. 108].

Первым руководителем Духовной миссии на Алтае был монах Макарий Глухарев, довольно образованный по тем временам человек, сделавший достаточно много для изменения жизни алтайского народа и, в частности, в деле обучения алтайцев грамоте. Известно, что в начале 30-х годов XIX века он составил алфавит на основе русской графики, тем самым положив начало распространению грамоты среди алтайцев, занимался переводами богослужебной литературы на алтайский язык, используя родной разговорный язык алтайцев как средство пропаганды христианства. В 1830 году Макарий открыл первую школу для мальчиков и параллельно для девочек, обучение в которых велось бесплатно. В1838 году была открыта миссионерская школа в Горном Алтае (Улале), и почти в течение 50 лет она оставалась единственной на этой обширной территории [15, с. 227].

Преемником М. Глухарева стал Стефан Ландышев, оставивший свой след в истории открытием нескольких миссионерских школ: Мьютинской – в 1850 году, Макарьевской – в 1855 году, Черно-Ануйской – в 1858 году, Кузедеевской – в 1859 году, Урсульской – в 1860 году, Чемальской – в 1863 году и др. Учеба в них сводилась, кроме обучения чтению, письму и счету, к заучиванию Закона

Божьего. Образованность помогала представителям коренного народа в налаживании торговых отношений с соседними регионами, способствовала формированию и укреплению национального самосознания. Здесь необходимо отметить, что «инородцы обитали в массе русского населения, тем не менее, будучи бесписьменными, все же полной ассимиляции не подверглись, сохранили свою родную речь» [3, с. 10]. Это, прежде всего, касается северных алтайцев, шорцев и хакасов, для которых, преследуя свои цели, миссионеры в 60–90-х годах XIX века создали миссионерский алфавит. С его помощью они переводили на языки упомянутых народов Евангелие, молитвенники и другие богослужебные книги. В миссионерских церквях службы совершались на родном языке священниками-инородцами. Их готовили в Казанской учительской семинарии и Бийском катехизаторском училище. Читая свои проповеди и молитвы «на языке родном для нерусских прихожан, священнослужители побуждали неграмотных южносибирских тюрков и молитвы в церкви творить на родном языке» [3, с. 10].

Начавшееся к середине XIX века экономическое освоение края, развитие торгово-денежных отношений настойчиво ставили на повестку дня вопрос об определенном минимальном образовательном уровне для населения, следовательно, и о начальных школах, имевших более широкие возможности, нежели миссионерские.

Так, на Алтае получили также распространение сельско-волостные школы, а с 1887 года – церковно-приходские и школы грамоты. Этим было положено начало светскому образованию в Сибири. Несмотря на то, что открывались такие учебные заведения для инородцев, лучшими школами считались все же те, в которых преподавание велось на русском языке.

В 1883 году было открыто Бийское катехизаторское училище, которое готовило учителей и священников для русских, алтайцев, хакасов и шорцев. В этом училище изучали грамматику на шорском языке на базе адаптированной кириллицы (общей для шорцев, алтайцев и хакасов). В конце 80-х годов XIX века в Улале – миссионерское училище, учитывающее этнические особенности алтайцев и готовившее учителей, переводчиков и церковных служителей.

В конце XIX века на территории Горной Шории алтайские миссионеры открыли несколько церковно-приходских школ: в улусе Аил (около Кузедеево) школа была открыта в 1858 году; в Усть-Анзасе – в 1879 году; в Матуре – в 1885 году; в Кондоме – в 1886 году. Миссионеры того времени серьезно относились к использованию шорского языка в своей основной и просветительской деятельности. Они разработали первый шорский алфавит, издали впервый шорский букварь, перевели на шорский язык книги религиозного содержания [13, с. 138].

Таким образом, к началу Первой мировой войны на Алтае насчитывалось 8119 школ, из которых 813 были начальными, с общим числом учащихся 52,1 тыс. человек. В Горном Алтае действовало 28 миссионерских школ, в которых из 1500 учеников немногим более 300 представителей коренных жителей-алтайцев постигали грамоту. В Горной Шории было открыто 14 школ. В них работало более тридцати учителей-шорцев, в том числе две учительницы-шорки [9, с. 147].

К 1917 году уровень грамотности населения Алтая составил 15,3 %. Среди алтайского населения, проживавшего в сельской местности, этот показатель был на отметке 1,5 %, а среди кочевников и того ниже – 0,4 % [15, с. 227]. Если рассматривать грамотность населения в Абаканской (Качинской) управе «Инородческого» района Минусинского уезда, то умели читать и писать 7,3 % мужчин, в Аскизской – 5,2 %, а среди женщин – 0,8 и 1,4 % соответственно [1, с. 259]. Боль-

шая часть из всего количества школ были церковно-приходскими, средних учебных заведений, не говоря о высших, в регионе не было вообще. Даже краткий анализ уровня грамотности населения рассматриваемого района Сибири показывает, что население окраин империи, в особенности коренные народы, имели очень низкий её уровень.

В Хакасско-Минусинском крае пионерами развития школьного дела по праву считаются ссыльные декабристы. Так, декабристы Беляевы в Минусинске открыли школу, которую посещало в «разное время до двадцати учеников» [14, с. 11], при этом, как отмечает А. П. Беляев в воспоминаниях, «главная наша цель была – с развитием ума внушить правила чистой нравственности, разумной религиозности, честности и уничтожения дурных привычек» [2, с. 217]. Обучение было платным. В школе Беляевых преподавательской деятельностью занимались и другие декабристы, например, Н. О. Мозголевский. По предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири вскоре школа была закрыта. С ликвидацией школы декабристы не прекратили учительскую деятельность: по просьбе местных жителей они занимались репетиторством, что положительно влияло на рост грамотности среди местного населения и приобщения их к российской культуре [14, с. 14].

Первые школы для хакасов стали появляться в 60-е годы XIX века. Так, в 1864 году на средства хакасов была создана одноклассная школа в улусе Усть-Абаканском, такая же школа открылась в январе 1869 года в Аскизской думе, а через год – в селе Таштып, где вместе с русскими детьми учились и дети хакасов [7, с. 72].

Национальные (инородческие) школы разрешалось открывать только при наличии на местах священников: «Начальные школы инородцев-христиан должны иметь целью религиозно-нравственное их образование, утверждение в православной вере и ознакомление с русским языком» [1, с. 14]. В 1916/17 учебном году в Хакасии было 13 церковно-приходских и 7 миссионерских школ, обучение в них велось на русском языке [7]. Здесь нельзя не упомянуть работу русских миссионеров, которые в целях распространения христианства среди хакасов издавали книги на хакасском языке на основе русской графики. Но вопреки ожиданиям и надеждам царского правительства и Священного Синода России на ускорение процесса русификации южносибирских инородцев, миссионерская деятельность в данном случае привела к неожиданным результатам. Церковь способствовала сохранению и развитию природных языков и диалектов своей паствы и, следовательно, надежно защитила южносибирских тюрков от руссификации и полной ассимиляции.

После октября 1917 года первыми же декретами Советской власти обеспечивались условия для коренного преобразования культуры народов России.

В сентябре 1918 года ВЦИК утверждает «Положение о единой трудовой школе РСФСР», которое можно рассматривать как стратегическую линию Советской власти в области народного образования и политехнического образования. В октябре 1918 года Народный комиссариат просвещения принимает постановление «О школах национальных меньшинств», в котором говорилось, что все нации и народности, населяющие РСФСР, пользуются правом обучения на своем родном языке, как в трудовой, так и в высшей школе [1]. В школах национальных меньшинств согласно этому постановлению вводилось также обязательное изучение языка, преобладающего по численности населения данной территории.

Становлению национальных школ способствовали сформированные при Сиббюро ЦК РКП(б) в 1920 году отделы по делам национальностей, которые объединяли 14 национальных секций со штатными работни-

ками. В Алтайской, Енисейской, Омской и Томской губерниях были учреждены губернские и уездные, районные и волостные национальные отделы [10]. В этом же году при Сибирском революционном комитете был создан Сибирский отдел народного образования. Одновременно образовались секции национальных меньшинств при всех губернских отделах народного образования. В феврале 1921 года при Коллегии Наркомпроса РСФСР был создан Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен). Этому органу надлежало защищать интересы нерусских народов в школе. Такое решение было вызвано полученнными неутешительными результатами статистики. Например, по данным демографической переписи 1920 года, уровень грамотности мужчин-хакасов составлял 13,1 %, а женщин – 4,6 %, в периферийных мелких улусах грамотность мужчин составляла 8,9 %, а женщин – 1,6 % [4, с. 260]. Тут необходимо заметить, что уровень грамотности хакасского населения был неравномерным. В некоторых населенных пунктах большинство мужчин умели читать и писать и, наоборот, во многих улусах грамотных людей почти не было. Существовала определенная закономерность: грамотность соответствовала степени распространения русского языка. В основном большинство грамотных приходилось на население волостных сел и крупных улусов [4, с. 261]. Поэтому одной из важнейших задач созданных секций стало возрождение сети национальных школ.

В 1921 году в Омске открылся I съезд работников просвещения национальных меньшинств Сибири, на который было избрано 40 делегатов. Съезд решил повсеместно в Сибири создать комиссии по ликвидации неграмотности населения. В Горном Алтае попытка развития школьного дела была осуществлена с выделением административного Горно-Алтайского уезда. В начале 20-х годов в созданном уезде было открыто 108 школ, большинство из которых были затем закрыты в период борьбы с контрреволюцией и бандитизмом.

Становлению национальных школ в Сибири препятствовали не только отдельные граждане, но и целые социальные и конфессиональные группы. Так, в селе Васюган Тарского уезда против школы активно выступали кулаки, адвентисты, а в селе Коротково Тюкалинского уезда многие верующие отказывались посылать детей в школу, так как там не преподавали закон божий [5, с. 34].

В досоветское время в Хакасии не было системы образования. Школы находились в разных административных образованиях, так как территория современной Хакасии частично находилась в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии и Алтайском горном округе Томской губернии. С образованием Хакасского уезда в соответствии с постановлением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета «Об образовании Хакасского уезда Енисейской губернии» от 14 ноября 1923 года появилась возможность строить сеть образовательных учреждений и осуществлять управление ею. В ведение нового уезда перешли контингент учащихся, учителей, школьные здания и хозяйственные постройки. Примечательно, что первым крупным событием после торжеств, связанных с образованием национального уезда, была 1-я конференция РКП(б) Хакасского уезда 10 апреля 1924 года, где были рассмотрены актуальные вопросы жизни уезда. Одним из рассматриваемых направлений работы был отчет председателя уездного революционного комитета Г. И. Итыгина, который был назначен на эту должность в январе 1924 года и активно начал налаживать всю социально-экономическую жизнь национального региона. В докладе были представлены основные проблемы, которые требовали срочного решения. В основном это были организаци-

онные вопросы: организация отделов, в том числе и отдела народного образования, работа над бюджетом, налаживание работы уже созданных органов: милиции, ОГПУ и т. д. В обсуждении доклада Г. И. Итыгина выступающие отмечают плачевное состояние школ и низкий уровень учебной работы в них, слабую подготовленность учительского состава, происходящие столкновения между русским и хакасским населением и другие проблемы в Хакасском уезде.

Но, благодаря деятельности Г. И. Итыгина, во второй половине 20-х годов в Хакасии заметно улучшилось финансирование школьного строительства. Удельный вес бюджета Хакасского областного отдела народного образования в местном бюджете Хакасского округа увеличился с 35,1 % в 1924/25 учебном году до 42 % – в 1928/29 учебном году.

Основная часть средств бюджета направлялась согласно плану введения всеобуча на расширение сети начальных школ, что обусловило их быстрый рост. Наряду с начальной получила развитие так называемая повышенная школа. Появились новые типы школ – школы крестьянской молодежи (ШКМ) и фабрично-заводские семилетки (ФЗС).

К примеру, в 1924/25 учебном году было 66 школ, из них хакасских – 38, русских – 21, смешанных – 7. В данных школах имелось 91 класс-комплект: 45 – в хакасских школах, 36 – в русских и 10 – в смешанных. В них обучалось более 4 тыс. учащихся, из них 2193 хакаса.

В 1925/26 учебном году было 82 школы, из них хакасских – 42, русских – 30, смешанных – 10. В данных школах имелось 120 класс-комплектов: 52 – в хакасских школах, 49 – в русских и 19 – в смешанных. В них обучалось более 4,5 тыс. учащихся, из них 2546 хакасов.

В 1926/27 учебном году было 602 школы, из них хакасских – 50, русских – 39, смешанных – 63. В данных школах имелось 647 класс-комплектов: 63 – в хакасских школах, 63 – в русских и 26 – в смешанных. В них обучалось более 5,5 тыс. учащихся, из них 3073 хакаса.

Советская власть с середины 20-х годов начала осуществлять плановую подготовку к осуществлению всеобщего начального обучения.

36 августа 1925 года ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли закон о введении всеобщего начального обучения и построении школьной сети. Предельным сроком для введения всеобщего обязательного обучения на всей территории РСФСР устанавливался 1933/34 учебный год.

Решающим для осуществления всеобщего начального обучения явился XVI съезд ВКП (б), который постановил усилить темпы культурного строительства в стране. ЦК ВКП (б) 25 июля 1930 года принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», а в августе 1930 года ЦИК и Совнарком СССР принял закон о введении всеобщего обязательного начального обучения. По этому закону с 1930/31 учебного года по всей стране вводилось всеобщее обязательное обучение детей в возрасте 8–60 лет в объеме 4-летнего курса начальной школы, а также для детей-переростков в возрасте 66–65 лет, неокончивших первых четырех групп трудовой школы.

Фактически в Хакасии всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–60 лет (в национальных районах до 66 лет) началось в 1932/33 учебном году. Успешному введению всеобуча способствовало интенсивное развитие школьного строительства. Так, к 1929/30 учебному году сеть начальных школ расширилась до 649, из их числа хакасскими были 66 школ, что позволило в 1931/32 учебном году охватить обучением на родном языке 50 % хакасов. В соседних регионах этот процесс развивался более интенсивно. Они сумели организовать обучение на родном языке для 95 % детей алтайцев и шорцев.

Как отмечалось выше, в Хакасии стали открываться школы повышенного типа. Так, в 1924/25 учебном году была всего одна семилетняя школа с 43 учащимися в ней и одна девятилетняя с 606 учениками, а 5 лет спустя в 1929/30 учебном году семилетних школ было две с 826 учащимися, в девятилетней школе обучалось уже 928 учеников, работало также две школы ШКМ и две ФЗС [8, с. 265].

Несмотря на значительный рост сети школ в 20-е годы, охват обучением хакасских детей был ниже, чем в Сибири. Если в 1929/30 учебном году в Сибирском крае на 60 тыс. жителей приходилось 782 учащихся, то среди хакасов лишь 647 [8, с. 266]. Одной из причин низкого охвата детей школьным обучением было то, что большинство коренных жителей не осознавало полностью задачи школьного образования. В основном хакасы отдавали своих детей в начальную школу, так как они понимали необходимость обучения грамоте, но, связанные заботами о своем хозяйстве, полагали, что полученного уровня образования вполне достаточно и не считали необходимым и возможным дальнейшее продолжение учебы своих детей. Поэтому решающим условием для ликвидации разрыва между начальной и повышенной школой явилось изменение основы хозяйственной жизни населения. Мероприятия, последовавшие затем в области промышленности, сельского хозяйства, потребовали наличие грамотных и квалифицированных кадров и произвели перелом в сознании населения в отношении образования. К концу 20-х годов разрыв между контингентами учащихся-хакасов начальной, семилетней и средней школ исчез [8, с. 267].

Необходимо заметить, что школа была для коренного населения не только местом обучения и воспитания молодежи. Она являлась в национальных районах центром по распространению санитарно-гигиенических норм поведения в быту. Если взять во внимание то, что подавляющее большинство аборигенов болело трахомой, то трудно в этом отношении переоценить роль национальной школы в пропаганде здорового образа жизни.

В результате большой работы, проведенной партийными, советскими, комсомольскими и хозяйственными организациями, в Хакасии к концу 20-х годов были созданы условия для создания сети национальных школ и ликвидации неграмотности и подготовки к введению всеобщего начального обучения [8, с. 267].

Так закончился первый этап в развитии народного образования в Сибири. Национальная школа в различные периоды истории российского государства выполняла разные, но совершенно конкретные задачи. В период становления российского государства все инородческие и туземные школы служили насаждению православия, утверждению соборности, учили элементарным правилам счета, навыкам личной гигиены, основам письменности, помогали ликвидировать неграмотность среди взрослых, внедряли русский язык, в то же время школа способствовала сохранению и развитию родных языков и его диалектов.

Литература

1. Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1967–1937). – Абакан, 1983.
2. Беляев А. Т. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. – Красноярск, 1996.
3. Кызласов Л. Р. Вымрет или выживет хакасский язык в XXI веке? // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2003. – Вып. VII. – С. 9–14.
4. Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1967–1990-е годы. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 348 с.

5. Лоткин И. В. Функционирование и развитие латышских и эстонских культурных институтов в Западной Сибири (XIX – первая половина XX века) // Из прошлого Сибири: межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Е. Э. Казакова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. – Вып. 2. – Ч. 2
6. Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе: монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 336 с.
7. Мохов А. И. Дореволюционные школы Хакасии // Уч. зап. Хак НИИЯЛИ. – Абакан, 1969. – Вып. XIII.
8. Просвещение в Сибирском крае. – Новосибирск, 1930.
9. Тельгереков Ф. К. За правдивое освещение истории Горной Шории // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2003. – Вып. VII. – С. 144–147.
10. Ултургашев Ю. С. Репрессии в Хакасии в период 30–40-х, в начале 50-х годов // Вопросы истории и культуры Южной Сибири. – Абакан, 1996. – С. 643.
11. Ултургашева Н. Т. Музыкальный фольклор тувинцев и проблемы его исследования // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17–2. – С. 50–56.
12. Ултургашева Н. Т. Особенности современных исследований традиционной культуры народов Сибири // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 12. – С. 39–48.
13. Чиспиякова Ф. Г. Некоторые сведения из истории народного образования в Горной Шории // Деятельность А. И. Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Доклады научно-практической конференции, посвященной 70-летию А. И. Чудоякова. 26–27 ноября 1998 года. Новокузнецкий государственный педагогический институт. – Новокузнецк, 1998.
14. Шулбаев О. Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825–1895): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Иркутск, 2000.
15. Эциклопедия Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. – Т. II. – 488 с.

Literatura

1. Asochakov V. A. Kul’turnoe stroitel’stvo v Hakasii (1967–1937). – Abakan, 1983.
2. Beljaev A. T. Vospominanija dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom. – Krasnojarsk, 1996.
3. Kyzlasov L. R. Vymret ili vyzhivet hakasskij jazyk v XXI veke? // Ezhegodnik Instituta sajano-altajskoj tjurkologii HGU im. N. F. Katanova. – Abakan: Izd-vo HGU im. N. F. Katanova, 2003. – Vyp. VII. – S. 9–14.
4. Kyshpanakov V. A. Naselenie Hakasii: 1967–1990-e gody. – Abakan: Izd-vo HGU im. N. F. Katanova, 1995. – 348 s.
5. Lotkin I. V. Funkcionirovanie i razvitie latyshskih i jestonskih kul’turnyh institutov v Zapadnoj Sibiri (XIX – pervaja polovina XX veka) // Iz proshlogo Sibiri: Mezhvuz. sb. nauchn. tr. / pod red. E. Je. Kazakova. – Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1996. – Vyp. 2. – Ch. 2.
6. Matis V. I. Problema nacional'noj shkoly v polikul'turnom obshhestve: monografija. – Barnaul: Izd-vo BGPU, 1997. – 336 s.
7. Mohov A. I. Dorevoljucionnye shkoly Hakasii // Uch. zap. Hak NIIJaLI. – Abakan, 1969. – Vyp. XIII.
8. Prosveshhenie v Sibirskom krae. – Novosibirsk, 1930.
9. Tel'gerekov F. K. Za pravdivoe osveshhenie istorii Gornoj Shorii // Ezhegodnik Instituta sajano-altajskoj tjurkologii HGU im. N. F. Katanova. – Abakan: Izd-vo HGU im. N. F. Katanova, 2003. – Vyp. VII. – S. 144–147.
10. Ulturgashev Ju. S. Repressii v Hakasii v period 30–40-h, v nachale 50-h godov // Voprosy istorii i kul'tury Juzhnoj Sibiri. – Abakan, 1996. – S. 643.

11. Ulturgasheva N. T. Muzykal'nyj fol'klor tuvincev i problemy ego issledovanija // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17–2. – S. 50–56.
12. Ulturgasheva N. T. Osobennosti sovremennyh issledovanij tradicionnoj kul'tury narodov Sibiri // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2010. – № 12. – S. 39–48.
13. Chispijakova F. G. Nekotorye svedenija iz istorii narodnogo obrazovanija v Gornoj Shorii // Dejatel'nost# A. I. Chudojakova i duhovnoe vozrozhdenie shorskogo naroda. Doklady nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju A. I. Chudojakova. 26–27 nojabrja 1998 goda. Novokuzneckij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. – Novokuzneck, 1998.
14. Shulbaev O. N. Politicheskaja ssylka v Minusinskom okruge (1825–1895): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Irkutsk, 2000.
15. Jeciklopedija Altajskogo kraja. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1996. – T. II. – 488 s.

УДК 94(571.1).084.3:343.83

Д. Р. Тимербулатов

СОСТАВ ЧИНОВ ТЮРЕМНОЙ СТРАЖИ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919)

В статье рассматривается состояние и положение тюремной стражи в тюрьмах Томской губернии в условиях Гражданской войны, а также деятельность органов управления пенитенциарной системы при антибольшевистских правительствах в отношении надзора.

Ключевые слова: пенитенциарная система, гражданская война в России, охрана тюрем.

D. R. Timerbulatov

COMPOSITION OF RANKS OF PRISON GUARDS IN PRISONS OF TOMSK GUBERNIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)

The article reviews the condition and provision of prison guards in prisons of the Tomsk province in the conditions of Civil war, and also activity of governing bodies by penitentiary system is considered at the anti-Bolshevist governments concerning supervision.

Keywords: penitentiary system, civil war in Russia, protection of prisons.

С момента существования пенитенциарных учреждений тюремной охране отводилась решающая роль в наблюдении за тем, как в местах заключения производится исполнение наказания, то есть изоляция преступников. Для подобной работы, отличающейся, с одной стороны, монотонностью, а с другой – неожиданно возникающими трудностями, связанными чаще всего с поведением арестантов, требовалась серьезная физическая и психологическая выдержка. Под влиянием негативных сторон своей службы во множестве случаев надзиратели осуществляли произвол по отношению к заключенным, что нередко приводило к летальным исходам. Для пресечения подобных происшествий тюремное руководство в разных странах, начиная с эпохи Просвещения, регламентировало права и обязанности тюремной стражи.

В конце XIX – начале XX века в Российской империи получила распространение идея о недостаточности наказания для заключенных. Некоторые теоретики настаивали на таком устройстве тюрем, чтобы как можно больший процент арестантов исправлялся «нравственно или, по крайней мере, юридически» [1, с. 25]. Чтобы способствовать гуманизации мест заключения, необходимо было в том числе определить положение и обязанности надзирателей. Согласно Уставу о содержащихся под стражей (1890) и Общей тюремной инструкции (1915) тюремная стража должна была состоять из старших и младших надзирателей. В женских же отделениях тюрем контроль над арестантами осуществляли старшие и младшие надзирательницы, чьи служебные права соответствовали порядку несения охраны служащими мужского пола.

В соответствии со ст. 30 Устава о содержащихся под стражей начальники мест заключения назначали и увольняли со службы чинов тюремной охраны состоявших в их подчинении. При этом младшие надзиратели беспрекословно должны были выполнять приказы старших надзирателей, руководствуясь «в этом отношении правилами воинского чинопочитания». Согласно Общей тюремной инструкции подобное обращение не применялось в отношении лиц женского пола, занимавших должности по тюремному ведомству [2, с. 27]. По мнению исследователя Е. Г. Михеенкова, служба старшего надзирателя в пенитенциарных учреждениях по своим функциям была схожа с работой начальника караула в наши дни [3]. Кроме того, в дореволюционное время начальник места заключения мог распределять обязанности в тюрьме среди данных лиц, находящихся в его подчинении. Старший надзиратель либо контролировал административный порядок, либо заведовал хозяйственной частью, или следил за выполнением арестантских работ. По усмотрению администрации пенитенциарного учреждения, те из них, кто отвечал за «отдельные части тюрьмы», по окончании рабочего дня обязаны были составлять рапорт. В случае кратковременных отлучек начальника места заключения по служебным делам или из-за болезни, его в большинстве случаев замещал помощник начальника тюрьмы. Но, если должность последнего не была учреждена, при отсутствии возражений со стороны вышестоящего руководства, начальник мог переложить выполнение своих функций на старшего надзирателя [2, с. 11]. В местах заключения нередко возникали ситуации, когда из-за нехватки старших надзирателей, администрация места заключения заменяла их младшими надзирателями. При этом привлечение данных чинов тюремной стражи к работе в конторе в качестве писцов, а также к исполнению обязанностей конюхов, дворников, различных работников и прислуги при квартирах вышестоящих чинов строго запрещалось. Младшие надзиратели делились на запасных и дежурных, которые несли службу привратников, выводных и постовых, а также при мастерских мест заключения [2, с. 33].

С момента передачи пенитенциарных учреждений в ведение Министерства юстиции в 1895 году перед правительством возникла задача подготовки профессиональной тюремной охраны. Подобная необходимость объяснялась тем, что в период управления тюрьмами Министерством внутренних дел к надзору постоянно привлекались военнослужащие, имевшие представления о дисциплине и порядке. Привлечение же на службу надзирателями гражданских лиц увеличивало вероятность совершения противоправных действий со стороны набранных чинов тюремной стражи. Особенно подбор новых кадров был затруднен на территории Западной Сибири, где значительная часть местного населения состояла из уголовных ссыльных, которые не могли считаться благонадежными. В дополнение к этому исследователь сибирской пенитенциарной системы в дореволю-

ционный период О. Н. Бортникова отмечает такую особенность, что люди, поступавшие на новое место службы в тюремное учреждение, предпочитали осуществлять свою деятельность в зависимости от хода сельскохозяйственных работ. Массовые увольнения надзирателей происходили весной, а после окончания полевого сезона многие из них стремились вернуться на прежнюю службу, чтобы переждать зимний период [4, с. 111]. Таким образом, уровень профессионализма чинов тюремной стражи в Российской империи, в особенности на территории Сибири, во многом не соответствовал тем положениям, которые прописывались в Общей тюремной инструкции.

После падения монархии в феврале 1917 года новая власть стремилась к тому, чтобы постановка дела исполнения наказания соответствовала революционным настроениям населения. В первую очередь это выразилось в массовой амнистии заключенных по политическим мотивам, а затем освобождении арестованных по уголовным статьям [5, с. 171]. Но не менее важным направлением проводимых преобразований становились подбор и подготовка кадров, в том числе и тюремной стражи. В отличие от лиц, занимавших в пенитенциарной системе руководящие должности, надзирательский состав мест заключения избежал массовых увольнений. Более того, усиливавшаяся по мере развития революционных событий демократизация позволила нижним чинам контролировать деятельность начальников тюрем путем подачи жалоб в губернское правление или Главное управление мест заключения (ГУМЗ) [6, с. 33]. По истечении некоторого времени тюремными сотрудниками начинают создаваться союзы служащих с целью защиты своих профессиональных интересов. Нередко чины стражи выступали с такими требованиями, удовлетворить которые начальнику тюрьмы было не по силам, что приводило к конфликтам надзирателей с администрацией места заключения. Подобные самовольные действия заставляли ГУМЗ, не имевшее возможности влиять на события, ограничивать их правовыми рамками. Для восстановления «должного порядка» руководством пенитенциарной системы 17 августа 1917 года издается циркуляр № 68. В нем оговаривалось положение начальника места заключения, которому предписывалось выполнять свои обязанности самостоятельно, не разделяя своих полномочий с союзами служащих [7, с. 265]. Но до Октябрьской революции отношения между чинами администрации и тюремной стражи продолжали сохранять напряженный характер.

После установления власти большевиков порядок назначения и увольнения лиц, служащих по тюремному ведомству, оказывается под контролем местных органов Совета народных комиссаров. Хотя союзам служащих предоставлялось право выдвижения своих кандидатов на руководящие должности, принятие или отзыв таковых зависел от решения губернских или уездных органов власти. Даже круг отстаиваемых профессиональных интересов определялся надзирателями лишь по соглашению с местными Советами. Поскольку не все члены союза служащих проявляли лояльность по отношению к новой власти, на некоторых территориях состав чинов тюремной стражи подвергался значительному обновлению. Например, по постановлению Исполнительного комитета Томской губернии от 30 марта 1918 года перед уездными Советами ставилась задача проверки надзора, с целью выявления лиц, непригодных к несению службы. К таковым были отнесены те надзиратели, которые в прошлом служили в рядах полиции, укрывались в местах заключения от военной мобилизации, были причастны к жестокому обращению с арестантами или же имели другие дисциплинарные проступки. Чины надзора, не попадавшие ни под одну

из перечисленных категорий, оставались на прежнем месте службы, причем набор нового состава тюремной стражи предлагалось проводить из числа таких лиц, которые «по своему общему развитию и нравственным качествам соответствуют условиям современной жизни и задачам пенитенциарного дела» [8]. Намерение большевиков очистить места заключения от неблагонадежных для себя лиц, под которые обычно попадали опытные надзиратели, приводило не к укреплению порядка в тюрьмах, а расстройству дисциплины в рядах охраны. Поэтому неудивительно, что к моменту свержения советской власти, состав чинов тюремной стражи оставлял желать лучшего.

Назначенный приказом Западно-Сибирского комиссариата Томским губернским тюремным инспектором А. И. Орлов в конце июня – начале июля 1918 года провел ревизию в ряде мест заключения губернии, осмотр которых выявил отсутствие правильной постановки тюремного управления. В первую очередь инспектором было принято решение об освобождении начальников мест заключения и их помощников от подчиненного положения по отношению к союзам служащих. В связи с этим руководству тюрем вменялось в обязанность для поднятия дисциплины не останавливаться перед административными взысканиями в отношении надзора, вплоть до увольнения. Вмешательство чинов охраны в дела тюремного управления строго запрещалось, чтобы административные лица мест заключения имели возможность осуществлять свою деятельность самостоятельно [9]. Кроме того, падение уважения к руководящим чинам пенитенциарных учреждений томский инспектор и его помощник В. Е. Нечипоренко связывали также с тем, что последние после Октябрьской революции были вынуждены отказаться от ношения установленной законом формы. С отменой ношения оружия и погон у военнослужащих ношение гражданскими чинами тюремного ведомства формы военного образца теряло всякий смысл, поскольку продольные плечевые знаки демонстрировали класс занимаемой должности [10, с. 66]. Вслед за администрацией мест заключения надзиратели самовольно отказывались от ношения формы. Это приводило к тому, что чины тюремной стражи предпочитали являться на службу в удобной для себя одежде, которая ничем не отличалась от костюмов обычных людей. Последствием подобных действий нередко становилось то, что надзиратели, разыскивая бежавших заключенных, сами попадали в участки милиции для выяснения личности и права ношения оружия. Вследствие этого В. Е. Нечипоренко признавал необходимым обязательное ношение обмундирования всему тюремному персоналу в соответствии со ст. 29 Устава о содержащихся под стражей [9]. Проводимые меры мало способствовали улучшению ситуации с надзором мест заключения, поскольку оставление службы чинами тюремной стражи носило беспрецедентный характер. Так, начальником Томского исправительно-арестантского отделения № 1 М. Б. Пирятинским с июня по ноябрь 1918 года из 80 надзирателей было уволено 56 человек, причем еще 8 человек отказались от дальнейшей работы сами. В губернской тюрьме доля уволенной тюремной охраны составляла примерно такой же процент [11]. Именно слабость надзора позволила 1 ноября 1918 года восставшим солдатам Мариинского полка так быстро захватить Томское исправительно-арестантское отделение № 1 и освободить находившихся в нем заключенных.

Результатом данного события стало снятие с должности тюремного инспектора А. И. Орлова, в вину которому ставился тот факт, что некоторые надзиратели активно помогали мятежникам. Оправдывая себя, последний писал о том, что участие двух охранников вместе с восставшими в обходе помещений отделения «говорит лишь о пре-

ступной наклонности данных лиц, от чего не гарантировано ни одно учреждение, имеющее до 100 человек служащих» [11]. Следует отметить, что выводы проводимого следствием расследования об отсутствии дисциплины среди надзирателей и бессилии А. И. Орлова исправить положение имели под собой основания. Еще в письме от 26 октября 1918 года министру юстиции губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер, принявший к тому времени заведывание тюремной инспекцией и местами заключения от земской управы, указывал на полную распущенность в тюрьмах и необходимость назначения на должность инспектора В. Е. Нечипоренко [12].

Благодаря свидетельским показаниям следствием было установлено, что в момент нападения мятежников в 3 часа утра охрана отделения была застигнута врасплох. Солдаты, стоявшие в карауле на внешних постах в ту ночь, были обезоружены и препровождены в помещение казармы. Проникновение мятежников на территорию отделения происходило через больничный двор, тюремную контору и главные ворота, привратником у которых в тот момент находился младший надзиратель Алексей Великосельский, чей служебный стаж составлял пять лет. При нападении солдат Мариинского полка в количестве 50 человек с криками «Руки вверх!» и «Советская власть!» он спрятал имевшийся при нем револьвер и тут же скрылся в больничном бараке, где пробыл до утра. Осуществлявший надзор как раз у этого здания Евгений Колесников был атакован мятежниками со стороны главного входа и мастерских «Земский городок», отгороженных от отделения невысокой бревенчатой стеной. Молодой охранник, служивший с марта 1918 года, оказался в растерянности из-за внезапного нападения и был быстро окружен. В это же время другая группа восставших, вооруженная винтовками, напала на стоявшего при решетке у входа в контору тюрьмы надзирателя Матвея Кузовлева. У него было отобрано оружие. Затем солдаты заставили его сопровождать их по баракам отделения, по пути обезоруживая остальных охранников. Находившемуся внутри помещения конторы надзирателю Илье Киршину, дежурившему в ту ночь по тюрьме, удалось оповестить по телефону начальника отделения М. Б. Пирятинского о случившемся. Воспользовавшись начавшейся неразберихой, он спрятался от мятежников между решетками в комнате свиданий, откуда слышал, как охранник Иван Иванов указывает толпе солдат, где можно вооружиться. При этом по показаниям Киршина объяснение Иванова сопровождалось советом солдатам при обходе квартир тюремных служащих требовать от надзирателей в случае заявлений о сдаче оружия соответствующие документы, удостоверяющие это. В результате обыска помещений, в которых проживал персонал отделения, восставшими было взято 14 берданок и 30 револьверов с патронами к ним [11]. По сведениям, полученным от других свидетелей, в основном охранников, следовало, что помимо Иванова, солдатам активно помогал надзиратель Савелий Сухомлинов. Так, Феодосий Тронченко, не исполнявший в те дни никаких обязанностей и находившийся в своей квартире, указывал на то, что толпу вооруженных людей, ворвавшихся к нему ночью, вел именно Сухомлинов, который сразу же потребовал отдать ему револьвер. Эта же фамилия встречается в показаниях старшего надзирателя Михаила Поврядухина, отслужившего на тот момент в пенитенциарной системе тринадцать лет. Узнав из телефонного звонка от начальника отделения, что на территории тюрьмы началась какая-то забастовка и что ему необходимо явиться в контору, М. Поврядухин был задержан мятежниками, едва покинул свою квартиру. В момент его вывода с надзирательского двора вооруженными людьми старшего надзирателя у ворот отделения заметил С. Сухомлинов, который, обращаясь к толпе солдат и заключенных, отметил:

«Вот наш старший». Не стоит говорить, что подобное замечание, высказанное при тех обстоятельствах, могло стоить М. Поврядухину жизни. Но бежавших арестантов интересовали, прежде всего, места хранения оружия и патронов. Сопроводив М. Поврядухина до помещения конторы, где уже находились помощник начальника отделения Д. В. Климов и другие задержанные, арестанты стали требовать от присутствующих вооружение, которое еще не было найдено восставшими солдатами. На ответ старшего надзирателя, что все оружие уже находится на руках, заключенные предупредили присутствующих лиц тюремного персонала, что в случае обнаружения в цейхгаузе хотя бы одного патрона, они будут расстреляны [11]. Но к этому времени взбунтовавшиеся солдаты и освобожденные арестанты группами начали покидать территорию отделения, в связи с приближением воинских частей, оставшихся в подчинении властей города.

Впоследствии И. Иванов и С. Сухомлинов, проработавшие в тюремной страже три и четыре месяца соответственно, оправдывали перед следствием свое поведение тем, что они силой были схвачены вооруженными людьми и под страхом смерти сопровождали солдат, указывая квартиры надзирателей. В точности установить, являлись ли определяющими в поведении данных лиц во время восстания преступные намерения или же имела место боязнь за свою жизнь, не представляется возможным. Но с полной уверенностью можно отметить, что такие действия чинов тюремной стражи были возможны как из-за непродолжительного срока их службы, так и из-за отсутствия условий для достойного исполнения своих обязанностей, что указывало на упущения в работе начальства данного места заключения. Так, в своих показаниях Д. В. Климов и М. Поврядухин давали низкие оценки постановке административной службы в отделении. Только после побега из места заключения в начале октября 1918 года более десятка арестантов со стороны начальника тюрьмы М. Б. Пирятинского последовало распоряжение об осуществлении надзирателями регулярных обысков в камерах, которые до этого совершенно не производились [11]. Подобная халатность руководства отделения формировала соответствующее отношение к службе чинов тюремной стражи. В такой обстановке поведение надзирателей, особенно при чрезвычайных обстоятельствах, зависело от опыта и профессиональных качеств каждого из них. Например, И. Киршин, сохранивший самообладание и успевший сообщить Пирятинскому о нападении на отделение, занимался осуществлением надзора в течение шестнадцати лет, что не идет ни в какое сравнение со сроками службы тех же С. Сухомлинова и И. Иванова. Кроме того, начальником отделения совершенно игнорировались предупреждения его помощника Д. В. Климова об установившихся связях между политическими заключенными и работниками «Земского городка», многие из которых симпатизировали большевикам. Неудивительно, что по итогам расследования губернским комиссариатом было принято решение об увольнении с должности не только инспектора А. И. Орлова, но и М. Б. Пирятинского.

Органами контрразведки в городе Томске также еще до восстания регулярно фиксировались контакты находящихся в тюрьме бывших работников советских органов власти с внешним миром, чему способствовали как представители следственной комиссии, так и чины надзора. Большевик В. Ф. Тиунов, который был отправлен по этапу из Новониколаевска в Томск и заключен в отделение № 1, вспоминал, что связь с городской партийной организацией осуществлялась через «блондина» Мишу. «Блондин» был надзирателем из демобилизованных фронтовиков, чей родственник был заключен в губернскую тюрьму, что, по-видимому, и повлияло на его решение оказывать помощь арестованным.

Хотя В. Ф. Тиунов называет его единственным связным, для конспирации которого делалось все возможное, очевидно, что лица, находившиеся в изоляции в местах заключения, получали информацию и из других источников [13]. Более того, арестованные по политическим мотивам имели возможность получать различные незаконные передачи. В своих воспоминаниях Ф. Н. Жаркова, оказавшись в тюрьме в июне 1918 года, описывает случаи употребления морфия заключенными для поддержания сил в момент объявленной голодовки [14]. Естественно, что пронос наркотиков мог осуществляться либо при полной безалаберности охраны, либо при ее непосредственном участии в этом. Также политические заключенные, сохраняя связи с большевистским подпольем, без особых для себя проблем занимались отправкой и получением писем и денег. Свидетельством этому может служить переписка И. Л. Нахановича, находившегося в одиночной камере Томского исправительно-арестантского отделения № 1, со своей женой Т. П. Сибирцевой, записки от которой ему обычно передавал надзиратель [15]. Вплоть до падения правительства А. В. Колчака полное пресечение проноса писем чинами тюремной стражи в пенитенциарные учреждения и на волю так и осталось невозможным. Так, в сентябре 1919 года инспектор мест заключения Томской губернии П. П. Боголепов, указывая начальникам тюрем на факт поимки надзирателя и предания его суду за данный проступок, предлагал ужесточить обыск всех служащих [9].

Во многих воспоминаниях сторонников советской власти, оказавшихся в заключении во время Гражданской войны, обращается внимание на нейтральное, а в некоторых случаях и благожелательное отношение к ним со стороны чинов тюремной стражи. Например, в дни свиданий надзирательницы выпускали Ф. Н. Жаркову из одиночки в камеру на верхнем этаже, где находились ее подруги [13]. Неоднократно подвергавшаяся аресту Т. П. Сибирцева, оказавшись осенью 1918 года в Томской губернской тюрьме, была лишена передач и прогулок. В камеру ночью к ней заходила только дежурная по корпусу надзирательница Пелагея, занимавшая данную должность около 25 лет. Она пыталась облегчить одиночество Т. П. Сибирцевой рассказами о кошмарных трагедиях, свидетелем которых она была за время своей службы, что только усугубляло подавленное состояние арестантки [16]. Подобные послабления в отношении политических заключенных, а также состояние надзора были подвергнуты резкой критике со стороны военного командования, результатом чего становится решение командира Средне-Сибирского корпуса генерал-майора А. Н. Пепеляева о переводе «бывших членов Томского Совдепа» в его распоряжение. Арестованные большевики 29 октября 1918 года в количестве 13 человек, среди которых находились И. Л. Наханович и Ф. Н. Жаркова, были выведены из мест заключения города Томска, а затем эвакуированы в Екатеринбург как раз перед восстанием Мариинского полка.

Взаимоотношения надзора и арестантов, противоречащие всем служебным инструкциям, были характерны и для Каинской тюрьмы, закономерным итогом которых становится массовое выступление заключенных в июле 1919 года. Например, задержанным большевикам удалось подкупить старшего надзирателя Николая Дмитриева и еще трех охранников для содействия в осуществлении побега. Но в назначенный день чины тюремной стражи отказались от задуманного, опасаясь быть раскрытыми. В результате побег оказался сорван, младшие надзиратели, которым были заплачены деньги, вскоре оставили службу, а Дмитриев, чтобы не навлекать подозрений, стал вести себя с заключенными более дерзко и грубо [17].

Для исправления ситуации с несением службы надзирателями тюремной инспекци-

ей Томской губернии отдается распоряжение о восстановлении меры по удержанию залога с чинов тюремной стражи в размере полумесячного оклада получаемого содержания, который предусматривался циркуляром ГУМЗ № 68. Проводимые ревизии мест заключения показывали, что данные суммы не удерживаются, в связи с чем дисциплинарные взыскания не оказывали на надзор никакого воздействия. В некоторых случаях при увольнении охранники оставляли у себя выданное им оружие, объясняя подобное его потерей, стоимость которого администрация тюрем не имела возможности взыскать с оставляющего службу, ввиду отсутствия залога [9]. С целью установления должного контроля тюремная инспекция требовала от начальников мест заключения предоставления точных сведений о числе надзирателей и получаемого ими оклада содержания.

Общее количество чинов тюремной стражи пенитенциарной системы губернии, которая включала в себя исправительно-арестантское отделение № 1 и губернскую тюрьму в городе Томске, а также четыре места заключения в уездных центрах, составляло к январю 1919 года 18 старших и 286 младших надзирателей [18]. Охрана Каинской тюрьмы насчитывала 48 человек, среди которых находились две младшие надзирательницы. Кузнецкая тюрьма располагала надзором в 21 человек. В Мариинской тюрьме находилось 23 человека, осуществлявших контроль над заключенными, а в Новониколаевской тюрьме стража состояла из 3 старших и 30 младших надзирателей. В местах заключения, располагавшихся в губернском центре, численность служащих была гораздо выше из-за наличия значительного контингента заключенных. В исправительно-арестантском отделении исполняли обязанности 4 старших и 82 младших надзирателя, а в губернской тюрьме – 6 и 89 человек соответственно. Следует отметить, что имеющееся в наличии количество чинов тюремной стражи не соответствовало официально утвержденному числу служащих на 1919 года. По расписанию должностей, составленному на основе утвержденного еще 7 июля 1913 года штата, состав надзора должен был состоять из 364 человек [19].

Но даже официальное количество лиц, осуществляющих охрану в местах заключения, рассматривалось начальством ряда тюрем, переполненных после свержения советской власти, как недостаточное. В связи с этим Томская тюремная инспекция признавала желательным увеличить число надзирателей до 387 человек. Особенно сложная ситуация наблюдалась в Мариинске, где к 1917 году было возведено новое здание тюрьмы, значительно превышающее по размерам прежнее. Для ее охраны признавалось необходимым увеличить наличную стражу до 2 старших и 45 младших надзирателей. Несение службы на трех внешних постах, а также на наружном посту у ворот тюрьмы требовало 12 человек. Внутри данного места заключения находилось восемь охраняемых помещений, в том числе коридор подвала, оборудованного под карцер и склад хозяйственных принадлежностей, больничное и заразное отделения на втором и третьем этажах соответственно. На каждом внутреннем посту, кроме тюремной конторы с двумя охранниками, необходимо было иметь по три надзирателя. Кроме того, для наблюдения за заключенными во время вывода на прогулки или внешние работы, а также резерва требовалось еще 7 человек. Увеличение же штата старших надзирателей на одного человека позволяло разграничить обязанности по контролю над младшими надзирателями и заведыванием хозяйственной частью Мариинской тюрьмы. В остальных местах заключения губернии нехватка чинов тюремной стражи была менее очевидна. Например, в Кузнецкой тюрьме, на территории которой находилось 9 постов, в том числе в трех мужских корпусах и отделении для женщин, в штате надзо-

ра не хватало 7 человек. В пенитенциарном учреждении города Новониколаевска, расположенном в бывшем здании домовладельца Тетерина, для правильно организованного несения службы недоставало 5 младших надзирателей. Для удовлетворения запросов Томской тюремной инспекции Третьим Отделением Министерства юстиции, управлявшим пенитенциарной системой антибольшевистских правительств в Сибири до марта 1919 года, было принято решение об увеличении штата охранников в тюрьмах губернии. В результате в двух местах заключения города Томска персонал был усилен 1 старшим и 10 младшими надзирателями в каждом. Также в тюрьмах Кузнецка и Новониколаевска состав надзора был дополнен 3 и 5 чинами тюремной стражи соответственно. В Мариинске же, нуждавшемся больше остальных в усилении персонала, было сохранено прежнее количество надзирателей [18].

Несмотря на проводимые мероприятия, состояние охраны тюрем по-прежнему позволяло арестантам организовывать массовые побеги. Руководство ГУМЗ, учрежденного взамен Третьего отделения, справедливо указывало, что возбуждение ходатайств начальниками мест заключения об увеличении штатов надзора теряло всякий смысл, ввиду отсутствия работы по повышению профессиональных качеств тюремной стражи. Такая мера, как увеличение денежного довольствия персоналу тюрем, также не оказывала заметного влияния на улучшение исполнения обязанностей и повышение престижности службы. Согласно постановлению Административного совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 года месячное содержание старших надзирателей было увеличено до 300 руб. Для остальных чинов стражи оклад варьировался от 225 руб. до 275 руб. в зависимости от статуса места заключения. Причем на более высокое довольствие, которое выплачивалось только в каторжных централах, губернских тюрьмах и исправительно-арестантских отделениях, могло рассчитывать лишь 20 % служащих, в то время как остальные довольствовались жалованием ниже 250 руб. В уездных же местах лишения свободы оклад всех младших надзирателей не превышал данной суммы денег [20, с. 598]. К примеру, в Новониколаевской тюрьме 18 охранников довольствовались месячным денежным содержанием в размере 250 руб., в то время как остальная часть надзора – 225 руб. [19]. Необходимо отметить, что подобные оклады были существенно ниже установленного Инспекцией труда прожиточного минимума по Томской губернии в 320 руб. [21]. Для частичного улучшения ситуации с материальным обеспечением служащих в декабре 1918 года в Министерстве юстиции было принято решение распространить размер заработной платы в 275 руб. на 20 % младших надзирателей в уездных тюрьмах [22, с. 161].

Принимаемые органами власти решения не оказывали никакого влияния на состояние тюремной стражи, что нашло свое отражение в циркуляре ГУМЗ от 1 апреля 1919 года за № 1297, направленном управляющим губерниями и областями. В нем недавно назначенный начальник пенитенциарной системы П. К. Гран указывал на то, что чины надзора «до сих пор совершенно не понимают или не осуществляют прямых наиболее важных обязанностей в области наблюдения за заключенными». Ответственность за это он возлагал на тюремных инспекторов и начальников мест заключения, которые не в полной мере использовали свое право отстранения от службы охранников, уличенных в преступных действиях и нарушении дисциплины [23]. В то же время некоторые надзиратели мест лишения свободы Томской губернии не забывали о своем долге, стараясь в точности следовать предписанным в Тюремной инструкции обязанностям. Так, благодаря бдительно-

сти надзирателя Даниила Толмачева в ночь на 28 мая 1919 года удалось предотвратить массовый побег заключенных. В одном из корпусов губернской тюрьмы содержащимися там политическими арестантами был проведен подкоп и стала проламываться стена. Шорох и шум услышал стоявший на посту Д. Толмачев, который немедленно сообщил об этом дежурному старшему надзирателю и военному караулу. В результате проведенного в камере № 8 обыска было обнаружено, что часть стены под нарами разобрана. Причем было установлено, что арестант Герасим Синицин, ссыльнокаторжный Алехин и подследственный Кузнецов производили подкоп лишь железной палкой от койки и небольшим ножом [24]. Примерно в это же время умелые действия младшего надзирателя Мариинской тюрьмы Михея Агеева срывают осуществление уже начавшегося побега. Приказом Управляющего Томской губернией от 20 июня 1919 года № 301 за ревностное исполнение обязанностей ему была объявлена благодарность [25].

Но попытки побегов чаще оканчивались для заключенных успешно, о чем неоднократно свидетельствовало ГУМЗ в своих циркулярах. Увеличение количества подобных происшествий напрямую было связано с попытками тюремного руководства восстановить обязательные работы как внутри, так и вне стен тюрьмы. Причем необходимость труда арестантов обосновывалась не столько его пользой в исправлении и перевоспитании содержащихся под стражей, а скорее получением дохода в пользу пенитенциарных учреждений, что особенно было важно в условиях царящей экономической разрухи. Но обязанных работать по закону срочных заключенных было недостаточно из-за их неудовлетворительного физического состояния, в связи с чем шло активное привлечение находящихся под следствием, что противоречило правилам [2, с. 64]. Нарушение порядка допускалось и при выводе арестантов за территорию тюрьмы, когда нередко контроль над десятком человек осуществлялся лишь одним надзирателем. Даже при наличии достаточного опыта службы предотвратить побеги в таких условиях было невозможно. Например, за бегство 4 октября 1919 года во время работ следственного заключенного Шорохова старшему надзирателю Томского исправительно-арестантского отделения № 1 М. Поврядухину был объявлен выговор [26]. В такой ситуации вина за уход арестантов в большей степени падала не на чины стражи, а на начальников мест заключения, которые пренебрегали всеми установленными нормами для выполнения ГУМЗ о восстановлении хозяйственных и доходных занятий в тюрьмах.

Наблюдавшееся в последние месяцы 1919 года падение порядка в пенитенциарной системе отчасти было связано с ощущением скорого поражения Российского правительства А. В. Колчака и неопределенности в будущем. По воспоминаниям большевика И. Г. Бурова по мере приближения Красной армии к Томску отношение руководства и стражи губернской тюрьмы к заключенным становилось более либеральным. В частности, это выразилось в раздаче газет по камерам надзирателями [27]. Уже при подходе войск красных к городу в середине декабря 1919 года командованием гарнизона было принято решение об усилении охраны мест заключения. Но моральное состояние вооруженных сил и надзора было таково, что при одном появлении отряда большевиков под командованием В. В. Степанова губернская тюрьма сдалась без боя, и свыше одной тысячи заключенных оказались на свободе [28].

Подводя итоги, можно утверждать, что состояние тюремной стражи в Томской губернии в период Гражданской войны оставляло желать лучшего. В какой-то степени это обуславливалось тем, что еще в дореволюционный период далеко не все надзиратели соответствовали необходимым профессио-

нальным качествам. Последовавшие революционные события и мероприятия большевиков, захвативших власть, вызвали неразбериху в пенитенциарной системе, одной из черт которой стал уход многих лиц тюремного персонала, имевших значительный стаж службы. После свержения советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке значительная часть административных чинов вернулась на свои должности, но в состав надзора приходилось принимать лица, не имевшие к данной работе никакого отношения. Сменявшие друг друга антибольшевистские правительства пытались различными способами исправить положение в тюремной страже, но в условиях военных действий и хозяйственного разорения на это обычно не хватало ни людских, ни материальных ресурсов. К тому же руководители пенитенциарных учреждений в то тяжелое время зачастую предоставляли надзирателей самим себе. В такой ситуации охрану мест заключения брали на себя военные власти, что приводило к произволу, а нередко и к расправам над арестантами.

Литература

1. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. – М.: Изд-во Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 302 с.
2. Общая тюремная инструкция. – Петроград: Типография Петроградской тюрьмы, 1916. – 110 с.
3. Михеенков Е. Г. Социально-правовое положение нижних чинов пенитенциарной системы Сибири в 1917–1919 годах // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 4. – С. 191–198.
4. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 годах: монография. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. – 304 с.
5. Шапова Л. В. Амнистия и начало реорганизации пенитенциарной системы в Иркутской губернии в 1917 году // Сибирская ссылка: сборник научных статей / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. – Иркутск: Оттиск, 2011. – Вып. 6 (18). – С. 171–179.
6. Скрипилев Е. А. Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства: лекция. – М.: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1968. – 64 с.
7. Уголовно-исполнительное право России: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. – М.: Инфра-М, 2002. – 720 с.
8. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.
9. ГАТО. Ф. Р. 839. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-103 об.
10. Желтов А. А. История форменной одежды и экипировки чинов тюремного ведомства Российской империи: монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 248 с.
11. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 857. Лл. 5-31об.
12. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8/18. Л. 7.
13. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 868. Л. 4.
14. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 70а. Лл. 29–30.
15. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 23. Л. 20.
16. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.
17. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 861. Л. 11.
18. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 5. Лл. 157–160 об.
19. ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 471. Л. 15.
20. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 года): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 818 с.
21. Сибирская жизнь. – 1919. – 11 февр.
22. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 19202) / сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – Вып. 2. – 202 с.

23. Вестник Томской губернии. – 1919. – 5 мая.
24. Сибирская жизнь. – 1919. – 20 июня.
25. Вестник Томской губернии. – 1919. – 25 июня.
26. Вестник Томской губернии. – 1919. – 14 нояб.
27. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 421. Л. 8.
28. ГАКО. Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 102. Л. 36.

Literatura

1. Poznyshev S. V. Ocherki tjur'movedenija. – M.: Izd-vo G. A. Lemana i B. D. Pletneva, 1915. – 302 s.
2. Obshhaja tjuremnaja instrukcija. Petrograd: Tipografija Petrogradskoj tjur'my, 1916. – 110 s.
3. Miheenkov E. G. Social'no-pravovoe polozhenie nizhnih chinov penitenciarnoj sistemy Sibiri v 1917–1919 godah // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2010. – № 4. – S. 191–198.
4. Bortnikova O. N. Sibir' tjuremnaja: penitenciarnaja sistema Zapadnoj Sibiri v 1801–1917 godah: monografija. – Tjumen': Tjumenskij juridicheskij institut MVD RF, 1999. – 304 c.
5. Shapova L. V. Amnistija i nachalo reorganizacii penitenciarnoj sistemy v Irkutskoj gubernii v 1917 godah // Sibirskaja ssylka: sbornik nauchnyh statej / otv. red. A. A. Ivanov, S. I. Kuznecov, B. S. Shostakovich. – Irkutsk: Ottisk, 2011. – Vyp. 6 (18). – S. 171–179.
6. Skripilev E. A. Tjuremnaja politika i tjuremnoe zakonodatel'stvo Vremennogo pravitel'stva: lekcija. – M.: Nauchno-issledovatel'skij i redakcionno-izdatel'skij otdel, 1968. – 64 s.
7. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnik dlja vuzov / pod red. A. I. Zubkova. – M.: Infra-M, 2002. – 720 s.
8. GATO. F. R. 1362. Op. 1. D. 296. L. 2.
9. GATO. F. R. 839. Op. 1. D. 2. Ll. 1–103ob.
10. Zheltov A. A. Istorija formennoj odezhdy i jekipirovki chinov tjuremnogo vedomstva Rossijskoj imperii: monografija. – Vologda: VIPJe FSIN Rossii, 2011. – 248 c.
11. CDNITO. F. 4204. Op. 4. D. 857. Ll. 5–31ob.
12. GARF. F. 827. Op. 1. D. 8/18. L. 7.
13. GANO. F. P. 5. Op. 2. D. 868. L. 4.
14. CDNITO. F. 4204. Op. 2. D. 70a. Ll. 29–30.
15. CDNITO. F. 4204. Op. 2. D. 23. L. 20.
16. GAKO. F. P. 483. Op. 1. D. 197. L. 21.
17. GANO. F. P. 5. Op. 2. D. 861. L. 11.
18. GARF. F. 827. Op. 1. D. 5. Ll. 157–160 ob.
19. GATO. F. R. 1362. Op. 1. D. 471. L. 15.
20. Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maja – 3 nojabrja 1918 goda): sbornik dokumentov i materialov / sost. i nauch. red. V. I. Shishkin. – Novosibirsk: ID «Sova», 2007. – 818 s.
21. Sibirskaja zhizn'. – 1919. – 11 fevr.
22. Zakonodatel'naja dejatel'nost' Rossijskogo pravitel'stva admirala A. V. Kolchaka (nojabr' 1918-janvar' 1920) / sost. E. V. Lukov, D. N. Shevelev. – Tomsk: Izd-vo TGU, 2003. – Vyp. 2. – 202 s.
23. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 5 maja.
24. Sibirskaja zhizn'. – 1919. – 20 ijunja.
25. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 25 ijunja.
26. Vestnik Tomskoj gubernii. – 1919. – 14 nojab.
27. CDNITO. F. 4204. Op. 4. D. 421. L. 8.
28. GAKO. F. P. 483. Op. 1. D. 102. L. 36.

УДК 008+339.1

Н. И. Степанова

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье автор анализирует особенности смыслообразования в рекламной коммуникации как феномена, имеющего двойственную природу: социокультурную и коммерческую (маркетинговую). Эта двойственность предопределяет специфику смыслообразования, с одной стороны, формируя новые смыслы и значения посредством использования художественных приемов, с другой – направляя интерпретацию символов и знаков потребителем в русло стратегии коммуникации и целей маркетинга. Сочетание «артистичности» и «тоталитарности» в рекламной коммуникации определяет как технологии, используемые для создания рекламы, так и восприятие ее потребителем.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, смыслообразование, эффективность рекламы, культурные смыслы, культурные коды.

N. I. Stepanova

FEATURES OF MEANING IN ADVERTISMENT COMMUNICATION

The author analyses distinctive features of meaning in advertisement's communication as a phenomena of dual nature as well socio-cultural as commercial (marketing) one. The meaning's particularity is determined by this duality, on the one hand, through forming the new meanings and significances by application of arts methods and, on the other hand, through directing consumer's interpretation of symbols and signs to the course of communication strategy and marketing targets. Combination of "artistry" and "totalitarianism" in advertisement's communication constitutes its peculiarity that determines as well creative technologies, as its perception by consumer.

Keywords: advertisement communication, meaning formation, advertising effectiveness, cultural meanings, cultural codes.

Реклама прочно вошла в нашу жизнь. Либерализация экономики, развитие рыночных отношений и, как следствие, маркетинговых коммуникаций – таковы факторы, обусловившие ее значение как одного из важнейших маркетинговых инструментов продвижения товара/услуги. Помогая сориентироваться в массе товарных предложений, сделать выбор торговой марки с оптимальным соотношением «цена/качество», реклама является органической составляющей жизни активного потребителя. Но, передавая марочное сообщение о достоинствах торговой марки и выгодах ее потребителя, реклама одновременно осуществляет и трансляцию определенных ценностей. Двойственная природа рекламы делает необходимым, на наш взгляд, синтез разных подходов, и, прежде всего – культурологического и маркетингового.

В рекламной коммуникации Х. Кафтанджиевым выделены следующие компоненты коммуникативной цепочки: адресант; адресат; канал (медиа); знаковые системы; коды; сообщение; коммуникативный контекст; шум в цепочке; обратная связь. Каждый из них задает свою систему кодов. В данном контексте «кодом» называется система (структура), обладающая регулятивной функцией в коммуникационных процессах. Коды рассматриваются как система правил, на базе которых функционирует рекламная коммуникация [3, с. 32]. Принципиально важно

разделение кодов на открытые (система правил, механизмы которой ясны для большинства участников коммуникации) и закрытые (система правил, механизм которой не понятен большинству общающихся).

Особенности рекламной коммуникации в области смыслообразования обусловлены прежде всего тем, что она включена в систему маркетинговых коммуникаций, оплачена рекламодателем и поэтому от нее ожидают эффективности как экономической, так и коммуникативной. Эффективность Х. Кафтанджиев назвал «кодовым инвариантом» рекламы [3, с. 32]. Эти обстоятельства и определяют такую базовую специфическую черту, как «тоталитарность» рекламной коммуникации. Термин этот также принадлежит Х. Кафтанджиеву. «Тоталитарность» коммуникации предполагает наличие «жестких», то есть обязательных «кодов».

В рекламной коммуникации можно выделить коды адресанта (в том числе генеративные, правила создания текстов рекламы), коды адресата (герменевтические), коды сообщения (риторические), коды знаковых систем и коды канала. Генеративные коды адресанта закрытые, они содержат непреложные технологические правила, соблюдение которых, если не гарантирует эффективность коммуникации, то, по крайней мере, позволяет с достаточной уверенностью ее прогнозировать. Выполнение данных правил и превращает рекламу, по выражению Р. Барта, в «прямо и открыто заявляющий о своих целях вид коммуникации» [2, с. 240], давая возможность потребителю идентифицировать текст как рекламный, то есть «продающий», а не как, к примеру, художественный или PR-текст.

Базовым правилом является «кодовая иерархичность», то есть соблюдение главенства одних правил над другими при создании рекламы. Система рекламных мотивов представляет собой главный код, «гиперкод» рекламы, «сквозь призму которого мы актуализируем знаки и коммуникативные подходы в рекламе» [3, с. 32]. К примеру, правила, касающиеся использования знаковых систем, вторичны по отношению к мотивам, то есть последними предопределяется семантика, синтактика, прагматика и семиотика рекламного текста.

Эффективная реклама создается при обязательном соблюдении правил генерации рекламного текста, который выступает средством рекламной коммуникации. Понятие «текст» употребляется здесь в широком смысле (вербальный, визуальный и смешанный). Текст рекламы является сообщением, характеристики которого достаточно жестко заданы определенной интенцией коммуникатора, которая в маркетинговой парадигме формализуется в виде универсальных эффектов коммуникации. К ним относятся осведомленность о торговой марке и отношение к ней, складывающееся из трех слагаемых: мнения о выгодах, убеждения, что они реально присущи данной марке, и эмоционального (суггестивного) компонента [см. 7].

Создание универсальных эффектов коммуникации является основополагающей функцией рекламы в системе маркетинговых коммуникаций. Эти эффекты инвариантны, то есть рекламный текст всегда и при любых условиях должен на них «работать». Данная функция реализуется посредством донесения предложения торговой марки (преимуществ рекламируемой торговой марки и/или выгод потребителя) до целевой аудитории. Концепция эффектов коммуникации разделяется большинством зарубежных и отечественных маркетологов и рекламоведов.

Итак, «работа» на создание универсальных эффектов коммуникации является системообразующим признаком текста рекламы. А базовым структурным признаком, позволяющим отнести текст к рекламе, является обязательность таких элементов, как: 1) сло-

весный «торговый знак» в виде собственно названия торговой марки (в вербальной части сообщения – тексте, слогане) и/или 2) логотип. В этом – одно из базовых проявлений «тоталитарности» рекламной коммуникации и «жесткости» рекламных кодов [3, с. 36]. К данным проявлениям отнесем также обязанность рекламного текста преподносить рекламируемый товар/услугу в позитивном виде, акцентируя внимание на его/ее преимуществе. Встретить текст рекламы, не создающий позитивного отношения к торговой марке, практически невозможно, поскольку это – необходимое условие потребительского выбора.

Упоминание в рекламе недостатков, даже незначительных – редкое исключение, воспринимаемое как оригинальный рекламный прием, восходящий к классическому слогану компании «Авис»: «Мы – компания номер два, но стараемся больше других…». Известна юмористическая реклама Б. Бернбаха, транслирующая иронию коммуникатора по отношению к рекламируемой торговой марке (например, реклама бренда «Фольксваген» – «Жук»). Автомобиль позиционировался как альтернатива престижному «Кадиллаку» и рекламировался со слоганом «Lemon» («Провал»). Но такой подход (самоирония бренда) – скорее, исключение даже в зарубежной рекламе, а в российской – практически не встречается. Поэтому, если не «хвалебная», то, по меньшей мере, позитивная тональность, раскрывающая преимущества торговой марки – еще один характерный признак рекламной коммуникации.

Что касается герменевтических кодов адресата, то для анализа данного аспекта рекламной коммуникации адекватный инструментарий дает информационно-семиотический метод. Рассматривая ее в свете трехчастной концепции знака по Ч. Пирсу, применим понятие «интерпретанта» – познание, производимое в сознании (оно выделено исследователем наряду с «репрезентаменом» – знаком в узком смысле и «объектом» – реальным предметом или явлением) (см.: [6]). Интерпретанты знака в рекламной коммуникации и, к примеру, в художественной существенно различны, прежде всего, по диапазону допускаемой (и желательной для адресанта) вариативности интерпретации. «Тоталитарность» рекламной коммуникации проявляется в том, что свобода интерпретации рекламного текста ограничена рамками технического здания (брифа) и описанной в нем стратегией сообщения, отвечающей на вопрос: «Что мы хотим сообщить потребителю?». Возникновение у потребителя посторонних смыслов изначально не желательно.

Мы охарактеризовали такую особенность рекламной коммуникации, как «тоталитарность». Но поскольку в рекламной коммуникации используется эстетическая информация, это дает возможность подчеркнуть и ее «артистичность» [3, с. 36]. К аналогичному выводу можно прийти и в результате структурного анализа рекламы как культурного объекта, использующего коннотативные значения. Анализируя семиотические коды рекламного сообщения, вслед за Р. Бартом можно выделить три компонента, важных для понимания сути рекламной коммуникации. Это: 1) денотативное сообщение (буквальное); 2) ассоциативное (или коннотативное), в котором связь между означающим и означаемым основывается на «подвижных культурных ассоциациях» и 3) декларируемое – «вещь, торговая марка или сам товар, которые обязательно присутствуют в рекламном объявлении и превращают его в откровенный, прямо заявляющий о своем окончательном смысле вид коммуникации» [2, с. 445]. Эта открытость также является характерной чертой рекламной коммуникации в отличие от коммуникаций, создаваемых, к примеру, PR-инструментами.

Хотя Р. Барт поставил декларируемое сообщение последним, для понимания специфики рекламной коммуникации оно имеет решающее значение, так как именно в нем проявляется «тоталитарность» рекламной коммуникации. Ее «артистичность» обеспечивают в свою очередь культурно обусловленные ассоциации, создаваемые тропами, интертекстуальными приемами, эстетическими средствами. Подчеркнув, что центральная точка рекламного языка расположена в ассоциативном сообщении, Р. Барт отметил роль творческой составляющей рекламы, без которой реклама превращается просто в коммерческое объявление или красивую «картинку».

Отметим, что рекламная коммуникация и тексты, используемые ею, традиционно дифференцируются исследователями на основании полушарной асимметрии, определяющей тип восприятия и, соответственно, тип используемой в тексте аргументации (рациональная; эмоциональная, создаваемая эстетическими средствами; или же их сочетание). Подчеркивая роль эмоциональной аргументации в рекламной коммуникации, ряд исследователей, к примеру, Б. Шмит и А. Симонсон, вводят новый термин «эстетическая стратегия» [9, с. 43]. И на это есть весомые основания: реклама активно апеллирует к глубинным бессознательным основам эстетического восприятия мира, стремясь сформировать неповторимый образ торговой марки и задействовать эмоциональную память. Реклама водочного бренда «Абсолют», семиотическому анализу которого посвящена работа Х. Кафтанджиева «Семиотика абсолюта», – убедительное доказательство эффективности эстетической концепции в рекламной коммуникации (см.: [4]).

Но «артистичность» рекламной коммуникации не самоценна сама по себе, а служит маркетинговым целям. «Управлением значением» называют маркетинг практики осознающие семиотическую сущность рекламной коммуникации. Для создания «дополнительных значений» и новых смыслов реклама использует эстетическую информацию и приемы, являющиеся арсеналом художественной культуры. Но в эффективной рекламе они создают лишь те значения, которые необходимы адресанту.

Если товарная реклама, прямо говорящая об утилитарных преимуществах товара/услуги, сводится к передаче константной и утилитарной по характеру информации, то в имиджевой рекламе, использующей эстетическую информацию и переносные значения и тем самым апеллирующей к эмоциональной сфере потребителя, предмет информационных обменов составляют культурно-смысловые содержания, выраженные в символах и чувственных образах. Это – черта, сближающая тексты имиджевой рекламы с текстами художественной культуры.

Подчиненность художественного аспекта текста маркетинговым целям проявляется в роли символа в рекламной коммуникации. Символ как вид знака широко используется в рекламе: содержится в визуальной составляющей (идея печатной рекламы, логотип) и в вербальных элементах рекламного сообщения (слоган), а также в мифе бренда. Суть символизации – «наложение» новых дополнительных смыслов на бытующие в других контекстах явления. Но при этом рекламная символизация в отличие от символизации в художественном творчестве имеет прикладное значение.

По выражению В. В. Ученовой, она служит кристаллизации «опорной идеи сообщения» [8, с. 117], то есть формированию представления о преимуществах торговой марки и/или выгодах потребителя. Другими словами, самостоятельной художественной ценности метафора и символ в рекламе не имеют, они подчинены маркетинговым задачам создания эффектов коммуникации.

С прагматизмом рекламы связана и такая особенность рекламной символизации, как обязательное требование упрощения знака. В ряде случаев этот путь приводит к созданию предельно упрощенных и стандартизированных решений – рекламного китча.

Под культурными кодами мы будем понимать не просто коды знаковых систем культуры (изобразительного искусства, танца, кинематографа…), а коды (правила) перевода текста культуры с языка одной знаковой системы на язык другой. При этом «маркерами» культурных кодов становятся интертекстуальные приемы. Коммуникационные процессы, происходящие между различными семиотическими системами (к примеру, рекламы и изобразительного искусства), способны привести к порождению новых смыслов. И хотя «обмен» текстами, в принципе, возможен в обоих направлениях (Э. Уорхол и поп-арт использовали рекламу в целях искусства), реклама гораздо более активна в ассимиляции текстов искусства, она широко использует их известность в своих целях.

Интертекстуальные отношения, в которые вступают между собой тексты рекламы и тексты изобразительного искусства, разнообразны. Но при этом неизменно одно: рекламный текст подчиняет пре-текст своим коммуникативным целям и намерениям адресанта. Именно это позволило Р. Барту «код коммуникации, понимаемой в экономическом смысле», назвать «кодом адресации» [2, с. 457]. (Согласно предпочтениям целевой аудитории выбираются ценностные ориентиры, стилистика сообщения и медиаканалы). И хотя, надо отметить, художественный текст также способен активно проявлять себя в интертекстуальных ситуациях по отношению к прецедентному тексту, но лишь рекламной коммуникации характерен приоритет маркетинговой (шире – коммерческой) задачи, диктующей этическую и ценностную позицию автору рекламного текста. Эта изначальная «ангажированность» рекламы вызывала и по сей день вызывает немало нареканий в ее адрес со стороны исследователей.

В художественной культуре культурные коды служат созданию открытого текста, но в рекламе их назначение прагматично: они являются средством «отбора» своего потребителя. Выбор тех или иных культурных кодов при создании рекламного текста диктует система мотивов потребителя (гиперкод рекламы). Если коммуникационная стратегия выбрана согласно мотивам потребителя и культурные коды задействованы коммуникатором грамотно, это позволяет добиться адекватного намерению адресанта кодирования и декодирования вербальных и невербальных сигналов. Именно эти процессы составляют содержание рекламной коммуникации.

На специфику рекламной коммуникации оказывает влияние ее массовый характер. Тексты массовой коммуникации создаются на основе идеализированного представления об адресате, другими словами, массовые коммуникационные процессы представляют собой коммуникацию с модельным адресатом. Условие успеха такой коммуникации – грамотное сегментирование потребителя по ряду критериев, выбранных согласно коммуникационной задаче. Для доставки рекламного сообщения используются средства массовой коммуникации. Однако прогресс в области информационных технологий меняет взгляд на массовость рекламной коммуникации. Важнейшая особенность информационной и телекоммуникационной революции – замена линейной связи между отправителем и получателем информации интерактивной связью. Обратная связь в рекламной коммуникации приобрела формы возврата купона со скидкой, приглашения к участию в конкурсах с получением призов и т. д. Появляется возможность обратиться к каждому потребителю лично по имени (например, через мобильную

связь, Интернет), распространяются интерактивные рекламоносители, реагирующие тем или иным образом на потребителя (зеркала, щиты и т. д.).

Анализируя особенности рекламной коммуникации в рамках культурологического подхода, необходимо подчеркнуть значимость создания и трансляции рекламным текстом трех видов социокультурных смыслов. Во-первых, он формирует базу знаний о продуктах и услугах (вид культурных смыслов – знания). Во-вторых, создавая и транслируя имиджи торговых марок и брендов, текст рекламы апеллирует к ценностям. Как единодушно отмечают и психологи, и культурологи, реклама предоставляет потребителю не только информацию о товарах и услугах, дающую потребителю установку на их приобретение, но и своеобразный идеологический код, выстраивающий систему символических ценностей: социальных, моральных, политических, семейных.

Рассматривая рекламные тексты, использующие в качестве пре-текстов произведения живописи, можно выделить базовые стратегии рекламной коммуникации:

1. Стратегия подключения к вечным ценностям культуры (для ее реализации наиболее пригодно маркированное цитирование, аллюзия, «серьезная», непародийная стилизация). Инвариант коммуникативных эффектов в данном случае – доверие потребителя носителям традиций и ценителям культурного наследия как базовый компонент отношения к торговой марке.

2. Стратегия привлечения внимания к оригинальным рекламным решениям, привлекающим внимание своей неожиданностью. Здесь работает пародия (уровень гипертекстуальности), в качестве инструмента использующая интертекстуальные средства (цитату, стилизацию, аллюзию).

3. И, наконец, стратегия паразитирования на культурном наследии и его профанации. Именно ее имеет в виду В. В. Ученова, рассуждая о том, что реклама зачастую осуществляет редукцию и профанацию ценностей [8, с. 66].

Текст рекламы способен влиять на третий вид культурных смыслов – регулятивы, нормы поведения. Именно в способности определять потребительское поведение и проявляется его коммуникативное назначение. Реклама распространяет стереотипы социального поведения, формирует стандарты социально престижных образцов и стилей жизни, интересов и потребностей. Что касается особенностей современной рекламной коммуникации, можно констатировать рост значения ценностей. Если изначально реклама содержала апелляцию лишь к уровню мотивов потребителя, то теперь ей свойственна все большая ориентация на ценности, которые являются одним из важных критериев отбора информации потребителем. И, что необходимо подчеркнуть особо, имеют решающее значение для формирования долгосрочной приверженности к торговой марке. Поэтому гиперкодом такой рекламы становятся ценности.

Специфика рекламной коммуникации состоит также в том, что в медиастратегии она использует тактику периодического повтора сообщения, необходимую для достижения запоминания торговой марки и формирования устойчивого отношения к ней потребителя. Многие исследователи, в частности, В. В. Красных, усматривают в подобной тактике «навязывание повтором определенных установок, ориентиров, оценок, ценностей» [5, с. 27]. Исследователь делает вывод о том, что на этом построена любая реклама: от коммерческой до политической и социальной.

Итак, рекламная коммуникация является одновременно и «артистичной» (художественной), и «тоталитарной». Ее «тоталитарность» проявляется в целом ряде факторов (обязательность присутствия торго-

вой марки в тексте, позитивное ее освещение; подчиненность художественного аспекта маркетинговым целям; ограниченность свободы интерпретации текста потребителем рамками стратегии сообщения). Эту особенность рекламы характеризуют также ее доминантное отношение к текстам культуры, в том числе художественной, подчиненность кодов культуры кодовому инварианту (эффективности) и гиперкоду мотивов/ценностей потребителя.

Описанный подход позволяет анализировать тексты рекламы, исследуя их интертекстуальные отношения с текстами художественной культуры по двум критериям: маркетинговому и культурологическому.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. статья Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003; Editions du Seuil, 1993–1995. – 512 с.
3. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. – М.: Эксмо, 2005. – 368 с.
4. Кафтанджиев Х. Семиотика абсолюта. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 354 с. – (Серия «Академия рекламы»).
5. Красных В. В. Интегративность науки: дань моде или насущная необходимость? (к вопросу об объекте современных исследований) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 44. – 112 с. – С. 4–31.
6. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина; послесл. В. Ю. Сухачева. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ: Алетейя, 2000. – 352 с. – (Серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»).
7. Росситер Дж., Перси Л. Реклама и продвижение товаров: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2002. – 656 с.
8. Ученова В. В. Философия рекламы. – М.: Гелла-Принт, 2003. – 208. с: ил. – (Рекламные технологии).
9. Шмидт Б., Симонсон А. Эстетика маркетинга: стратегия менеджмента, создания брэнда и имиджа компании / пер. с англ. Е. В. Швец. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 395 с. [5] с. – (Бизнес для новичков и экспертов).

Literatura

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika / per. s fr., sost., obshh. red. i vstup. stat'ja G. K. Kosikova. – M.: Progress, 1989. – 616 s.
2. Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury / per. s fr., vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2003; Editions du Seuil, 1993–1995. – 512 s.
3. Kaftandzhiev H. Garmonija v reklamnoj kommunikacii. – M.: Jeksmo, 2005. – 368 s.
4. Kaftandzhiev H. Semiotika absoljuta. – M.: RIP-holding, 2006. – 354 s. – (Serija «Akademija reklamy»).
5. Krasnyh V. V. Integrativnost' nauki: dan' mode ili nasushhnaja neobhodimost'? (k voprosu ob ob''ekte sovremennyh issledovanij) // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej / otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. – M.: MAKS Press, 2012. – Vyp. 44. – 112 s. – S. 4–31.
6. Pirs Ch. S. Logicheskie osnovanija teorii znakov / per. s angl. V. V. Kirjushhenko, M. V. Kolopotina, poslesl. V. Ju. Suhacheva. – SPb.: Laboratorija Metafizicheskih Issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU: Aletejja, 2000. – 352 s. – (Serija «Metafizicheskie issledovanija. Prilozhenie k al'manahu»).

7. Rossiter Dzh., Persi L. Reklama i prodvizhenie tovarov: per. s angl. – SPb.: Piter, 2002. – 656 s.
8. Uchenova V. V. Filosofija reklamy. – M.: Gella-Print, 2003. – 208. s: il. – (Reklamnye tehnologii).
9. Shmidt B., Simonson A. Jestetika marketinga: strategija menedzhmenta, sozdanija brjenda i imidzha kompanii / per. s angl. E. V. Shvec. – M.: AST: Tranzitkniga, 2005. – 395 s. [5] c. – (Biznes dlja novichkov i jekspertov).

УДК 069(571.53)

В. В. Тихонов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен анализ как существующих, так и перспективных в плане создания этнографических музейных комплексов под открытым небом регионального и муниципального уровней в Предбайкалье, музеефицирующих традиционную культуру в регионе. Рассматривается их экспозиционное пространство.

Ключевые слова: архитектурно-этнографический музей, историко-культурное зонирование, экспозиция, «Тальцы», «Ангарская деревня».

V. V. Tihonov

THE OPEN AIR ETHNOGRAPHIC MUSEUMS IN IRKUTSK OBLAST AND PROSPECTS OF THEIR DEVELOPMENT

The author presents analysis of being and prospective the open air ethnographic museums in Irkutsk oblast. In article, the museum area presenting traditional culture in the region is considered.

Keywords: architectural and ethnographic museum, historical and cultural zone, exhibition, “Talsy”, “Angar Village”.

Проблема сохранения народной культуры обозначилась в Предбайкалье уже в 50-х годах XX века, когда в регионе началось интенсивное строительство гидроэлектростанций с затоплением водами будущих водохранилищ ГЭС гигантских территорий и ликвидацией попадающих в зоны затопления пяти старожильческих сел. Еще одной акцией государства, приведшей к разрушению патриархального уклада жизни населения Предбайкалья, стало проведение политики ликвидации неперспективных деревень в 1960-х годах. В связи с интенсивным развитием во второй половине XX века коммуникационных процессов, способствующих глобализации общества, патриархальный уклад хозяйства жителями региона к началу XXI века был практически полностью утрачен.

В последние годы в особенно плачевном состоянии в Предбайкалье оказалась материальная составляющая традиционной народной культуры – деревянное зодчество. Причин здесь несколько. Это предельный возраст конструктивного элемента зданий – дерева, для основной части памятников де-

ревянного зодчества Предбайкалья он составляет 100–150 лет. Многие памятники деревянного зодчества уничтожаются в результате их ненадлежащей эксплуатации, горят от случайных пожаров и умышленных поджогов, целью которых является освобождение территории под новое строительство. Что делать? Как спасти деревянное зодчество Предбайкалья и сохранить его для будущих поколений? Мировая практика на этот вопрос дает однозначный ответ: лишь процесс музеефикации, в том числе и методом переноса памятников деревянного зодчества в этнографические музейные комплексы под открытым небом, позволит сохранить и передать будущим поколениям не только уникальные памятники истории и архитектуры, но и рядовое деревянное зодчество XIX – первой половины XX века, без чего невозможна в целом реконструкция историко-культурной среды прошлого.

К началу XXI века мировое музейное сообщество насчитывало уже более 4500 этнографических музеев под открытым небом, лишь 17 из которых находятся в России. Такое положение объясняется просто. При советской власти приоритет отдавался музеям краеведческого профиля, экспозиции которых посвящались главным образом первобытнообщинному периоду и героическому революционному и последующему времени. Этнографические музейные комплексы, в основном представлявшие архитектуру и быт состоятельного крестьянства, были не в русле советской государственной политики. Иркутская область в отношении создания этнографических музеев под открытым небом, скажем осторожно, находится в лидерах среди регионов Российской Федерации. Их два: это музей «Тальцы» в г. Иркутске (начало создания музея – 1966 год, открытие – 1980 год) и музей «Ангарская деревня» в г. Братске (начало создания – 1975 год, открытие – 1982 год).

К настоящему времени в Иркутской области наиболее полноценно функционирующим, хотя и находящимся в состоянии развития, является региональный этнографический музейный комплекс под открытым небом «Тальцы». Последней всеобъемлющей научной разработкой планов дальнейшего развития музея стали «Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея “Тальцы”», выпущенные в виде книги в 2006 году. Полная реконструкция историко-культурного наследия Иркутской области (Предбайкалья) предполагается посредством строительства в музейном этнографическом комплексе «Тальцы» девяти экспозиционных зон, соответствующих основным историко-культурным зонам Предбайкалья, определенным исходя из научно-исследовательских работ по проведенному историко-культурному зонированию региона, которое выполнялось научными сотрудниками музея в 70–90-х годах XX века и в начале XXI века. Историко-культурное зонирование определило в Предбайкалье следующие историко-культурные зоны: ангаро-илимскую, верхоленскую, трактовую, переселенческую, городскую, бодайбинскую золотопромышленную, а также этнические зоны: бурятскую, эвенкийскую, тофаларскую [15, с. 18–28].

Особенность быта русских ангаро-илимской историко-культурной зоны середины XIX – начала XX века заключалась в сохранении архаичного традиционного крестьянского уклада жизни. Земли эти, быстро осваиваемые русскими в первоначальный период заселения края (XVII – начало XVIII века), с введением в эксплуатацию Московского тракта остались в стороне, стали труднодоступными, поэтому развитие края законсервировалось. Изолированность края от быстро развивающегося юга Предбайкалья способствовала сохранению патриархального уклада жизни вплоть до 60–70-х годов

XX века, начала строительства на р. Ангаре каскада гидроэлектростанций. Главными занятиями жителей среднего течения Ангары, составлявшими основу экономики района, были земледелие и охота на пушного зверя. Это определяло характер усадеб и архитектуру построек. Ангаро-илимская экспозиционная зона, за счет уникальных памятников истории и архитектуры XVII–XX веков ставшая в музее доминирующей, сегодня находится в стадии завершения строительства. Главный недостроенный объект этой экспозиции – Илимский острог. Завершена реставрация и реконструкция западной стены острога, жемчужиной которой стала Спасская проезжая башня – оригинал (1667). В 2010 году, несмотря на скудность материала об Илимском остроге, на основе чертежа-рисунка Илимского острога, выполненного Семеном Ремезовым в 1702 году [1, с. 114], и подробного описания всей его внутренней инфраструктуры с указанием расположения объектов и расстояний между ними [19, с. 50–55] был составлен генеральный план его реконструкции и разработана рабочая документация на реконструкцию первых объектов гостевого двора и приказной избы. Генеральным планом реконструкции Илимского острога также предусматривается реконструкция караульной избы, воеводского двора, Спасской церкви с колокольней, часовни, соболиного, ружейного, соляного амбаров, обустройство прицерковного кладбища-резервата и восстановление тыновых стен с галереями.

К реконструкции гостевого двора реставраторы уже приступили. Изюминкой внутренней инфраструктуры острога будет воеводский двор. В настоящее время ведется разработка рабочей документации на остальную экспозиционную инфраструктуру Илимского острога. По завершении реконструкции-реставрации всей инфраструктуры острога мировая культура получит уникальный объект – единственную в мире деревянную крепость XVII века с элементом-оригиналом – Спасской проезжей башней.

В состав ангаро-илимской экспозиционной зоны, строительство которой практически завершено, входят: волостное село, покосная заимка, сельское кладбище, каскад водяных мельниц, охотничье-промысловый стан.

Формирование волостного села осуществляется посредством фрагментарной реконструкции административного населенного пункта с отражением его характерных хозяйственных, бытовых, архитектурных особенностей и планировки, а также архитектурных особенностей зданий путем подбора соответствующих строений. В состав волостного села этнографического музейного комплекса «Тальцы» вошли крестьянские усадьбы Московского (начало XIX века), Сотая (рубеж XVIII–XIX веков), Зарубина (начало XX века) [12], усадьба-одноколок (середина XIX века), здания церковноприходской школы (1885) [5], волостного правления (1914), а также Казанская часовня (1679) [4] и Илимский острог (1667).

Покосная заимка представляет собой созданную стационарную постройку, подобную тем, какие использовались крестьянами для проживания на ангарских островах для ведения сельского хозяйства.

Каскад водяных мельниц (середина XIX века) реконструирован. В музей перевезены три из восьми водяных мельниц из д. Владимировки. Мельницы характеризуют земледельческое направление хозяйственно-экономической деятельности населения района среднего течения Ангары.

Экспозиция «Сельское кладбище» является резерватом. Это единственное кладбище, сохранившееся после затопления пос. Тальцы водами Иркутского водохранилища, возведенного в 50-х годах XX века.

Кладбище отражает материальную и духовную культуру русского населения Предбайкалья конца XIX – начала XX века.

Охотничье-промысловый стан характеризует второе основное направление хозяйственно-экономической деятельности населения района – добычу пушного зверя. Добыча мяса, рыбы и сбор дикоросов при этом носили вспомогательный экономический характер.

Материальная культура предбайкальских (западных) бурят в этнографическом музейном комплексе «Тальцы» реконструируется посредством создания четырех макроэкспозиций: улуса-зимника, улуса-летника, бурятского маломорского рыболовецкого стана и бурятского православного миссионерского стана.

До прихода русских основным жилищем западных бурят были деревянные четырех-, шести- и восьмистенные юрты, войлочные юрты и в незначительной степени балаганы и шалаши. С конца XVIII века буряты, которые до этого вели кочевой образ хозяйствования, постепенно переходят на полуоседлый, а к началу XX века – на оседлый. В это время появляется разделение хозяйства на улус-зимник и улус-летник (для летнего содержания скота). В 1980–90-х годах в этнографическом музейном комплексе как составная часть этнической бурятской экспозиции реализуется строительство экспозиции «Улус-летник», состоящей из шести восьмистенных юрт конца XIX века. Отреставрированные юрты используются как под экспозиции, так и под этнические выставки [3]. В 2010 году завершено строительство бурятского маломорского рыболовецкого стана, отражающего хозяйственно-экономическую деятельность бурят, живших по побережью оз. Байкал и в основном занимавшихся ловлей и реализацией байкальской рыбы. В состав экспозиции входят навес для байкальских лодок, рыбодел (сарай с навесом, где жили рыбаки в период пучины, солилась и хранилась рыба), сушила для сетей, два ворота для вытаскивания из воды невода, кострище, место разделки рыбы и место приема пищи.

В стадии формирования находится улус-зимник, создаваемый по традиционному для бурятских поселений гнездовому принципу. Усадьбы западных бурят, несмотря на то, что их дома-зимники строились по русскому образцу, отличались от усадеб русских старожилов тем, что в бурятских усадьбах стояли юрты, имелось множество загонов для скота и стаек, крытых землей. Для улуса-зимника в музей уже вывезены и собраны во временной сборке дом тайши Александрова из улуса Шутхулун и дом Степанова из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Православный бурятский миссионерский стан представляет собой реконструкцию одного из 28 станов, имевшихся в Предбайкалье на начало XX века. Православный бурятский миссионерский стан обычно состоял из церковно-приходской школы, церкви и дома священника. Такие станы, как правило, размещались между бурятскими улусами и русскими деревнями. В школах при станах учились как русские, так и бурятские дети. Для формирования православного бурятского миссионерского стана вывезена в музей и собрана во временной сборке церковно-приходская школа из пос. Кутулик.

Этнические экспозиции, отражающие материальную и духовную культуру эвенков (тунгусов) и тофов (карагасов), в музее созданы как временные, на месте будущей верхоленской экспозиционной зоны, при этом учитывая кочевой образ жизни эвенков и тофов, не позволявший им иметь долгосуществующие стационарные постройки, их будущие постоянные экспозиции в основном будут новодельными [13].

Эвенкийскую экспозицию, созданную в 1994–1995 годах, составляют летние и осенние стойбища, а также комплекс эвенкийских захоронений. Тофаларская экспозиция состоит из летнего и зимнего стойбищ. В настоящее время она полностью не достроена. Ее достройка предполагается в 2012 году.

В 2002 году в «Тальцах» приступили к созданию трактовой экспозиционной зоны, характеризующей главным образом историко-культурные особенности прилегающих к Московскому тракту территорий в пределах Иркутской области [15, с. 45–60]. Основой хозяйственного уклада населения этих территорий было обслуживание извоза по тракту со всей сопутствующей этому деятельностью. Экспозиция, фрагментарно реконструируя историко-культурную среду Московского тракта конца XIX века, по составу главных экспозиционных объектов не дублирует объекты других экспозиционных зон [6].

С 2006 года в трактовой экспозиционной зоне отреставрировали постоялый двор Усова с двухэтажным амбаром, дом-лавку из д. Тулюшки, дом-связь Горелова. Приступили к реставрации вывезенных в музей купеческого дома Воинова и уникального дома-памятника с самцовой кровлей конца XVIII века – дома Шукловой из пос. Большежилкино. Для дальнейшего формирования этой зоны планируется вывезти в музей комплекс Кутуликской пересыльной тюрьмы с полной последующей реконструкцией самой тюрьмы, состоящей из двух тюремных бараков (существующих в настоящее время и служащих один как музей драматурга А. В. Вампилова, другой как туберкулезный диспансер), и здания начальника тюрьмы (в нем пока живут две семьи). Предстоит перенести в трактовую экспозиционную зону разрушенную Преображенскую церковь из пос. Верхний Булай и дома конезаводчиков Татарниковых (1887). Последние интересны тем, что не только построены в стиле городской архитектуры с мезонином, но и внутренние объемы их помещений, все стены и потолки расписаны примитивной живописью – цветами, ветками, листьями, орнаментом [15, с. 45–50].

В последние годы головную боль неравнодушной к сохранению исторического облика города иркутской общественности, ученых и специалистов вызывает то, что администрация Иркутска под видом сноса ветхого жилья уничтожает уникальное деревянное зодчество города, единственную его особенность, отличающую его от других городов как России, так и мира.

С 1991 года в музей «Тальцы» из города вывезено и частично собрано во временной сборке пять памятников иркутской городской архитектуры, которые в последующем будут размещены в разрабатываемой городской экспозиционной зоне [15, с. 74]. Называя эти объекты памятниками, приходится в какой-то степени допускать юридическую неточность, потому что часть из них местным органом охраны памятников из реестра памятников исключена. За последние три года из реестра памятников, расположенных в г. Иркутске, исключено более 180 объектов. Следует заметить, что во всем цивилизованном мире подобной практики нет, по крайней мере, в таких масштабах.

Не менее интересной в музее «Тальцы» должна стать проектируемая к строительству верхоленская экспозиционная зона [15, с. 41–45]. Это произойдет, если в ближайшие годы ее экспозиционная инфраструктура будет обеспечена объектами деревянного зодчества, в единичных экземплярах пока еще существующими на территории Предбайкалья и находящимися в удручающем состоянии. Дома их прежними хозяевами просто брошены догнивать. Часть объектов для будущей верхоленской экспозиционной зоны уже вывезена в музей и находится во временной сборке. Основная цель создания данной зоны – отражение материальной культуры жителей верхнего течения Лены,

главным занятием которых было обеспечение сплава грузов и пассажиров вниз по реке к золотодобывающим приискам. Интересной особенностью этой экспозиционной зоны станет реконструкция экспозиции колхозной деревни 30–40-х годов XX века.

В 2010–2011 годах проведена разработка экспозиции переселенческой зоны [15, с. 26]. Несмотря на то, что процесс освоения сибирских земель, в том числе Предбайкалья, происходил за счет миграционных процессов в течение десятков тысяч лет, а целенаправленное переселение населения из европейской части России началось в XVII веке, под термином «переселенцы» мы имеем в виду переселенцев периода столыпинской аграрной реформы.

Особенностью переселенческой политики периода столыпинской аграрной реформы являлось стремление властей размещать переселенцев одной этнической группы из близлежащих деревень желательно одной волости в одном переселенческом пункте, что позволяло им, порой даже не владевшим русским языком, более успешно адаптироваться в новых суровых сибирских условиях, оказывая помощь друг другу. В Предбайкалье до нашего времени сохранившими резкие отличия в материальной культуре от других этносов и этнических групп являются голендры, украинцы, белорусы, поляки и татары. В 2011 году в музей перевезена белорусская усадьба из с. Тургеневка. В 2012 году планируется начать перевозку усадьбы голендра из пос. Пихтинск. Но если такие характерные элементы материальной культуры переселенцев периода столыпинской аграрной реформы, как домамазанки украинцев, белорусские и татарские дома, польский костел, сохранились до нашего времени, то, к сожалению, татарскую мечеть, дом польского переселенца найти уже невозможно, их надо реконструировать [15, с. 90–93].

С 1990-х годов в музейном комплексе «Тальцы» ведется проектирование еще одной резко отличающейся от других по экономико-хозяйственному укладу экспозиции – «Бодайбинская золотопромышленная зона» – с отражением экспозиционными методами кустарной и промышленной добычи золота в конце XIX – начале XX века [15, с. 61–62]. В музейном комплексе возле р. Тальцинки для постройки этой экспозиции есть характерный ландшафт: река, склон горы. В настоящее время на одном из ручьев на территории музея недалеко от экспозиции «Бурятский маломорский рыболовецкий стан» создан один из вариантов будущей крупномасштабной золотодобывающей экспозиции – старательский стан, включающий промприбор (американка) для промывки золота, шурф с воротом для подъема золотоносной породы, скамейки со столом, костер и шалаш.

Музейный этнографический комплекс «Ангарская деревня» г. Братска, являясь муниципальным образованием, по масштабам значительно уступает этнографическому музейному комплексу «Тальцы». «Ангарская деревня» территориально музеефицирует северо-западную часть Предбайкалья (среднее течение р. Ангары). Это территория трех историко-культурных зон: русской старожильческой ангаро-илимской, эвенкийской и частично бурятской. Пока в музее созданы экспозиции только двух этносов – русского и эвенкийского.

Экспозиция русского старожильческого сектора представляет собой однорядную сибирскую деревню с окнами домов и красной линией дворов на улицу, в сторону реки. Шесть крестьянских усадеб XIX – начала XX века (с огородами через улицу, спускающимися к морю), а также отдельно стоящие объекты – башня Братского острога (1654), Михаило-Архангельская церковь с отдельно стоящей колокольней (XIX), мангазея (XIX), кузница (конец XX века), мельница, самоловня – ретроспективно-фрагментарно

воссоздают сибирскую деревню среднего течения р. Ангары [18].

Крестьянские усадьбы представлены: усадьбой Непомилуева (1880) из д. Нижняя Шаманка, привезенной в музей в 1974 году, с доминантой домом-связью и трехдворной планировкой; усадебным комплексом Б. А. Пастухова (XIX) из с. Старо-Батурино с трехдворной планировкой, с доминантой избой-клетью, с прирубом через сени, пристроенным в 1880 году, с окнами на улицу; усадьбой конца XVIII века из д. Гарманка с трапециевидной планировкой усадьбы и делением ее жилым домом-связью на чистый и скотный дворы; усадьбой Скрипова второй половины XIX века, являющейся примером рядовой крестьянской усадьбы с минимальным составом хозяйственных построек и традиционной для северо-западных селений Восточной Сибири XIX века застройкой. Интересной, редко встречаемой особенностью последней усадьбы является мощение полубревнами скотного двора [8, с. 47–52].

Через дорогу, напротив усадьбы Пастухова, расположен торговый амбар конца XIX века из д. Климово Нижне-Илимского района Иркутской области, перевезенный и смонтированный в музее в 1988–1989 годах. Это редкий экземпляр крупного торгового амбара, встречающегося в Предбайкалье только в районах Нижнего Приангарья.

Напротив усадьбы купца Каморникова, также через дорогу, расположена кузница конца XIX века из д. Христофорово Жигаловского района Иркутской области. Проект ее реставрации и сама реставрация выполнены в 1986–1987 годах. Данный памятник является редким примером сохранившейся кузницы конца XIX века с восстановленной архаичной кровлей.

Продолжением деревни на запад стали стоящие отдельно друг от друга юго-западная башня Братского острога и Михаило-Архангельская церковь с отдельно стоящей звонницей.

Юго-западная башня Братского острога, построенная в 1654 году, является редким памятником деревянного оборонного зодчества середины XVII века. Башня хорошо сохранилась. Проект реставрации башни выполнен архитектором А. В. Никитиным в Институте археологии АН СССР (г. Москва) в 1960 году. В 1960 году башню реставрировали в пос. Падун на берегу Братского водохранилища, где она простояла до очередного переноса, уже в музей «Ангарская деревня».

Церковь Михаила Архангела 1883 года из д. Нижнекарелина Киренского района Иркутской области перевезена в музей и восстановлена в 1987–1991 годах. С западной стороны рядом с церковью расположилась звонница на столбах, выполненная в новоделе по аналогу звонницы постройки 1910 года [8, с. 92].

Северо-восточную окраину русского сектора завершает мангазея конца XIX века из д. Тушама Братского района Иркутской области. Памятник демонтирован и перевезен в музей в 1985–1986 годах. Мангазея – пример широко распространенного на территории Предбайкалья в XIX веке общественного амбара для хранения страхового фонда зерна. В юго-западной части русского сектора музея на сымитированном ручье с 1990 года реставрируется колесная мельница конца XIX века из д. Христофорово Жигаловского района Иркутской области.

В юго-восточной части музея непосредственно на берегу водохранилища в новоделе воссозданы три бани по-черному по аналогам бань из д. Селенгино и Чадобец Кежемского района Красноярского края и д. Нижняя Шаманка Усть-Илимского района Иркутской области. Рядом с банями расположена самоловня, также выполненная в новоделе по аналогу из д. Чадобец.

На север от русского сектора в лесном массиве находится эвенкийский этнический сектор, состоящий из летнего, осеннего и

зимнего эвенкийских стойбищ, чума шамана и экспозиции эвенкийских захоронений. Во всем эвенкийском комплексе единственным оригиналом является лабаз, сооруженный на дереве, который перевезен в музей с р. Каты [7]. Рассматривается вопрос о перспективности создания в музее бурятской этнической экспозиции, позволяющей показать материальную культуру коренной народности этих мест – бурят, проживавших к югу от р. Ангары в степных районах.

В 1990 году в пос. Усть-Ордынский при окружном краеведческом музее началось строительство экспозиции бурятской усадьбы-зимника, к настоящему времени она находится в недостроенном виде. Для формирования усадьбы вывезли и собрали в теплом варианте дом начала XX века из улуса Шетхулун и юрту начала XX века из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района, а также двухкамерный амбар начала XX века из самого поселка Усть-Ордынский, служивший до перевозки в музей кладовой в детском саду.

Усадьба обнесена новодельным забором, имитирующим заплот. К дому с северной стороны примыкает завозня. Вход в усадьбу формируют ворота и заплот, соединяющий дом с амбаром. Дом с холодными примыкающими сенями, с двухскатной кровлей. Несмотря на то, что дом собран в постоянном (теплом) варианте, в нем нет экспозиции, и он для приема туристов не работает.

В перспективе развития данного архитектурно-этнографического комплекса с 2004 года предлагается в дополнение к уже формируемой усадьбе разместить еще одну. Таким образом, получится фрагмент бурятского улуса-зимника Предбайкалья. На восток от улуса-зимника на резервной территории музея (1 га) вполне возможно формирование второй экспозиции: улуса-летника из двух–трех деревянных юрт, оригинальных юрт конца XIX – начала XX века, пока еще имеющихся в районе и находящихся в плачевном состоянии. Исключение видимости (изоляцию) из формируемых экспозиций пятиэтажных домов и других строений поселка можно осуществить за счет создания кулис из вечнозеленых насаждений.

Таким образом, ретроспективно-фрагментарно можно реконструировать историческую среду коренной народности Предбайкалья – бурят.

Интересным в плане музеефикации традиционной культуры бурятского этноса может стать строительство у горы Ёрд недалеко от пос. Еланцы (Ольхонский район) этнографического музейного комплекса под открытым небом «Ёрд». Гора Ёрд знаменита тем, что в древности в определенное время у ее подножия на своеобразные местные олимпийские игры собирались представители немногочисленных раскиданных по гигантской территории Предбайкалья племен, впоследствии сформировавших бурятский этнос. Расположение будущего музейного комплекса вдоль напряженной в туристическом плане автодороги Иркутск – остров Ольхон позволит без особых проблем обеспечить в него турпоток. Двух бурятских усадеб улуса-зимника и трех – четырех юрт улуса-летника вполне достаточно для первой очереди экспозиционной инфраструктуры этого музейного комплекса. В данной экспозиционной инфраструктуре желательна интерактивная составляющая – действующая усадьба (жилая) и кошара с находящимся в ней скотом. Это значительно повысит интерес к экспозиции и усилит эмоциональное восприятие традиционного уклада жизни местного населения.

Наиболее удачным в последние годы и интенсивно продвигаемым в основном местной администрацией является проект создания в пос. Ключи Казачинско-Ленского района этнографического музейного комплекса под открытым небом «Ленская деревня» [16]. В 2007 году администрация Казачинско-

К укоренившимся в человеческом сознании и культуре отнесем онтологические аспекты истории Ундины – ее принадлежность к водной стихии, определяющей огромную пропасть между мировоззрением ее и людей, с которыми она взаимодействует. Подчеркнем поражающую, «чаровскую» красоту Ундины, ее ребяческую шаловливость и проказы, а также завораживающий голос. Совокупности этих черт образа – инаковости, красоты, колдовского пения и способности завлекать человека кажущейся невинной игрой – вполне достаточно, чтобы вспомнить, например, о древнегреческих образах нереид, от которых героиня Фуке унаследовала некоторые важные стороны образа. Подобная преемственность естественна для произведений, основанных на мифологическом, фольклорном материале [8].

Вместе с тем, Ундина вбирает в себя не только «родные», обусловленные функционированием и коммуникацией фольклорных и мифологических образцов семы, но и совершенно новые, определяемые взглядами автора и континуумом эпохи. Образ главной героини, как и все произведение в целом, насыщается христианским содержанием. Вспомним, что ранее образ морской девы был помещен в религиозный контекст Клеменсом Брентано в его знаменитом стихотворении о Лоре Лей «На Рейне в Бахарахе»[5] в романе «Годви», напечатанном в 1802 году [23]. В названном произведении к подразумеваемым свойствам образа героини, пожалуй, впервые добавляются сложные взаимоотношения с христианством: епископ, взявшийся судить ее, становится жертвой ее красоты («Явилась – был он в гневе, / Взглянул – и гнев погас…» [3, с. 16]) и смирения («Святой отец, я рада / Взойти бы на костер, / Мне жизнь страшнее ада, / Ведь губит всех мой взор…» [3, с. 16]). Не в силах вынести ей смертный приговор, он отправляет красавицу в монастырь. Христианское семантическое поле еще более усугубляет амбивалентность помещенного в него образа героини (все-таки она – волшебница, иными словами – колдунья: «Девиц держала в страхе, / Мужчин в полон брала» [3, с. 16]), внушает еще большую симпатию к ней и, таким образом, обогащает архетип в целом.

Фуке идет еще дальше Брентано, сообщая своей героине фундаментальные качества христианки. Ундина в сказке Фуке – провозвестница и персонификация Любви, носительница ярко выраженного этического начала, обладающая высоконравственными понятиями о чести, дружбе, долге, верности. Отметим, что подобные идеальные установки героини становятся ее практикой общения с людьми. Честность, открытость и прямота по отношению к возлюбленному, бескорыстное желание помочь сопернице (найти настоящих родителей, уберечь от ярости Кюлеборна), нестяжательность, способность к всепрощению, которое она демонстрирует в постоянных столкновениях своего видения мира с миропониманием людей и, наконец, смирение, кротость и милость по отношению к, фактически, предавшим ее самым близким людям – все это наталкивает на сравнение с христианской трактовкой жизни как предуготовительного, дарованного для стяжания духовных богатств пути к Вечности. Жертвуя собою, Ундина все время предпринимает попытки вернуть рыцаря к исполнению им своего долга (явление Ундины Хульдбранду во сне с предостережением), всячески препятствует совершению им греха (взаимоотношения рыцаря с Бертальдой), то есть заботится о красотах не своей души, но его! Что

[5] Предположение о знакомстве Фуке с названным опусом имеет под собой основания, учитывая, во-первых, ставшую широкой известность «Лоре Лей» и, во-вторых, личное знакомство автора «Ундины» со многими романтиками, его горячий интерес к этому течению и принадлежность ему.

это, как не скол одной из центральных христианских заповедей «Возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе» [11, 22:39–40, с. 67]? Иными словами, в образе Ундины появляются некоторые *семы архетипов праведницы и мученицы*: с одной стороны, она является недостижимым идеалом, требуя и от человека духовного совершенствования, с другой – на ее долю выпадают тяжкие страдания от несоответствия высоких установок реалиям жизни с людьми, поскольку основной проблемой «Ундины» выступает «проблематика души»: души как желанной бессмертной субстанции, которую жаждет получить существо из другого мира, идя на союз с людьми[6].

Желанная для «иных» существ, душа оказывается порой ненужной человеку, от рождения ею обладающей. Фуке иллюстрирует отсутствие попечения о стяжании духовных богатств у людей, прежде заботящихся о земных благах, хрестоматийным примером поведения Бертальды, презревшей кровные узы и отказавшейся от обретенных родителей лишь потому, что они не оправдали ее корыстолюбивых планов: «Это было уж слишком для ее гордой души, такое открытие в ту самую минуту, когда она твердо надеялась вознестись еще выше и уже видела над своей головой корону и царственный балдахин» [19, XI]. Пропасть между людским, обусловленным «похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской»[7] мировоззрением и чистыми устремлениями Ундины подчеркивается ее горькими упреками в адрес «подруги»: «Да есть ли у тебя душа? Есть ли у тебя на самом деле душа, Бертальда? <…> Я ведь даже понятия не имела о ваших нелепых обычаях, о вашем бесчеловечном образе мыслей и, должно быть, до конца своих дней не смогу с ними смириться» [19, XI]. Духовная красота Ундины обнаруживается и в речах Хульдбранда, который констатирует: «Если я и дал ей душу <…> то она оказалась лучше, чем моя собственная» [19, XII].

Пожалуй, синтез натурфилософии и этической стороны христианства представлен здесь очень ярко: горячее желание «иного» существа заботиться о драгоценной душе выглядит своего рода примером для подражания человеку, к сожалению, не сознающему ценности обладаемого им сокровища. Вместе с тем, подобный «охристианенный» образ Ундины можно трактовать и как один из множества примеров художественного воплощения такой яркой характеристики *романтических* этики и эстетики, как «томление» по недостижимому, но желанному *идеалу*. Кроме того, в своеобразии идеологической основы сказки Фуке ясно прослеживается еще одна важная проблема романтизма – обусловленная и подготовленная христианским мировоззрением романтическая проблематика противостояния незаурядной личности и не понимающего ее мира.

Рассмотренная двойственность образа главной героини определяется, в том числе, и функционированием присущих любому мифу бинарных оппозиций, которые оказывают свое воздействие на облик отдельных персонажей и структуру как собственно мифологического образца, так и художественного опуса на его основе [5]. Применительно к Ундине бинарные оппозиции воплощены

[6] Суть натурфилософского учения Парацельса заключается в следующем: кроме человека, обладающего душой, есть в природе существа, ее не имеющие, а потому лишенные познания Истинного Бога. Это нимфы (Ундины), сильфы, пигмеи, саламандры. Вот почему Ундины «охотно даются в руки человека и с радостью вступают в брак, ибо через таинство брака они получают душу и совершенно уподобляются человеку» [20, с. 1–6].

[7] В Первом Соборном послании святого Апостола Иоанна Богослова говорится: «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек».

в противопоставлении пар «христианство-язычество», «любовь-смерть», «живая-мертвая» и других.

Заслуживающим внимания акцентом в христианском образе Ундины является мотив поцелуя, который она дарит Хульдбранду. Вспомним, насколько амбивалентна семантика поцелуя в христианской традиции, вобравшая в себя как семы предательства (поцелуй Иуды), так и семы искренности, чистоты, открытости и любви (брачный поцелуй, Пасхальное приветствие). Столь же неоднозначным выглядит поцелуй Ундины в конце повести Фуке. С одной стороны – это поцелуй смерти, в котором воплощено предсказанное возмездие. С другой – это подлинный поцелуй любви, несущий избавление от страданий и неразрешимых для рыцаря противоречий земной жизни.

Однако не стоит забывать, что Ундина – вполне языческий образ, учитывая онтологические нюансы появления ее в мире людей. Существо из «иного» мира, обычно квалифицируемое ортодоксальной церковью как «нечистое», являет собою образец христианского поведения и отношения к людям. Соотнесение двух, казалось бы, взаимоисключающих плоскостей – христианства и язычества – несколько примиряется, если поместить их в натурфилософский и эзотерический контексты мировоззрения романтиков, в котором в сплаве непримиримых оппозиций может рождаться и предлагаться читателю иной – альтернативный существующим – таинственный и притягательный взгляд на тайны мироздания.

Как же поступает с таким сложным образом композитор, облачая его в музыкальные «одежды»? Известно, что либретто «Ундины» по просьбе Гофмана по его плану сделал сам Фуке в конце 1812 года. В августе 1816 года «Ундина» была поставлена в берлинском Королевском театре и «встречена публикой и музыкантами очень тепло» [22, с. 358]. Сам Гофман пишет Гиппелю: «Моя опера вызвала всеобщую сенсацию и бесконечную болтовню, что объясняется только текстом, который не понравился берлинским филистерам. Одним этот текст казался слишком мистичным, другие находили автора слишком набожным, но все единогласно хвалили музыку и декорации – действительно самое гениальное из всего, что мне приходилось видеть в этой области» [см.: 2, с. 37–38].

По-видимому, у критики и «берлинских филистеров» были все основания находить текст «слишком мистичным и набожным»: либретто, созданное Фуке, свидетельствует о сохранении самых важных смысловых акцентов сказки, а именно – натурфилософских, мифологических и христианских. Гофман со всей бережностью отнесся к текстовой составляющей своей будущей оперы. Вспомним об эстетических убеждениях композитора, трактующего оперу как художественное единство музыкальной и литературной сфер: «Я признаю настоящей оперой только такую, в которой музыка сама собой вытекала из текста, как необходимое его дополнение» [9, с. 112]. В приведенном высказывании взаимосвязь слова, как вербального элемента образа, и музыки, за которой стоит *интонационно-ритмический эквивалент этого же образа*, можно рассматривать не только в плоскости характерного для романтизма синтеза искусств, но шире – как отражение в музыке проблемы архетипов.

К наличию архетипической подоплеки в музыкальных характеристиках устоявшихся образов, на наш взгляд, можно отнести следующие мысли Гофмана, рассуждающего об импульсе к созданию музыки – оперном либретто: «что касается до характера слов собственно, то для композитора всего лучше, если они кратко и сильно выражают положение и страсть, которые должны быть представлены. <…> Даже одно простое “прощай”

композитору, вдохновляемому не словами, а силой положений и действия, даст полную возможность выразить могущественными чертами душевное состояние молодого воина или покидаемой возлюбленной» [9, с. 128–129]. *Типичность* состояний (положений, ситуаций) рождает похожие вербальные выражения. В свою очередь, музыкальные версии этого также имеют право на некую схожесть (*типичность*) и ее психологическое обоснование. Ведь оперные образы изначально, онтологически не являются музыкальными. Они – результат бытия человека в культуре. Иными словами, являясь универсальными символами, первичными образами, они обретают музыкальную плоть «во вторую очередь». Облик этой «плоти», во-первых, определяется набором сем архетипичного образа, во-вторых, эпохой, в которую рождается произведение, и, в-третьих, личным «багажом» его создателя.

Разговор об архетипах в музыкальном искусстве возможен, по-видимому, с известной долей оговорок. Прежде всего, потому, что в музыкальной науке пока что еще не закреплен сам термин – музыкальный архетип, и такая осторожность имеет под собой все основания. Если архетип в вербальных опусах и произведениях изобразительного искусства, рожденных музой поэтов, писателей, художников, вполне можно «идентифицировать» по набору характерных сем, запечатленных соответствующими вербальными и наглядными средствами, то как проделать подобные операции применительно к музыке? Иными словами, пока не существует апробированной «методики» распознавания и анализа архетипа как такового в музыкальном искусстве.

Вместе с тем, разговор об архетипах в музыке отнюдь не невозможен, поскольку музыкальные высказывания, характеризующие тот или иной образ, того или иного героя, обладают само собой разумеющейся долей архетипичности, коль скоро являются отражением известных и свойственных всем в той или иной мере эмоций и речи. Ярким примером такого подхода является концепция Д. К. Кирнарской, изложенная ею в фундаментальном труде «Музыкальные способности» [15, с. 77–83]. Автор выделяет в числе коммуникативных архетипов четыре основных: архетип призыва, архетип прошения, архетип игры, архетип медитации [15, с. 77] и делится своими наблюдениями над звуковыми «инсталляциями» таких коммуникативных архетипов, каждый из которых имеет свой интонационный «портрет». Так, звуковой облик архетип призыва «отличается громкостью, размашистой восходящей звуковой линией, широтой диапазона» [15, с. 77]. Архетип прошения «тяготеет к умеренно тихой звучности, плавным округлым звуковым линиям; его зрительно-пространственный рисунок и моторно-пластическое наполнение напоминают фигуру поклона, реверанса, гибкого ниспадающего жеста. Вся лирическая сфера в музыке связана с архетипом прошения и опирается на его коды» [15, с. 78]. В звуковом эквиваленте архетипа игры преобладают «прерывистые, вьющиеся линии, тяготеющие к круговым движениям, равномерность ритма, увертливость жеста, скользящие моторно-пластические ассоциации. Этот архетип распространен во многих видах виртуозной музыки, в шутливых и карнавальных сценах, подразумеваемых в разных музыкальных жанрах» [15, с. 78]. В звуковом запечатлении архетипа медитации «господствует тихая звучность, бесконечные лентообразные линии, вариантное развертывание ровных, безакцентных мелодических ходов. <…> Многие религиозные песнопения в духовной музыке и, например, колыбельные песни в музыке светской – характерные примеры архетипа медитации, с которым связана вся углубленно-сосредоточенная сфера музыкального выражения» [15, с. 79].

Чрезвычайно ценными представляются наблюдения Кирнарской о социальной стороне названных коммуникативных архетипов. Так, «архетип призыва <…> обозначает общение лидера и толпы: от лидера исходит побуждающий импульс, приказ, вдохновляющий знак». Совершенно противоположным в этом смысле выступает архетип прошения: он «обозначает социальное отношение по типу: низший к высшему, слабый к сильному, зависимый к обладающему властью» [15, с. 80]. Социальный стержень архетипа игры основывается «на общении равных с равными» [15, с. 81]. Архетип медитации связан «с общением в стиле solo, когда душа говорит сама с собою» [15, с. 82]. По мысли автора, «названные коммуникативные архетипы лежат в основе основных психоэмоциональных кодов звукового общения, музыкального и речевого» [15, с. 83].

Выявленные Кирнарской основные коммуникативные архетипы в музыкальном искусстве настолько универсальны, что, пожалуй, их можно дополнить лишь подвидами, которые так или иначе будут восходить к одному из четырех обозначенных ученым видов. Поиск архетипичного в музыкальном образе главной героини «Ундины» Гофмана во многом будет основываться на предложенных исследователем «матричных» характеристиках. Вместе с тем, их можно интегрировать в предлагаемый нами своего рода путь идентификации и изучения архетипических музыкальных выражений в опере, основными этапами которого могут выступать следующие, интуитивно предполагаемые и апробированные нами на ряде оперных произведений аналитические операции:

- анализ системы архетипов литературной первоосновы и либретто оперы в возможно более полном контексте предшествующих и последующих художественных запечатлений этой системы, то есть архетипического комплекса текста[8];

- выявление и анализ «интонационного словаря», драматургических средств и средств выразительности, при помощи которых в музыкальной ткани оперы запечатлевается тот или иной архетипический образ в его различных проявлениях (семах);

- соотнесение и сравнение интонационного словаря, выразительных и драматургических средств рассматриваемого архетипического образа в конкретно взятой опере с предшествующими и последующими его воплощениями в этом жанре. Подобные ретроспективные и перспективные действия необходимы для установления повторяемости, схожести, в конечном итоге, – *типичности* музыкальных высказываний (и «инструментов» их запечатления), свойственных одному образу.

Таким образом, проблема поиска архетипических высказываний в музыке сопряжена с несколькими областями. Интонация – суть

---

[8] Необходимость рассматривать архетипы сюжета как целостную систему, естественно наследующую мировоззрение рождающей эпохи, доказывается взглядами современных ученых, исследующих специфику существования архетипов в их конкретной образной реализации: «в художественном произведении архетипы не функционируют изолированно друг от друга. Можно утверждать, что они образуют единый *архетипический комплекс текста* (курсив наш. – *Н. В.*). Сложность архетипического комплекса художественного произведения зависит от сложности самого текста, в котором могут совмещаться несколько подобных единиц, связанных с определенными мотивами и персонажами. При этом одновременное их использование может вызвать явление вариативности трансформации архетипического значения. <…> Значение архетипа является контекстуально обусловленным. Общекультурный и собственно литературный контекст позволяет доминировать одной или нескольким семам архетипа» [16, с. 31–32].

категория, в равной степени применимая как к речи, так и музыке, следовательно, сфера поисков архетипичного в музыкальном искусстве, в данном случае – опере, естественно будет связана с ней. Вместе с тем, огромное значение для проблематики образа имеют и средства музыкальной выразительности, сопровождающие и подчеркивающие «смысл» интонации: динамика, метроритм, темп, тембр и т. д. Разумеется, немалую роль играет и контекст, драматургические условия «жизни» образа. Названные сферы – интонация, средства выразительности и драматургия – будут своего рода инструментами претворения сем того или иного образа и должны находиться в поле внимания исследователя при идентификации и анализе архетипического в музыке.

Первый этап предлагаемого нами анализа – рассмотрение системы архетипов литературной первоосновы и либретто оперы – направлен на масштабное изучение образов произведения в широком культурном контексте [6]. Не имея возможности в рамках статьи представить анализ всех персонажей сказки Фуке, мы сосредоточились на главной героине. Теперь настал черед продемонстрировать предложенный выше исследовательский метод в действии на примере оперного воплощения образа Ундины. Ее музыкальный портрет демонстрирует широкую амплитуду интонаций – от лирических и фантастических до гневно-повелительных – обусловленных соответствующими чертами образа, вбирающего такие противоположные свойства, как онтологически предусмотренная способность управлять стихией и, в то же время, мягкость, чувственность, нежность в обращении к возлюбленному и простота в общении с обычными людьми.

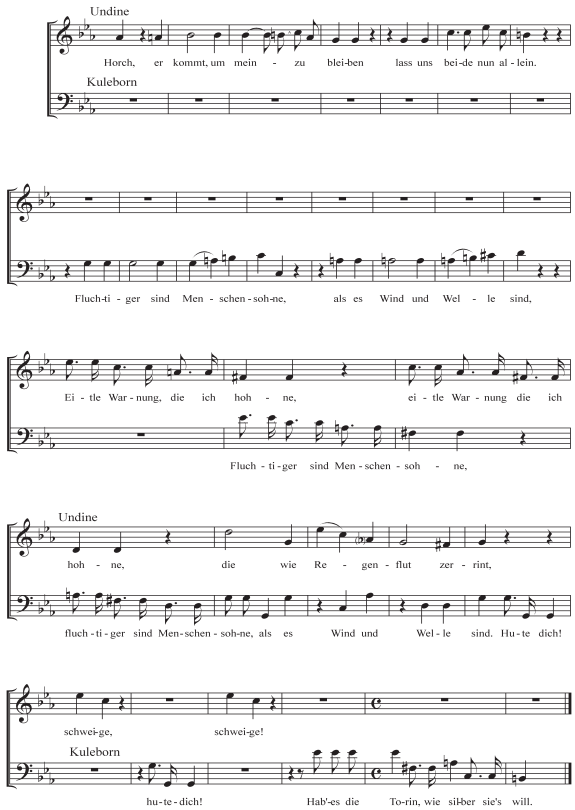
Ундина неоднократно на протяжении оперы демонстрирует твердость, властность по отношению к водным духам и Кюлеборну. Приведем в пример два фрагмента (примеры 1 и 2) из первого действия, в которых она призывает сородичей не мешать ей. И в том, и другом эпизодах – налицо архетип призыва, выраженный в декламационных ходах, отрывистых и категоричных репликах-«приказах»[9], пунктирном упругом ритме [24, s. 36–37, 38–40]. Здесь нет и следа «пения» в полном смысле слова – вместо него ярко представлен спор и противостояние, определяющий большой удельный вес не мелодических, но речевых средств[10]:

Пример 1

[9] Текст следующий: Ундина: «Тише, старый, тишина»!; Кюлеборн: «Берегись! Берегись! Волны, качайтесь, так хочет она!»; Ундина: «Чу! Он здесь, чтоб быть со мною, / Так оставь же нас вдвоем». Кюлеборн: «Неверны сыны людские / Словно вихрь и вал морской. / Берегись! Берегись!» Ундина: «Пусть слова угроз пустые / Сгинут словно снег весной. / Тише, тише!» Кюлеборн: «Хочет девчонка – получит сполна». Кюлеборн и водяные духи исчезают.

[10] Эта сторона образа Ундины претворена не только в приведенных фрагментах [24, s. 99–102]. Во всех эпизодах, где героиня противостоит навязчивой опеке Кюлеборна, она использует интонационный словарь архетипа призыва.

Пример 2



После победы в споре с родными в образе Ундины происходит удивительная метаморфоза. В обращении к Хульдбранду проявляется другая грань ее облика. Прежние властность и гнев сменяются лирикой, теплотой, напевностью, квартовые ходы и короткие реплики уступают место длинной кантиленной мелодии, широкому дыханию, распевам, украшениям, женственным опадающим секундам (пример 3)[11]. Кардинальное перевоплощение подчеркивается и тональными средствами: на смену драматичному *c-moll* приходит просветленный *C-dur* [24, s. 40–41]. Согласно разработкам Кирнарской, здесь – налицо воплощение коммуникативных архетипов медитации и прошения:

[11] Текст следующий: «Уж нет преград, закрывших счастью путь. И дышит любовью, одною любовью грудь…».

Пример 3

Важным штрихом, развивающим «живую», «человеческую» семы архетипа морской девы в музыкальной характеристике Ундины выступает ария «Ах, счастье, кто ж твоим обманом…». Обращает на себя внимание выразительные вступление (пример 4) и заключение (пример 5), обрамляющие арию – дуэт гобоя и фагота [24, s. 104, 108]: тембры деревянно-духовых инструментов становятся частыми спутниками Ундины на протяжении всей оперы, своего рода «лейтинструментами».

Пример 4

Пример 5

Важно отметить, что схожие инструментальные решения будет отличать характеристики героинь многих опер на русалочью (и близких к ней) тему. К мягкому, вкрадчивому и щемяще-тоскливому говору гобоя прибегнет А. С. Даргомыжский в инструмен-

тальном «обрамлении» партии Наташи: соло этого инструмента сопровождает один из самых впечатляющих номеров героини «Русалки» Даргомыжского – песню «По камушкам, по желту песочку…» во втором акте оперы, на свадьбе у Князя [10, с. 162–164]. Вспомним также, что группа деревянных духовых будет широко востребована Н. А. Римским-Корсаковым в характеристиках и оркестровых сопровождениях Панночки, Снегурочки, Морской Царевны, Царевны-Лебеди.

Сама ария Ундины [24, s. 104–108] выглядит как своего рода предчувствие грядущих бед. Здесь, в соответствии с текстом[12], царят лирика, мольба, размышление – атрибуты архетипов прошения и медитации (пример 6):

Пример 6

Драматургические решения музыкального портрета Ундины можно услышать и в опере Даргомыжского [4]. В «Русалке» образ Наташи вбирает в себя как повелительные, гневные интонации (одни из знаковых номеров – заклинание «Днепра царица!» [10, с. 79] из финала первого акта и ария Русалки из четвертого акта [10, с. 267–270]), так и задумчиво-лирические, медитативные, обращенные к возлюбленному («Ласковым ты словом дух мой оживляешь» [10, с. 40], «Ты все задумчив, князь, не ласков ты со мной» [10, с. 66]).

Баллада – значимый штрих в драматургии образа Ундины, в ней представлены многие семы архетипа морской девы. Во-первых, это песенное начало как таковое (безотносительно оперного жанра): вспомним, что практически во всех фольклорных и мифологических сюжетах на «русалочью» тему героиня непременно характеризуется, в том числе, через *чудесное пение*. Во-вторых, это лиричность, непосредственность, душевная открытость, выраженные через разноплановые интонации – мягкие, танцевальные, речевые и кантиленные. В-третьих, это искренность, чистосердечность, простота в общении с «простыми» людьми, что подчеркивается обилием национальных оборотов в ее интонационном «словаре» [24, s. 114–118]. Баллада Ундины наследует многие народные традиции: куплетное строение, повторяющиеся мотивы с выраженной танцевальной ритмикой, что, вместе с тем, гармонично «соседствует» с речевой выразительностью в «преамбуле» и со сложностью формы, объединяющей разного рода контрастные эпизоды (пример 7)[13].

[12] Текст следующий: «Ах, счастье, кто ж твоим обманам / Не доверял, / Носил меня по океанам / Могучий вал, / Меня волна, резвясь, качала, / И глубина, / Сокрыв, вновь к свету возвращала / От ночи дна. / Любовь всевластна над Ундиной, / Влечет ко дну, / По волнам мчалась над пучиной, / Теперь тону. / Я чувствую, грядут напасти, / Спасенья нет, / И все ж пока мне блещет счастье / Как солнца свет».

[13] Текст фрагмента баллады следующий: «Утро так ясно, / Ярки цветы, / Пышны душистые травы / Над озера шумного брегом! / Что это в травах / Блещет светло? / Цвет ли чудесный ниспослан вдруг / Небом на этот счастливый луг? / Это малое дитя / Забавляется цветами / В золотом зари сияньи. / Ах, откуда ты? Откуда? / От неведомых прибрежий / Принесла тебя волна. / Малютка, тянешь ручки тщетно, / Ничьей руки не встретишь ты, / Лишь равнодушно, безответно / Вокруг колышатся цветы. / Ничто их в мире не тревожит, / Удел цветов – благоухать, / И блеск их заменить не сможет / Тебе заботливую мать…».

Пример 7

«Народность» этого фрагмента имеет важное значение для образа Ундины в конкретно взятой опере Гофмана и для проблематики архетипичного образа морской девы в культуре вообще. При помощи народно-песенных и четко выраженных жанровых, танцевальных интонаций Гофман подчеркивает «человеческую» ипостась сложного образа своей героини, обращает внимание на теплоту, непосредственность и бескорыстность ее натуры. Использование народного «словаря» служит своего рода безотказным психологическим приемом, вызывающим у слушателя искреннюю симпатию к героине.

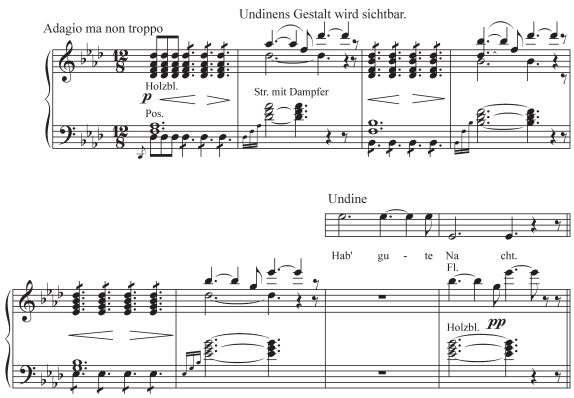
Достойна внимания *традиционность* обращения композиторов к национальному музыкальному пласту для характеристик героини в произведениях, реализующих какой-либо из вариантов сюжетов о морских девах. Так, Даргомыжский в опере «Русалка» для песни Наташи «По камушкам, по желту песочку…» на свадьбе у Князя и Княгини также прибегнет к оборотам, близким русской протяжной песне. Нет нужды особо оговаривать роль народных интонаций в характеристике Панночки Римского-Корсакова: эта сфера, наравне с флёром музыкальной сказочности, служит живительным источником, питающим такой пленительно-поэтичный, такой исконно украинский образ героини «Майской ночи». Вспомним также значение народно-песенного начала в знаменитой «Колыбельной песне» Волховы.

В опере наличествуют эпизоды, ярко характеризующие *иную* сущность Ундины, и связанные с ее волшебной ипостасью семы, – это своего рода «лейтформулы», сопровождающие превращение Ундины в облако после того, как Хульдбранд в конце второго акта не сдерживает обета не ругать ее на воде [24, s. 165], и выход Ундины из фонтана в финале третьего акта для последнего поцелуя рыцарю [24, s. 226]. Здесь Гофман, следуя натурфилософскому, мифологическому и христианскому смыслам сказки Фуке, дает слушателю представление о воде (и ее персонификации в образе Ундины) и как о дружественной, любящей, исцеляющей и прощающей стихии, наследующей крещенские смыслы христианства. В обоих случаях приведенные ниже музыкальные фрагменты несут просветление среди очень напряженных и драматичных сцен. И в финале второго акта, когда Хульдбранд проклинает свою возлюбленную (пример 8), и в заключительных тактах третьего (пример 9) вода будто растворяет в себе всю человеческую ненависть и обнимает, прощает, омывает. Достойно внимания и то, что рассматриваемые эпизоды оперы наиболее ярко характеризуют главную героиню с фантастической стороны. Приглушенные, таинственные, будто влажные «тремоло» духовых и на их колеблющемся фоне короткие «всплески» струнных дают представление о сказочной сущности образа Ундины, выступая претво-

ренным в музыке «онтологическим» контрастом предшествующему музыкальному материалу ее партии, в котором было больше от *живого* и страдающего человека, нежели от морской девы. Эффект превращения Ундины в облако выражен Гофманом звукоизобразительными и тембральными средствами: загадочной и трепетной пульсацией (почти тремоло) медных, расширяющимся диапазоном, что будто въявь живописует материализацию воздушно-водянистой субстанции, очень камерной, истаивающей динамикой:

Пример 8

Пример 9



В рамках проблемы поиска архетипичных высказываний в музыке приведем в пример близкий по эмоциональному, событийному и смысловому наполнениям фрагмент оперы «Садко», в котором Волхова, рассеиваясь туманом, оборачивается рекой [18, с. 369]. Здесь те же средства музыкальной выразительности, что и в вышеуказанных фрагментах оперы Гофмана – тремоло, приглушенная звучность, расхождение диапазона в обе стороны, постепенно захватывающее крайние верхний и нижний регистры на все затихающем нюансе *p*, что почти зрительно «рисует» рассеивание, истаивание тумана (пример 10).

Пример 10

Итак, драматургия образа главной героини в «Ундине» Гофмана базируется на нескольких пластах: лирическом, фантастическом и народном. При помощи этих сфер композитор сумел отобразить в музыке основные семы архетипа морской девы. Подчеркнем, что схожий «комплект», включающий как собственно интонационные, так и тембральные, выразительные и жанровые средства будет характеризовать уже упоминавшихся Наташу, Панночку, Волхову, а также Снегурочку и Царевну-Лебедь, то есть героинь на смежные русалочьим мифам сюжеты. Важно отметить, что мифологическая сторона образа Ундины в опере (как и в литературном первоисточнике – сказке Фуке) тесно смыкается с христианской: благодаря трактовке одной из ипостасей воды как исцеляющей – крещенской – стихии Гофман, вслед за Фуке, обогащает языческий образ Ундины глубоким христианским содержанием.

Взгляд на музыкальное воплощение Ундины в ракурсе, предложенном Кирнарской, выявляет то, что интонационный словарь образа зиждется на совмещении архетипов прошения и медитации в лирических эпизодах и архетипа призыва во фрагментах, связанных с фантастикой. Особо подчеркнем то, что схожие гофмановским интонационные решения будут отличать многих оперных героинь на тематику о морских девах. При всем наличии стилистических, инструментальных и других композиционных особенностей композиторы отражают в музыкальных портретах Ундины, Наташи, Волховы и т. д. именно эти коммуникативные архетипы, и феномен этот, на наш взгляд, обуславливается архетипичностью образа морской девы, служащей «стартовым» для всех художников импульсом.

Литература

1. Балашов Н. И. Структура стихотворения Брентано «Лорелея» и неформальный анализ // Филологические науки. – 1963. – № 3. – С. 93–107.
2. Браудо Е. М. Э. Т. А. Гофман. Очерк. – СПб.: Парфенон, 1922. – 56 с.
3. Брентано К. «На Рейне в Бахарахе» / пер. А. Ревича // Брентано К. Избранные стихотворения: пер. с нем. – М.: Радуга, 1986. – С. 16–19.
4. Верба Н. И. К проблеме архетипов в музыкальном искусстве (на примере оперы «Русалка» А. С. Даргомыжского) // Музыкальная культура глазами молодых ученых: сб. науч. тр. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 35–44.
5. Верба Н. И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие: Научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 124–128.
6. Верба Н. И. К проблеме трансформации системы архетипов сюжетов о морских девах в культуре XIX века (на примере драмы «Русалка» А. С. Пушкина) // Там же. – С. 113–117.
7. Верба Н. И. О претворении «русалочьей тематики» в культуре эпохи романтизма // Музыкальная культура глазами молодых ученых: сб. науч. тр. – СПб.: Астерион, 2010. – Вып. 5. – С. 27–32.
8. Верба Н. И. Сюжеты о морских девах в культуре романтизма: к проблеме архетипов // Там же. – С. 32–49.
9. Гофман Э. Т. А. Полное собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Тип. Майкова, 1873–1874. – Т. 1. – 212 с.
10. Даргомыжский А. С. Русалка: Опера: в 4 действиях, 6 картинах. Клавир. – М.: Музыка, 1975. – 308 с.
11. Святое Евангелие. – М.: Синодальная типография, 1921. – 328 с.
12. Жданов И. Н. «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, Вас. Остров, 5 линия, 28, 1900. – 40 с.
13. Карташова И. В. О своеобразии эстетического идеала ранних романтиков // Проблемы романтического метода и стиля: межвуз. темат. сб. – Калинин: КГУ, 1980. – С. 3–23.
14. Карташова И. В. Об эстетических и художественных открытиях раннего романтизма // Романтизм: эстетика и творчество: сб. науч. тр. – Тверь: ТвГУ, 1994. – С. 4–11.
15. Кирнарская Д. К. Музыкальные способности. – М.: Таланты – XXI век, 2004. – 493 с.
16. Кушниренко А. А. Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: мат-лы Междунар. заочной науч. конф., 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2010. – С. 30–32.

17. Лабулэ Э. О духе верований в фей в Германии и Франции // Лабулэ Э. Арабские, турецкие, чешские и немецкие сказки: в 2 т. – СПб.: Изд-во Н. И. Ламанского, отпечатанное в типографии Г. Ф. Мюллера, 1869. – Т. 2: Чешские и немецкие сказки. – С. 126–133.
18. Римский-Корсаков Н. А. Садко: Опера-былина в семи картинах: Клавир. – М.: Гос. музыкальное изд-во, 1962. – С. 369.
19. Фуке Ф. де ла Мотт. Ундина. – М.: Наука, 1990. – 554 с.
20. Фуке Ф. де ла Мотт. Ундина: Рассказ Фридриха Де-ля-Мот Фуке, изданный для русских гимназий с присоединением введения, объяснений, примечаний и словаря О. Шталем, учителем Первой Московской гимназии. – 2-е изд., испр. – М.: Типография В. Грачева и К°, 1866. – XII. – 239 с.
21. Чавчанидзе Д. Л. Романтическая сказка Фуке // Фуке Фридрих де ла Мотт. Ундина. – М.: Наука, 1990. – С. 421–471.
22. Гофман Э. Т. А. и его музыкальная деятельность // Музыка Австрии и Германии XIX века: в 3 кн. – М.: Музыка, 1975. – Кн. 1. – С. 354–390.
23. Brentano C. Lore Ley // Godwi: T. II. – Bremen, 1801 (= 1802). – S. 392–396.
24. Hoffmann E. T. A. Undine: Zauberoper in drei Akten / Von E. T. A. Hoffmann; Im Klavierauszug neu bearbeitet von H. Pfitzner. – Leipzig: C. F. Peters: [S. a.] – 246 s.
25. Ritter Peter von Stauffenberg und die Meerfeie // Arnim A. V., Brentano C. Des Knaben Wunderhorn: 2. Aufl. – Berlin: Verl. der Nation, 1974. – S. 412–438.

Literatura

1. Balashov N. I. Struktura stihotvorenija Brentano «Loreleja» i neformal'nyj analiz // Filologicheskie nauki. – 1963. – № 3. – S. 93–107.
2. Braudo E. M. Je. T. A. Gofman. Ocherk. – SPb.: Parfenon, 1922. – 56 s.
3. Brentano K. «Na Rejne v Baharahe» / nep. A. Revicha // A. Brentano K. Izbrannye stihotvorenija: perevod s nem. – M.: Raduga, 1986. – S. 16–19.
4. Verba N. I. K probleme arhetipov v muzykal'nom iskusstve (na primere opery «Rusalka» A. S. Dargomyzhskogo) // Muzykal'naja kul'tura glazami molodyh uchenyh: sb. nauch. tr. – SPb.: Asterion, 2012. – S. 35–44.
5. Verba N. I. K probleme peresechenija arhetipov sjuzhetov o morskih devah s mirovoz-zrencheskimi konstantami jepohi romantizma // Obwestvo. Sreda. Razvitie: Nauchnyj zhurnal. – 2012. – № 2. – S. 124–128.
6. Verba N. I. K probleme transformacii sistemy arhetipov sjuzhetov o morskih devah v kul'ture XIX veka (na primere dramy «Rusalka» A. S. Pushkina) // Там же. – S. 113–117.
7. Verba N. I. O pretvorenii «rusaloch'ej tematiki» v kul'ture jepohi romantizma // Muzykal'naja kul'tura glazami molodyh uchenyh: sb. nauch. tr. – SPb.: Asterion, 2010. – Vyp. 5. – S. 27–32.
8. Verba N. I. Sjuzhety o morskih devah v kul'ture romantizma: k probleme arhetipov // Tam ze. – S. 32–49.
9. Gofman Je. T. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 4 t. – SPb.: Tip. Majkova, 1873–1874. – T. 1. – 212 s.
10. Dargomyzhskij A. S.rusalka: Opera: v 4 dejstvijah, 6 kartinah. Klavir. – M.: Muzyka, 1975. – 308 s.
11. Svjatoe Evangelie. – M.: Sinodal'naja tipografija, 1921. – 328 s.
12. Zhdanov I. N. «Rusalka» Pushkina i «Das Donauweibchen» Genslera. – SPb.: Tipografija M. M. Stasjulevicha, Vas. Ostrov, 5 linija, 28, 1900. – 40 s.
13. Kartashova I. V. O svoeobrazii jesteticheskogo ideala rannih romantikov // Problemy romanticheskogo metoda i stilja: mezhvuz. temat. sb. – Kalinin: KGU, 1980. – S. 3–23.
14. Kartashova I. V. Ob jesteticheskih i hudozhestvennyh otkrytijah rannego romantizma // Romantizm: jestetika i tvorchestvo: sb. nauch. tr. – Tver': TvGU, 1994. – S. 4–11.

15. Kirnarskaja D. K. Muzykal'nye sposobnosti. – M.: Talanty – XXI vek, 2004. – 493 s.
16. Kushnirenko A. A. Semantika komponentov arhetipicheskogo kompleksa literaturnogo proizvedenija // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja: mat-ly Mezhdunar. zaochnoj nauch. konf., 19–24 aprelja 2010 g. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2010. – S. 30–32.
17. Labulje Je. O duhe verovanij v fej v Germanii i Francii // Labulje Je. Arabskie, tureckie, cheshskie i nemeckie skazki: v 2 t. – SPb.: Izdatel'stvo N. I. Lamanskogo, otpechatannoe v tipografii G. F. Mjullera, 1869. – T. 2: Cheshskie i nemeckie skazki. – S. 126–133.
18. Rimskij-Korsakov N. A. Sadko: Opera-bylina v semi kartinah: Klavir. – M.: Gos. muzykal'noe izd-vo, 1962. – S. 369.
19. Fuke F. de la Mott. Undina. – M.: Nauka, 1990. – 554 s.
20. Fuke Fridrih de la Mott. Undina: Rasskaz Fridriha De-lja-Mot Fuke, izdannyj dlja russkih gimnazij s prisoedineniem vvedenija, ob#jasnenij, primechanij i slovarja O. Shtalem, uchitelem Pervoj Moskovskoj gimnazii. – 2-e izd., ispr. – M.: Tipografija V. Gracheva i K°, 1866. – XII. – 239 s.
21. Chavchanidze D. L. Romanticheskaja skazka Fuke // Fuke Fridrih de la Mott. Undina. – M.: Nauka, 1990. – S. 421–471.
22. Je. T. A. Gofman i ego muzykal'naja dejatel'nost' // Muzyka Avstrii i Germanii – XIX veka: v 3 kn. – M.: Muzyka, 1975. – Kn. 1. – S. 354–390.
23. Brentano C. Lore Ley // Godwi. – T. II. – Bremen, 1801 (= 1802). – S. 392–396.
24. Hoffmann E. T. A. Undine: Zauberoper in drei Akten / Von E. T. A. Hoffmann; Im Klavierauszug neu bearbeitet von H. Pfitzner. – Leipzig: C. F. Peters: [S. a.] – 246 s.
25. Ritter Peter von Stauffenberg und die Meerfeie // Arnim A. V., Brentano C. Des Knaben Wunderhorn: 2. Aufl. – Berlin: Verl. der Nation, 1974. – S. 412–438.

УДК 78.067

Р. Г. Шитикова

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРОВ НОВОВЕНСКОЙ ШКОЛЫ)

Статья посвящена теоретическому обоснованию понятия «периодизация», интерпретируемого как особый вид систематизации материала. Раскрываются критерии периодизации, прослеживается их использование на примере одного из знаковых явлений музыки XX века – нововенской композиторской школы.

Ключевые слова: периодизация, критерий периодизации, музыкально-исторический процесс, эволюция творческого пути, музыкальное мышление.

R. G. Shitikova

PERIODIZATION AS A THEORETICAL PROBLEM (BASED ON THE EXAMPLE OF THE SECOND VIENNESE SCHOOL COMPOSERS' WORKS)

The article deals with the concepts of periodization, interpreted as a kind of material systematization. Criteria for periodization are disclosed, their use can be traced to the example of one of the most significant phenomenon of the XX's century music, the Second Viennese School of composition.

Keywords: periodization, criterion for periodization, musical historical process, evolution of creative development, musical thinking.

Одной из актуальных задач современной музыкальной науки является создание научно достоверной периодизации музыкально-исторического процесса в целом, отдельных его этапов и конкретных художественных феноменов. По справедливому утверждению М. С. Друскина, «периодизация – необходимое подспорье в упорядочении фактов истории, их осмыслении, классификации. Это словно нанесенный на кальку чертеж истории» [4, с. 11].

Понятие «периодизация» в широком, общеупотребительном толковании означает «деление на периоды». Период в свою очередь принято рассматривать как «промежуток времени в развитии чего-либо, характеризующийся теми или иными признаками, особенностями» [19, с. 109]. В научном плане периодизация является одним из аналитических способов познания, суть которого заключается в условном членении некоего целостного развивающегося объекта на определенные, отличающиеся друг от друга этапы с целью установления общих и индивидуально своеобразных черт каждого из них. Иными словами – это особый, специальный вид систематизации, позволяющий целенаправленно изучать в динамике явления, имеющие процессуальную природу посредством различения отдельных стадий их становления и последующей эволюции.

Периодизация как вид систематизации, базирующийся на определенных принципах упорядочения и структурирования информации, своего рода инструмент исследования востребована разными областями научного знания. Прежде всего следует выделить, разумеется, отрасль исторических дисциплин, представленную широким предметным спектром: всемирная гражданская история, история отдельных стран, этносов, история какого-либо масштабного события (например Великой французской революции конца XVIII столетия, Второй мировой войны), история экономики, техники, науки, философии, эстетики, культуры, искусства в целом и отдельных его видов, история стилей, жанров, языка, художественного мышления. Наряду с этими традиционными историческими феноменами, в качестве объектов периодизации выступают и другие явления процессуального характера. В частности, к ним относятся природные циклы, явления физики, химии, биологии, законы пространства и времени, жизненный путь человека с разграничением основных его периодов и определением их возрастных параметров, процессы психического, интеллектуального, творческого, физического развития, образовательный и воспитательный контенты.

Множественностью и разноплановостью объектов периодизации обусловлено различие оснований, критериев дифференциации. Так, наиболее известными в периодизации истории являются формационный, цивилизационный, модернизационный, неоэволюционный и мир-системный подходы. Применительно к первобытной истории широко используется археологическая периодизация, базирующаяся на сопоставлении изготовленных человеком орудий труда, их материалов, форм жилищ, захоронений и т. д.[14].

[14] Концепции формационного, цивилизационного, модернизационного, неоэволюционного и мир-системного подходов представлены в следующих работах: Семенов Ю. В. Введение во всемирную историю: в 3 вып. – М.: Изд-во МФТИ, 1997–2001. – 602 с.; Его же. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.; Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: в 6 т. – М.: Институт экономических стратегий, 2006–2009. – 3994 с.; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М.: Инфомарт, 1994. – 115 с.; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование раз-

Три основные стадии выделяются в эволюции философского мировоззрения: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм. Четыре ряда изменений: филогенез, антропогенез, онтогенез и микрогенез – лежат в основе существующих сегодня многочисленных периодизаций психологии развития человека[15]. В области подготовки спортсменов, построении тренировочного процесса во многих видах спорта принято различать тренировочную сессию, микро-, мезо- и макроциклы, а также линейное, нелинейное и волновое циклирование нагрузок[16].

вития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2007. – 224 с.; Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М.: Логос, 2000. – 368 с.; Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с. Об археологической периодизации см.: Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. – СПб.: Бельведер, 2004. – 472 с.; Его же. История археологической мысли: в 2 т. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. – 1314 с.

[15] О различных видах дифференциации применительно к эволюции философского мировоззрения и психологии развития человека см., в частности: Якушев А. В. Философия. – М.: Приор-издат, 2004. – 224 с. – С. 4; Сапогова Е. Е. Психология развития человека. – М.: Аспект пресс, 2001. – 460 с.

[16] Проблемы периодизации тренировочного процесса в различных видах спорта рассмотрены в работах: Матвеев Л. П. Проблемы периодизации спортивной тренировки. – М.: Фис, 1964. – 247 с.; Бондарчук А. П. Периодизация спортивной тренировки. – Киев: Олимпийская литература, 2005. – 304 с.; Платонов В. Н. Теория периодизации подготовки спортсменов высокой квалификации в течение года: предпосылки, формирование, критика // Наука в олимпийском спорте. Международный научно-теоретический журнал. – 2008. – № 1. – С. 3–23.

Многообразные типы и разновидности периодизации широко используются и в сфере художественной культуры, искусства, в том числе музыкального. Наиболее распространена периодизация на основе *хронологических критериев*, позволяющая вычленить отдельные этапы развития искусства в целом и отдельных его видов. Именно такой подход положен в основу фундаментального десятитомного труда «История русской музыки» [5], базирующегося на общих принципах, установившихся в отечественной исторической науке. Соответственно авторы рассматривают музыку Древней Руси XI–XVII веков, с особым выделением XVII столетия как переломного в русской культуре, и далее XVIII, первой, второй четвертей и второй половины XIX, и наконец рубежа XIX–XX веков. В той же логике выполнено масштабное исследование «История современной отечественной музыки», первый выпуск которого охватывает период 1917–1941 годов, второй – 1941–1958, третий – 1960–1990 [6]. Историко-хронологический принцип положен также в основу предложенной Т. Н. Левой периодизации истории отечественной музыки второй половины XX века. Три основных раздела – «Музыкальное творчество и культура “оттепели”», «70–80-е годы», «Постсоветское музыкальное пространство» соответствуют, по мнению автора, трем историческим вехам, пройденным нашей страной в это время, и позволяют «наиболее наглядно представить образ отечественной культуры тех лет – воссоздать ее внутреннюю динамику, ее движущие импульсы и контрасты, представить композиторское творчество в контексте сложных социально-психологических и художественных процессов» [12, с. 10].

Вопросам периодизации истории зарубежной музыки XX века специально посвящена статья М. С. Друскина, в которой приведены точки зрения зарубежных исследователей К. Вернера, П. Коллара, У. Остина,

З. Борриса и дана собственная научно обоснованная концепция музыкально-исторического процесса прошлого столетия. Устанавливая «хронологические грани общего потока», давая его «условный "чертеж"», автор выделяет три больших исторических периода: рубеж 1880–1890-х –1918; 1919–1945; с 1945 года, анализирует ведущие тенденции каждого из них [4, с. 10–51].

Применительно к конкретному автору хронологическая концепция периодизации реализуется в классическом своем варианте: ранний / начальный, средний / зрелый, поздний периоды творчества, акцентируя тем самым проблему эволюции творческого пути, ее направленность и основные тенденции.

Своего рода уточняющим дополнением к данному виду является «привязка» к месту проживания автора, так называемый *географический критерий.* В качестве примера можно привести периоды: лицейский, петербургский, южной ссылки, ссылки в Михайловское, московский, Болдинскую осень А. С. Пушкина. В этом же ряду веймарский, кётенский и лейпцигский периоды творчества И. С. Баха, варшавский и парижский – Ф. Шопена, русский и зарубежный – С. В. Рахманинова, И. Ф. Стравинского, французский и американский – Э. Вареза, таллинский и берлинский – А. Пярта.

Другой вид систематизации – *культурологический* – обусловлен фиксацией смены типов культуры, порождающей новые концепции творчества, его содержания и форм. Данный вид периодизации основывается на подходах, выработанных в исторической науке, в частности циклическом О. Шпенглера, теории локальных цивилизаций А. Тойнби, культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского, суперсистемах П. Сорокина, на идеях К. Ясперса[17]. При этом следует иметь в виду, что периодизация культурно-исторического процесса отличается от собственно исторической гораздо большей гибкостью и разнообразием, поскольку первая отражает состояние культуры, вторая – динамику общественного развития в целом. Кроме того периодизации эти не совпадают в масштабном измерении. Так, например, исторический период Средних веков включает культуру и Средневековья и Ренессанса. Мегацикл Нового времени охватывает эпохи барокко, классицизма и романтизма. Значимость культурологического подхода обусловлена тем, что установление культурно-исторических координат позволяет целенаправленно сконцентрироваться на формах отражения духовного состояния общества средствами художественной культуры.

Взаимосвязана с двумя предыдущими и вместе с тем имеет самостоятельную исследовательскую территорию периодизация художественного процесса по *эстетико-стилевым критериям* (например, различение Возрождения, барокко, классицизма, романтизма, импрессионизма, экспрессионизма), ориентирующая на изучение как самого

[17] Данные подходы изложены в следующих трудах упомянутых авторов: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1: Гештальт и действительность. – 668 с.; Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 606 с.; Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. – 812 с.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.; Его же. Социокультурная динамика. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 344 с.; Его же. Социологические теории современности. – М.: ИНИОН, 1992. – 193 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.; Философия культуры: Становление и развитие. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.

устройства стилевых систем, так и исторической динамики стилей. Этот маршрут содействует значительному углублению представлений об истории музыки, в которой, по справедливому замечанию Е. В. Назайкинского, «стилевые смены играли большую, отнюдь не просто выявляемую роль» [14, с. 16].

Еще одним основанием для периодизации выступает *философский критерий*, поскольку мировоззрение автора, его эволюция, несомненно, определяют механизм формирования и развития основных, концептуальных художественных идей. Так, в мировоззренческой и, соответственно, творческой эволюции Л. Н. Толстого исследователи выделяют четыре периода: «1) ранний этап творчества – начало становления мировоззрения Толстого, в котором только зарождались и оформлялись в художественной форме его гуманистические убеждения (40–60-е гг. XIX в.); 2) этап завершения становления мировоззрения Толстого (60–70-е гг. XIX в.), на котором сформировались его взгляды на исторический процесс, сложились представления о скрытых пружинах социальной жизни; 3) время нравственно-религиозного переворота в сознании Толстого (конец 70–80-е гг. XIX в.), когда им были сформулированы его основные философские и религиозные идеи – о принципах ненасильственного устройства жизни, о Боге, религии и нравственности; 4) проповеднический этап (конец 80-х гг. XIX в. – 1910 г.), когда окончательно оформились взгляды Толстого на бытие природы, общества и человека и во всей полноте развернулась его проповедническая деятельность» [17, с. 3].

Смена философско-эстетических принципов служит ориентиром и в периодизации творчества А. С. Пушкина, предложенной Ю. М. Лотманом [13].

В основе многочисленных периодизаций творчества Б. Бартока [18, с. 28–48] также прослеживается сложный мировоззренческий путь, пройденный композитором-философом «от неистового атеизма до глубокой и мудрой религиозности» [18, с. 20], подтвержденный последовательной ориентацией на «“очищение” пласт за пластом современного искусства от декадентски-эсхатологических настроений “конца мира” и <...> возвращение к первозданным истокам культуры, утверждающей философско-мифологическую идею “обновления мира”» [18, с. 13].

Существенным посылом для дифференциации служат также перемены в области *художественно-творческого мышления*, проявляющиеся в кардинальном обновлении языка, систем его логической организации. В музыкальном искусстве к такого рода периодизации относится, например, различение эпох монодии, полифонии, гармонии, новых техник композиции в XX–XXI столетиях. В отдельных случаях используются *жанрово-стилистические критерии*.

Наконец, встречаются периодизации по *масштабным, знаковым произведениям*. Так, в одном из вариантов анализа эволюции творческого пути Микеланджело Буонарроти обращает на себя внимание обозначение границы второго периода – «От римского “Оплакивания” до “Матфея”», завершение третьего – «Сикстинским плафоном», четвертого – «Гробницей Юлия II», что позволяет раскрыть общую направленность поисков художника [25].

Каждый из видов периодизации рассматриваемого явления, выделение внутри него базовых единиц-циклов акцентирует отдельные его отличительные особенности, которые в свою очередь обусловливаются основанием, критерием периодизации. Выбор же критерия определяется целями и задачами исследования.

Рассмотрим использование обозначенных видов периодизации применительно к одному из знаковых явлений музыки XX века – творчеству композиторов нововенской школы.

Прежде всего следует подчеркнуть, что само выделение этого объекта есть результат периодизации музыкально-исторического процесса по двум критериям: эстетико-стилевому и смены типа художественно-творческого мышления. Концептуальным основанием для дифференциации служит сам феномен нововенской школы как культурно-исторического явления, принципиально отличающегося от предыдущего периода развития музыкального искусства и обозначающего рождение нового «художественного движения» (определение М. С. Друскина), именуемого «музыкальный экспрессионизм». Несмотря на то что экспрессионистский модус прослеживается в творчестве Р. Штрауса («Саломея», «Электра»), Б. Бартока («Чудесный мандарин»), А. Н. Скрябина («Поэма экстаза», «Прометей», поздние фортепианные сонаты), П. Хиндемита («Убийца – надежда женщин», «Святая Сусанна»), Э. Кшенека («Прыжок через тень»), С. С. Прокофьева («Семеро их», «Огненный анел»), Д. Д. Шостаковича («Нос»), именно в этой школе он обрел наиболее отчетливые, законченные черты: формально-структурные, музыкально-языковые и, главным образом, – содержательные.

Небывалый прежде сложный контрапункт различных мировоззренческих и социальных позиций, индивидуальных стилей, художественных постулатов обусловливает предельную контрастность эстетико-философских координат и «эмоционального прочтения» эпохи в музыке нововенцев – от апокалиптических мотивов «конца света» до идеи рождения нового мира; от ощущения нестерпимого ужаса, отчаяния, одиночества, беззащитности перед лицом вселенской катастрофы до воспевания братства людей, которое должно родиться в результате испытаний. Повышенная чуткость к трагедийному содержанию окружающих реалий, драматически напряженное восприятие современности, исследование глубин сознания в условиях кризисной ситуации, в состоянии чрезвычайно острого, непримиримого конфликта с миром, соседствуют с пафосом бунтарства, обличения, уничтожающей критики существующего миропорядка. Утверждение духовной самостоятельности осуществляется нововенцами в процессе переоценки ценностей, отрицания этического универсализма культуры XIX века. Центральная в искусстве всех эпох проблема личности интерпретируется ими в острой полемике с классической концепцией человека. Доминирование социально-психологических установок творчества предопределяет «преувеличенность» экспрессии музыкального выражения, субъективный модус видения действительности, возрастание интроспекции в творческом методе.

Другим основанием для обособления нововенской школы служит радикальный и подчеркнутый разрыв с традицией, приводящий к коренному преобразованию всей системы художественного мышления, характеризующегося превалированием рационально-логического начала, особой концентрированностью информации, подчеркнутым отрицанием инерционности, дистанцированием от основных параметров музыкального языка XVIII–XIX веков.

Самостоятельную специальную проблему в рассматриваемом контексте представляет также установление внутренней периодизации самого движения к новой концепции языка, его содержания, структуры, интонационной парадигмы. Вполне закономерно, что при градуировании в данном случае целесообразно ориентироваться на творчество главы школы А. Шёнберга. Именно с ним в первую очередь связывается кардинальное переосмысление гармонического мышления, вертикальной и ритмической организации музыки, принципов композиции. Перестройка всей системы осуществляется в процессе

его стремительной эволюции от позднеромантической стилистики (1899–1908) к децентрализованным структурам атональности, свободной двенадцатитоновости (1909–1922) и, наконец, к серийной технике (с 1923 года). Напомним, что первые додекафонные сочинения у А. Веберна появляются в 1925 году (Три народных текста для голоса, скрипки/также альта, кларнета и бас-кларнета ор. 17), у А. Берга в 1926 году (Лирическая сюита для струнного квартета).

Последующее развитие музыкально-языковой области обретает в творчестве нововенцев многовекторный характер, что обусловлено ярко выраженным своеобразием индивидуальных маршрутов: возвращением в лоно обновленной тональности А. Шёнберга, дальнейшим углублением у А. Веберна идеи додекафонии, приводящей к тотальной серийности, сериализму, пуантилизму, структурализму, которые в свою очередь открывают путь к интегральной, электронной, алеаторной и другим авангардным композиционным техникам второй половины XX – начала XXI столетия.

Относительно периодизации творчества отдельных представителей нововенской школы в современном музыкознании, как известно, высказываются различные точки зрения. Несовпадение суждений объясняется в том числе и тем, что для разграничения берутся неодинаковые критерии. Так, Ю. Г. Кон в очерке об А. Шёнберге, основываясь на «географическом» параметре, выделяет в эволюции композитора венский (до 1925 года), берлинский (1926–1933) и американский (с 1933 года) этапы [7]. В этой же работе исследователь прибегает и к другому критерию – смене типов музыкального мышления, инициирующей появление новых систем логической организации музыкального языка. При таком подходе ученый различает тональный (до 1908 года), атональный (до 1918 года), «техники ряда» (1920–1923) и додекафонный (с 1923 года) периоды. Аналогичные замечания о несходстве, рассогласованности вех жизненного и творческого пути выдвигает и С. С. Павлишин [16, с. 372; 15]. Три периода – тональный (с 1897 года), атональный (с 1909 года) и додекафонный (с 1923 года) – отмечает в эволюции музыкального языка А. Шёнберга также Р. Г. Лаул [10; 11]. Исходя из этого же основания Н. О. Власова дифференцирует тональный (1890-е годы – 1906), атональный (1907 – конец 1910-х), додекафонный (1920 – начало 1930-х) и постдодекафонный (начало 1930-х – 1951) периоды [2].

Как видим, периодизации творчества А. Шёнберга, предлагаемые Ю. Г. Коном, Р. Г. Лаулом и Н. О. Власовой, по критерию перемен в области музыкального языка, в целом близки, разнясь лишь в деталях. Так, Н. О. Власова двумя годами раньше датирует начало атонального периода, причисляя к нему Второй струнный квартет *fis-moll* ор. 10, 1908 года. Точкой отсчета додекафонного письма Ю. Г. Кон и Р. Г. Лаул называют 1923 год. Однако Ю. Г. Кон при этом вычленяет перед собственно додекафонным период «техники ряда». Р. Г. Лаул относит произведения этих лет – с 1920 по 1923 год (Пять пьес для фортепиано ор. 23, Серенада для баритона и семи инструментов ор. 24, Сюита для фортепиано ор. 25, Квинтет для духовых ор. 26) – к додекафонному периоду, поскольку все они были завершены в 1923. Н. О. Власова классифицирует позднее творчество (от начала 1930-х годов) как постдодекафонное, мотивируя эту градацию появлением новых тенденций в музыкальном мышлении композитора.

Сам А. Шёнберг определяет этапы своего пути следующим образом: первый период – до 1908 года, второй – 1908–1932, третий – после 1932 года [24, с. 343].

Несколько подходов – хронологический, эволюция мировоззрения, изменения в сфере музыкального языка и по знаковым про-

изведениям – приняты к периодизации творчества А. Берга. Так, Д. Д. Воробьев рассматривает творческий метод композитора в контексте его идейной эволюции [3]. Согласно музыкально-языковому критерию Р. Г. Лаулом дифференцируются тональный, атональный и додекафонный этапы. Первый включает Сонату для фортепиано ор. 1 (1908) и Четыре песни для голоса и фортепиано на тексты разных авторов ор. 2 (1909); второй – Струнный квартет ор. 3 (1910), Пять песен для голоса и оркестра на тексты почтовых открыток П. Альтенберга ор. 4 (1912), Четыре пьесы для кларнета и фортепиано ор. 5 (1913), Три пьесы для оркестра ор. 6 (1914), «Воццек» ор. 7 (1914–1921), Камерный концерт (1925); третий – Лирическую сюиту для струнного квартета (1926), оперу «Лулу» (1929–1935), Лулу-симфонию (1934), Концерт для скрипки с оркестром (1935) [8].

Подход М. Е. Тараканова, основанный на акцентировании знаковых произведений, позиционирует два периода в творческом пути композитора. Первый охватывает начальные шесть опусов, созданные до оперы «Воццек»; второй включает саму эту оперу и последующие сочинения [20, 21]. Такой подход рельефно вычерчивает траекторию художественных поисков композитора, акцентирует их кульминационные точки.

Особо выделяется в контексте рассматриваемой проблемы периодизация Ю. С. Векслер, представленная в ее монографии «Альбан Берг и его время: опыт документальной биографии» [1]. В центре внимания автора – проблемы рецепции А. Берга, соотнесение творческой биографии композитора с логикой историко-культурных процессов его времени, а также анализ этапов становления нововенской школы. Опираясь на историко-эволюционный метод, исследователь детально прослеживает формирование личности А. Берга, его мировоззрения, художественных склонностей и творчество от детских и юношеских лет – «Пути самопознания», поры обучения – «Ученик Шёнберга», через годы за порогом ученичества – «В поисках самостоятельности», «Вторая профессия», ко времени работы над оперой «Воццек» – «Сочинитель “Воццека”» с анализом довоенных опусов: Фортепианной сонаты ор. 1, Струнного квартета ор. 3 и Трех оркестровых пьес ор. 6. Далее следуют «Эра додекафонии», «От “Воццека” к “Лулу”», включая замысел оперной трилогии «Три В.», Камерный концерт, Лирическую сюиту и, наконец, «Последние годы жизни», посвященные истории создания оперы «Лулу» на фоне все более обостряющейся политической ситуации в Австрии 30-х гг., Лулу-симфонии и Концерта для скрипки с оркестром. На основании обширного круга неизвестных ранее документальных архивных источников, среди которых переписка с А. Веберном, венским Универсальным издательством и его сотрудниками, с Э. Клайбером, Т. Адорно, З. Кракауэром и другими современниками, дневники, записные книжки, нотные рукописи, в том числе эскизы и наброски к завершенным и незавершенным сочинениям, композиторская библиотека, – Ю. С. Векслер уточняет становление и последующую эволюцию авторской индивидуальности и эстетических воззрений А. Берга, историю создания и восприятия его сочинений.

Различные виды периодизации задействованы исследователями и применительно к творчеству А. Веберна. Так, в соответствии с критерием смены систем логической организации музыкального языка Р. Г. Лаул различает три периода в эволюции музыкального мышления композитора [9, с. 359]. Первый из них – тональный, охватывает сочинения до ор. 2 включительно. Второй содержит все атональные произведения (ор. 3–16) и четыре первых додекафонных сочинения (ор. 17–20).

Третьему периоду (ор. 21–31) свойственна полная независимость от А. Шёнберга в использовании додекафонии.

Жанрово-стилистические принципы избирают для периодизации творчества А. Веберна В. Н. и Ю. Н. Холоповы. Ученые рассматривают первый, ранний период (1907–1914), представленный произведениями различных, преимущественно инструментальных жанров (ор. 1–11). При этом специально подчеркивают самостоятельное положение двух первых опусов как сочинений тональных и тем отличающихся от остальных, атональных композиций [23, с. 210]. Примечательно также, что в монографии «Антон Веберн. Жизнь и творчество» те же авторы особо выделяют роль Пассакалии ор. 1 как вступления ко всему творчеству А. Веберна. Второй – средний период (1914–1926) – репрезентируют сочинения исключительно вокальные (ор. 12–19). Третий период (1927–1945) характеризуется разнообразием жанров (ор. 20–31). Кроме того в этой же монографии использован и еще один подход – хронологический, на основании которого выделены «Юность», «Скитания», с особым акцентом на венском периоде (1908–1910) как одном из самых плодотворных у композитора, и «Изоляция» [22, с. 50, 51, 84].

Как показывает анализ, непременным компонентом исследования жизни и творчества композитора является хронологическая периодизация и в отдельных случаях – географическая ее конкретизация. Применительно к представителям нововенской школы обязательным становится критерий смены типов мышления, систем логической организации музыкального языка. Подходы жанрово-стилистический и по знаковым произведениям оказываются факультативными, отражающими индивидуальность, своеобразие авторского творческого пути.

В заключение еще раз подчеркнем, что цель любой периодизации – обозначить на линии развития точки, отделяющие друг от друга качественно своеобразные периоды, и тем самым систематизировать процесс становления и последующей эволюции какого-либо объекта – будь то масштабный, широко развернутый во времени исторический континуум или конкретное явление, имеющее процессуальный характер. Вместе с тем не следует забывать, что, по справедливому наставлению М. С. Друскина, «при всей своей обобщенности периодизация должна основываться на конкретном и всестороннем изучении фактов. В цепи явлений обнаруживается главное звено, выясняется его генерализирующая роль на данном историческом этапе. Но, отвлекаясь от частностей, формализуя процесс, надо помнить, что хронологические рамки каждого этапа подвижны: “чертеж” условен и его нельзя превращать в незыблемую схему» [4, с. 11]. Несмотря, однако, на условность и схематизм, отличающие и сопровождающие всякого рода систематизации, периодизация является эффективным инструментом, своего рода вспомогательным научным методом познания, позволяющим достаточно адекватно выявить движущие силы процесса и проследить их дальнейшее развитие. Немаловажно также, что каждый из критериев дает возможность высветить отдельные стороны рассматриваемого явления, совокупность же подходов – создать его целостный портрет.

Литература

1. Векслер Ю. С. Альбан Берг и его время: опыт документальной биографии. – СПб.: Композитор, 2009. – 1136 с.
2. Власова Н. О. Творчество Арнольда Шёнберга. − М.: ЛКИ, 2007. − 528 с.

3. Воробьев Д. Д. Идейная эволюция и творческий метод А. Берга (1921–1935): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Л.: ЛГК, 1980. − 24 с.
4. Друскин М. С. О периодизации истории зарубежной музыки XX века // Друскин М. С. Исследования. Воспоминания. – Л.; М.: Советский композитор, 1977. – С. 10–51.
5. История русской музыки: в 10 т. − М.: Музыка, 1983–1997.
6. История современной отечественной музыки: в 3 вып. – М.: Музыка, 1995–2001.
7. Кон Ю. Г. Шёнберг // Музыка XX века: Очерки: в 2 ч. – М.: Музыка, 1984. – Ч. 2, кн. 4. – С. 401–425.
8. Лаул Р. Г. Альбан Берг (1885–1935) // История зарубежной музыки. – СПб.: Композитор, 1999. – Вып. 6. – С. 336–357.
9. Лаул Р. Г. Антон Веберн // Там же. – С. 358–368.
10. Лаул Р. Г. Арнольд Шёнберг (1874–1951) // Там же. – С. 304–335.
11. Лаул Р. Г. О творческом методе А. Шёнберга // Вопросы теории и эстетики музыки. − Л.: Музыка, 1969. – Вып. 9. – С. 41–70.
12. Левая Т. Н. Предисловие // История современной отечественной музыки второй половины XX века. – СПб.: Композитор, 2005. − С. 7–12.
13. Лотман Ю. М. Пушкин. − СПб.: Искусство, 1995. − 847 с.
14. Назайкинский Е. В. Стиль и жанр в музыке. – М.: Владос, 2003. – 248 с.
15. Павлишин С. С. Арнольд Шёнберг. – М.: Композитор, 2001. – 477 с.
16. Павлишин С. С. Творчество А. Шёнберга 1899–1908 гг. // Музыка и современность. – М.: Музыка, 1969. – Вып. 6. – С. 372–402.
17. Рачин Е. И. Истоки и эволюция мировоззрения Л. Толстого: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – М.: Москов. гос. ин-т электроники и математики (Техн. ун-т), 1997. – 39 с.
18. Сигитов С. М. Духовный строй музыки Белы Бартока: Философско-аналитическое исследование. − СПб.: Сударыня, 2003. − 256 с.
19. Словарь русского языка: в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – Т. 3. – 752 с.; С. 109.
20. Тараканов М. Е. Берг // Музыка XX века ... С. 425–445.
21. Тараканов М. Е. Музыкальный театр Альбана Берга. − М.: Советский композитор, 1976. − 559 с.
22. Холопова В. Н., Холопов Ю. Н. Антон Веберн. Жизнь и творчество. – М.: Советский композитор, 1984. – 330 с.
23. Холопова В. Н., Холопов Ю. Н. Веберн // Музыка XX века ... С. 445–466.
24. Шёнберг А. Письма / сост. и публ. Э. Штайна; пер. В. Шнитке; общ. ред. М. С. Друскина. – СПб.: Композитор, 2001. – 464 с.
25. http://www.abc-people. com/data/michelangelo/tvo2.htm

Literatura

1. Veksler Ju. S. Al’ban Berg i ego vremja: opyt dokumental’noj biografii. – SPb.: Kompozitor, 2009. – 1136 s.
2. Vlasova N. O. Tvorchestvo Arnol’da Shjonberga. – M.: LKI, 2007. – 528 s.
3. Vorob’ev D. D. Idejnaja jevoljucija i tvorcheskij metod A. Berga (1921–1935): avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. – L.: LGK, 1980. – 24 s.
4. Druskin M. S. O periodizacii istorii zarubezhnoj muzyki XX veka // Druskin M. S. Issledovanija. Vospominanija. – L.; M.: Sovetskij kompozitor, 1977. – S. 10–51.
5. Istorija russkoj muzyki: v 10 t. – M.: Muzyka, 1983–1997.
6. Istorija sovremennoj otechestvennoj muzyki: v 3 vyp. – M.: Muzyka, 1995–2001.

7. Kon Ju. G. Shjonberg // Muzyka XX veka: Ocherki: v 2 ch. – M.: Muzyka, 1984. Ch. 2, kn. 4. – S. 401–425.
8. Laul R. G. Al'ban Berg (1885–1935) // Istorija zarubezhnoj muzyki. – SPb.: Kompozitor, 1999. – Vyp. 6. – S. 336–357.
9. Laul R. G. Anton Vebern // Tam zhe. – S. 358–368.
10. Laul R. G. Arnol'd Shjonberg (1874–1951) // Tam zhe. – S. 304–335.
11. Laul R. G. O tvorcheskom metode A. Shjonberga // Voprosy teorii i jestetiki muzyki. – L.: Muzyka, 1969. – Vyp. 9. – S. 41–70.
12. Levaja T. N. Predislovie // Istorija sovremennoj otechestvennoj muzyki vtoroj poloviny XX veka. – SPb.: Kompozitor, 2005. – S. 7–12.
13. Lotman Ju. M. Pushkin. – SPb.: Iskusstvo, 1995. – 847 s.
14. Nazajkinskij E. V. Stil' i zhanr v muzyke. – M.: Vlados, 2003. – 248 s.
15. Pavlishin S. S. Arnol'd Shjonberg. – M.: Kompozitor, 2001. – 477 s.
16. Pavlishin S. S. Tvorchestvo A. Shjonberga 1899–1908 gg. // Muzyka i sovremennost'. – M.: Muzyka, 1969. – Vyp. 6. – S. 372–402.
17. Rachin E. I. Istoki i jevoljucija mirovozzrenija L. Tolstogo: avtoref. dis.... d-ra filosof. nauk. – M.: Mosk. gos. in-t jelektroniki i matematiki (Tehn. un-t), 1997. – 39 s.
18. Sigitov S. M. Duhovnyj stroj muzyki Bely Bartoka: Filosofsko-analiticheskoe issledovanie. – SPb.: Sudarynja, 2003. – 256 s.
19. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Russkij jazyk, 1983. – T. 3. – 752 s.
20. Tarakanov M. E. Berg // Muzyka XX veka ... S. 425 –445.
21. Tarakanov M. E. Muzykal'nyj teatr Al'bana Berga. – M.: Sovetskij kompozitor, 1976. – 559 s.
22. Holopova V. N., Holopov Ju. N. Anton Vebern. Zhizn' i tvorchestvo. – M.: Sovetskij kompozitor, 1984. – 330 s.
23. Holopova V. N., Holopov Ju. N. Vebern // Muzyka XX veka ... S. 445–466.
24. Shjonberg A. Pis'ma / sost. i publ. Je. Shtajna; per. V. Shnitke; obw. red. M. S. Druskina. – SPb.: Kompozitor, 2001. – 464 s.
25. http://www.abc-people. com/data/michelangelo/tvo2.htm

УДК 781

Е. А. Толстая

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФОРТЕПИАННОГО ТВОРЧЕСТВА Д. А. ТОЛСТОГО

В многочисленном творческом наследии петербургского композитора Дмитрия Алексеевича Толстого (1923–2003) особая роль принадлежит произведениям для фортепиано. В них отражены эстетические взгляды автора – продолжателя классических традиций, чуждого авангардным открытиям XX века, его понимание музыкально-выразительного языка.

Фортепианное творчество Д. А. Толстого развивает классические достижения фортепианного жанра в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: Серебряный век, ладотональное мышление, мелодическое начало, фактурная организация, полифоническое мышление, большая полифоническая форма, сонатная форма, жанр прелюдии, программный фортепианный цикл, музыкальная семантика.

E. A. Tolstaya

THE ARTISTIC SIGNIFICANCE OF PIANO WORKS OF D. A. TOLSTOY

In numerous works of artistic heritage of St. Petersburg composer Dmitri Alekseevich Tolstoy (1923–2003) a special role belongs to works for piano. They reflect the aesthetic views of the author, successor of the classical tradition, no stranger to the avant-garde discoveries of the twentieth century, his understanding the musical expressive language.

The piano creativity of D. A. Tolstoy develops the classical achievement of the pianoforte genre in the postmodern era.

Keywords: The Silver Age, tonal thinking, melodic, textural organization, polyphonic thinking, polyphonic form, sonata form, genre of prelude, programmatic piano cycle, musical semantics.

Дмитрий Алексеевич Толстой (1923–2003) – сын выдающегося писателя А. Н. Толстого и поэтессы Н. В. Крандиевской-Толстой – принадлежит к уходящему ныне замечательному поколению российских композиторов второй половины XX века. Разносторонне одаренный человек, получивший образование в Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова у П. Б. Рязанова, М. О. Штейнберга, Б. А. Арапова, Д. Д. Шостаковича, он являлся типичным представителем потомственного русского интеллигента и оставил заметный след во многих сферах духовной жизни России: как талантливый композитор – автор более ста тридцати пяти опусов, замечательный пианист – исполнитель, прежде всего, своих произведений, яркий музыкальный писатель, критик, исследователь и как блистательный педагог – любимец студентов Петербургской консерватории.

Будучи с детских лет окруженным высокоинтеллектуальной, творческой средой, он был знаком со многими интереснейшими людьми своей эпохи – композиторами, писателями, музыкантами-исполнителями, режиссерами, учеными, о чем увлекательно повествуется в книге его воспоминаний «Для чего все это было», которую критики оценили как яркое явление отечественной мемуарной литературы конца прошлого столетия [8]. Все это нашло отражение в композиторском творчестве Д. А. Толстого – главном деле его жизни. Тем не менее, в искусствоведческой науке должного внимания произведениям и личности Д. А. Толстого не уделено. Исключение составляют небольшая книга «Дмитрий Толстой» И. В. Белецкого, изданная еще в 1959 году, и вышедшая в 2003 году монография Г. П. Овсянкиной «Фортепианный цикл в отечественной музыке второй половины XX века: школа Д. Д. Шостаковича», где отдельные разделы посвящены фортепианной музыке композитора в контексте ее связи с традициями Мастера [2; 7].

Д. А. Толстой до конца своих дней продолжал работать с титанической творческой отдачей. Его послужной список охватил практически все жанры. Им написаны оперы, симфония, инструментальные концерты, струнные квартеты, трио для разных составов, секстет, скрипичные и виолончельные сонаты, кантаты, оратория, камерно-вокальные циклы, музыка к драматическим спектаклям и кинофильмам и т. д. Однако особую область творчества Д. А. Толстого составляют фортепианные произведения. Только сонат композитором было создано тридцать (1945–2001), из которых первые двадцать четыре написаны во всех тональностях и представляют собой не имеющий аналогов *макроцикл.* Фортепианное наследие включа-

ет также Двадцать четыре прелюдии (1961), Шесть прелюдий-бурлесок (1975), Тридцать инвенций (1981–83), свыше пятидесяти пьес для детей, объединенных в программные циклы: «Сказки Андерсена» (1962), «Пестрые листки: Альбом фортепианных пьес для юношества» (1964) и «Зеленая тетрадь: Альбом маленьких фортепианных пьес для детей и юношества» (1987). И дело не только в «количественном показателе», а в том, что в фортепианных произведениях исключительно полно отражены эстетические взгляды автора – продолжателя классических традиций, чуждого авангардным открытиям XX века, его понимание музыкально-выразительного языка.

Цель данной статьи заключается в стремлении выявить художественную значимость фортепианных сочинений Д. А. Толстого в отечественной музыкальной культуре. Анализируя эту область его творческого наследия, надо исходить, с одной стороны, из общеэстетических и мировоззренческих позиций композитора, с другой – из особенностей стиля фортепианных произведений, в которых в эпоху постмодерна развиваются классические жанры и формы.

Музыкальная культура XX века представляет собой пеструю картину, совмещающую обилие стилей и направлений. Однако в целом в ней можно выявить две кардинальные линии – *авангардную* и *постклассическую* (термин Г. П. Овсянкиной), основанную на мажоро-минорной системе и продолжающую традиции западноевропейской и русской классики. На протяжении почти всего столетия отмечается также стремление композиторов обогатить мажоро-минорное мышление новейшими звукоорганизующими системами. Это особенно знаковым стало в последние десятилетия, получив обозначение *структурной комбинаторики* (термин К. С. Волнянского [3]). Однако Д. А. Толстой стоял на позициях только мажоро-минорного мышления. Это определило во многом и сложность бытования музыки Д. А. Толстого, начиная с 1960–70-х годов, о чем он довольно открыто пишет в уже упомянутых мемуарах. Его единомышленниками были композиторы разных поколений, различных масштабов дарования: Г. В. Свиридов и Б. А. Чайковский, Р. М. Глиэр и Д. Б. Кабалевский, И. И. Дзержинский и Ю. А. Левитин, А. А. Муравлёв и Н. И. Пейко, В. Д. Биберган и А. А. Смелков. Творческий путь этих художников словно подтверждает мысль Э. Ансерме, высказанную еще в начале XX века, о том, что мажоро-минорная система является вершиной в развитии звукоорганизации и накопление средств музыкальной выразительности завершилось к концу XIX – началу XX столетий. Дальше возможно только их творческое развитие [1].

По вкладу в музыкальную культуру Д. А. Толстого можно отнести к тем многочисленным Мастерам, которых в искусствоведческой науке называют композиторами *второго ранга, второго плана* и т. д. Однако без них невозможно формирование ни одного направление, ни тем более художественной эпохи. Не случайно в мировом музыкознании последних десятилетий все чаще заявляет о себе тема, связанная с изучением искусства *малых мастеров*, так как подлинная картина культуры не может быть воссоздана без досконального исследования их творческой деятельности.

Будучи высоко образованным человеком, Д. А. Толстой особенно хорошо был осведомлен во всех достижениях современной музыки, знал авангардные системы и приемы XX века. Однако в противовес многим композиторам из своего окружения, таким как Л. А. Пригожин, Р. Гринблат, С. М. Слонимский. Б. И. Тищенко, Г. И. Уствольская, он *не искал* нового языка, новых путей в музыкальном искусстве. Композитор сам наиболее точно определил природу фор-

Она отразилась в его вокальных циклах на стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Ахматовой, А. А. Блока, Н. С. Гумилёва. Произведения русской классики заняли достойное место в оперном творчестве Д. А. Толстого. Среди них – оперы «Маскарад» (1957) по драме М. Ю. Лермонтова, «Капитанская дочка» (1976) по повести А. С. Пушкина, «Гранатовый браслет» (1973) по одноименному произведению А. И. Куприна, «Марюта-рыбачка» (1960) по повести А. Лавренёва «Сорок первый» и др. Дань признательности литературному творчеству своих родителей композитор выразил в балете «Аэлита» (1966) по фантастической повести отца, опере «Русский характер», вокальном цикле из восемнадцати романсов «Дорога» на стихи матери и др. В фортепианной музыке эта черта творчества проявляется прежде всего в программных циклах. Кроме «Сказок Андерсена» – едва ли не первого в композиторской практике *полностью сказочного*' фортепианного детского цикла, остальные литературные образы апеллирует только к русской литературе и эпосу. В «Пестрых листках» встречаются «Утро Аэлиты», «Хрустальные пещеры» (из драмы Лукомского «Гибель дракона»), «Про Илью Муромца», а в «Зеленой тетради» друг за другом следуют «Слон и Моська», «Ворона и лисица» или «Кораблик из пушкинской сказки», «У лукоморья дуб зеленый». В этом обращении в детских пьесах к классической литературе также проявляется своего рода охранительная тенденция. Однако связь с литературой в фортепианном творчестве явно шире и не обусловлена только обозначенной программой в виде названия. Об этом свидетельствовал сам композитор, характеризуя свои фортепианные сочинения в мемуарах и в личных беседах с автором статьи (1990–2000-е годы).

Не менее важным пластом, формирующим стилевой фундамент творчества Д. А. Толстого, стало классическое музыкальное искусство. Все фортепианные произведения композитора зиждутся на переосмыслении выдающихся достижений фортепианного наследия предыдущих двух столетий. Виртуозность его сочинений, особенно ярко выраженная в сонатах и прелюдиях, основывается на развитии блестящих фактурных формул стилевых направлений прошлого. В них прежде всего высвечиваются традиции немецкого барокко, венского классицизма, русского и немецкого романтизма. Порой эти глобальные стилевые пласты вступают в *quasi диалог* (термин Ю. Смирнова) в одном сочинении. Например, в Сонате № 25 изящная фактура в духе Й. Гайдна, раннего Л. Бетховена сочетается с интертекстуальными перекличками «русских» тем Н. А. Римского-Корсакова. В Сонате № 14 (по аналогии с бетховенской «Лунной», названной *Сонатой-фантазией*) вслед за сонатным allegro первой части, в изысканной пассажно-мелодической фактуре которой *закодированы* классицистские риторические формулы, следует завораживающая стихия русского романтического вальса – автоцитата из оперы «Маскарад» по драме М. Ю. Лермонтова.

Претекстами из русской классики стали звукообразы М. И. Глинки, П. И. Чайковского, А. К. Глазунова, А. Н. Скрябина, западноевропейская классика представлена аллюзиями прежде всего с музыкой И. С. Баха, Г. Ф. Генделя, И. Гайдна. Л. Бетховена, Р. Шумана, Ф. Мендельсона, И. Брамса. Например, в финале Сонаты № 13 напевный мелос воскрешает лирические романсы М. И. Глинки. Начало Сонаты № 26 направляет воспринимающее сознание к образам «Симфонических этюдов» Р. Шумана. В лирическом тематизме третьей части Сонаты № 17 переинтонируются мелодико-фактурные обороты А. К. Глазунова. Слышны в фортепианных произведениях Д. А. Толстого и переклички с трансцендентной виртуоз-

ностью Ф. Листа. К ним относится в частности одно из сложнейших в исполнительском отношении сочинений – вторая часть из Сонаты № 17. Этот мистический инфернальный вальс, ставший, по словам композитора, средоточием сил зла, *нравственного оборотничества,* явно апеллирует к мефистофельским образам Ф. Листа. Общность выявляется не только на фактурном, но и на интонационно-тематическом и композиционном уровнях.

В музыке Д. А. Толстого основным носителем смысла является мелодическое начало. Поэтому фортепианные произведения композитора, несмотря на ярко выраженную виртуозность, содержат немало впечатляющих мелодических фрагментов. Автор выявляет в них романтическое искусство *пения на рояле.* Концентрацией этих фрагментов являются прежде всего медленные части сонат, спокойные Прелюдии (например, № 17), рефлексивные пьесы из «детских» циклов.

Всю свою творческую жизнь Д. А. Толстой стремился к обогащению мажоро-минорной системы, самобытно включая альтерации и политональные наслоения. В своем гигантском сонатном *макроцикле*, в Двадцати четырех прелюдиях, в Тридцати инвенциях композитор заново решает задачу своих великих предшественников – образно-индивидуальной трактовки всех тональностей в одном жанре. При этом, подчеркнем еще раз, он впервые вовлекает в это решение сонатный цикл.

Огромное внимание, если не определяющее, Д. А. Толстой уделял полифоническим жанрам и полифоническому развитию материала. Особенно инновационны его достижения в плане полифонизации сонатной формы. Дмитрий Алексеевич считал, что «полифонический склад оживляет фортепианную ткань <...> важна принципиальная полифоничность самого строя мышления. При полифонии звук легче тянется в нашем воображении» [8, с. 509]. В Сонате № 28, посвященной «памяти великого Бетховена», он решает глобальную задачу, поставленную еще великим венским классиком: объединения в фортепианной музыке фуги и сонатной формы. Так создается *многочленная большая полифоническая форма* (термин В. В. Протопопова).

Изобретательно трактуются Д. А. Толстым сонатный цикл и его композиционная квинтэссенция – сонатная форма. Причем из тридцати сонат только две – Сонаты № 9 и 21 – являются одночастными. В двадцати шести сонатах многообразно преобразуется классическая композиционная модель. И здесь подключаются не только возможности полифонии, но и старосонатной формы, в частности в уже упомянутой Сонате № 28. В последних двух Сонатах (№ 29, 30) развиваются композиционные возможности барочного полифонического цикла

Самого пристального внимания заслуживает трактовка Д. А. Толстым *малых* фортепианных жанров, в частности прелюдий. Композитор интерпретировал их в своей индивидуальной манере, но опять-таки опираясь на классические традиции. Цикл был завершен в 1961 году и не случайно посвящен памяти В. В. Софроницкого. Как пишет Г. П. Овсянкина: «В основе Прелюдий часто лежит идея художественного раскрытия какого-либо типичного для фортепианного романтизма фактурного приема или исполнительского принципа. При всех гармонических и фактурных изысках, ведущим в них является мелодическое начало. Во многом именно такая трактовка цикла обусловлена традициями романтического пианизма прошлого, гениально сконцентрированного в творческом облике Софроницкого» [5, с. 58]. Композитор исходил из того стилевого спектра, который особенно был близок великому пианисту: цикл буквально наполнен тонкими интертекстуальными перекличками со звукообразами А. Н. Скрябина, Ф. Шопена, Ф. Листа, А. К. Лядова. Что касается Трид-

цати инвенций, то в них Д. А. Толстой интерпретирует идею гениального цикла И. С. Баха. Это тоже контрапунктические *экзерсисы*, но воссозданные в контексте интонационного мышления иной исторической эпохи.

Детская фортепианная музыка Д. А. Толстого становится отголоском искусства бидермейера, питавшего образы шумановского «Альбома для детей и юношества». Поэтому пьесы Толстого, как и классические, воплощают мир ребенка или близкие ему образы. К бидермейеру апеллирует и жанр *альбома*, гениально воссозданный в детской музыке Р. Шумана и П. И. Чайковского и нашедший свое развитие у Д. А. Толстого. И дело не только во включении слова *альбом* в название, но и в отражении таких образно-жанровых черт, как задушевность, поэтичность, культ прекрасного, изящного, характерность бытовых зарисовок. К Шуману направляют интертекстуальные переклички с заголовками: «Пестрые листки: Альбом фортепианных пьес для юношества», «Зеленая тетрадь: Альбом маленьких фортепианных пьес для детей и юношества».

В программных циклах Д. И. Толстого широко представлен классический семантический спектр в его интрастилевом и экстрастилевом видах. Необходимо подчеркнуть, что во многом благодаря разнообразной семантике программные пьесы Д. А. Толстого наполнены зримым содержанием. Весь этот выразительный комплекс формирует смыслы, которые, по мысли В. В. Налимова, «изначально заданы в своей потенциальной, непроявленной форме... Человек не механически *считывает*, а творчески распаковывает континуум смыслов... Спресованность смыслов – это ... семантический вакуум... Семантика определяется вероятностью, задаваемой структурой смыслов. *Смыслы – это то, что делает знаковую систему текстом*» [см.: 9, с. 223]. Поэтому циклы детских фортепианных пьес Толстого становятся своего рода собранием семантических формул. Резонируя с ярким образным содержанием, они формируют тезаурус ребенка. Тем более, что автор не просто делает отдельные зарисовки, а выстраивает сюжет на основе циклизации, в результате чего от пьесы к пьесе разворачивается стройное повествование. Музыкальная семантика становится в пьесах Д. А. Толстого не только средством создания образов, но и основой целенаправленного процесса ознакомления детей со знаковыми структурами в музыке.

Итак, обобщая художественные особенности фортепианной музыки Д. А. Толстого, следует подчеркнуть:

- во-первых, несомненное влияние достижений Серебряного века, причем не только в области музыки, но и всего художественного творчества;

- во-вторых, усиление роли литературных текстов в становлении и развитии музыкальных образов и концепций, в эволюции музыкальной семантики;

- в-третьих, доминирование музыкальной классики (русской и западноевропейской) как импульса в рождении новых идей.

В фортепианных произведениях Д. А. Толстого демонстрируются выразительные возможности мажоро-минорной системы без подключения иных звукоорганизаций.

Фортепианное творчество Д. А. Толстого позволяет выявить *эволюционные доминанты* классических жанров и композиционных принципов, характерные для эпохи постмодерна. В последние десятилетия наиболее значимы в этом плане сонатный цикл, сонатная форма, циклы программных миниатюр для детей. Не менее показательны и эволюционные процессы в жанре прелюдии и полифонических циклов. На всех жанровых уровнях наблюдается стремление к циклизации.

В заключение позволим высказать предположение, что художественная значимость

фортепианного творчества Д. А. Толстого обусловлена во многом концентрацией в нем тех знаковых тенденций, которые эволюционируют в музыкальном искусстве уже не одно десятилетие. Они связаны с развитием постклассического направления, прежде всего его неоромантической ветви, которое продолжает быть востребованным и среди любителей музыки и в музыкально-педагогической практике.

Литература

1. Ансерме Э. Беседы о музыке. – Л.: Музыка, 1976. – 56 с.
2. Белецкий И. В. Дмитрий Толстой. – Л.: Сов. композитор, 1959. – 45 с.
3. Волнянский К. Структурная комбинаторика как принцип композиционного мышления в музыке XX века: автореф. дис. ... канд. иск. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 24 с.
4. Ильин И. А. О России и русской душе; Гении России; Лекции. – М., 1997.
5. Овсянкина Г. П. Размышления о фортепианном романтизме в контексте исполнительского стиля Владимира Софроницкого // Музыкальное образование в XXI веке: история, традиции, перспективы. – Астрахань, 2008. – С. 55–59.
6. Овсянкина Г. П. Творчество Д. Шостаковича в мировом контексте // Русия в музика. Международна научна конференция. Велико Тырново. Октомври ‘2009 / Великотырновский университет «Св. св. Кирил и Методий», Руски културно-информационен център «Акад. Д. Лихачов». – Пловдив: Астарта, 2010. – С. 22–33.
7. Овсянкина Г. П. Фортепианный цикл в отечественной музыке XX века: школа Д. Д. Шостаковича. Монография: в 2 кн. – СПб.: Композитор, 2003. – Кн. 1. – 320 с.; Кн. 2. – 130 с.
8. Толстой Д. А. Для чего все это было: Воспоминания. – СПб.: Библиополис, Композитор, 1997. – 622 с.
9. Чигарева Е. И. О «невербальной семантике» в музыке Моцарта // Семантика музыкального языка: мат-лы науч. междунар. конф. 27–28 февраля 2002 года / РАМ им. Гнесиных. – М., 2004. – С. 223–227.

Literatura

1. Anserme Je. Besedy o muzyke. – L.: Muzyka, 1976. – 56 s.
2. Beleckij I. V. Dmitrij Tolstoj. – L.: Sov. kompozitor, 1959. – 45 s.
3. Volnjanskij K. Strukturnaja kombinatorika kak princip kompozicionnogo myshlenija v muzyke XX veka: avtoref. dis. ... kand. isk. – SPb.: RGPU im. A. I. Gercena, 2012. – 24 s.
4. Il'in I. A. O Rossii i russkoj dushe; Genii Rossii; Lekcii. – M., 1997.
5. Ovsjankina G. P. Razmyshlenija o fortepiannom romantizme v kontekste ispolnitel'skogo stilja Vladimira Sofronickogo // Muzykal'noe obrazovanie v XXI veke: istorija, tradicii, perspektivy. – Astrahan', 2008. – S. 55–59.
6. Ovsjankina G. P. Tvorchestvo D. Shostakovicha v mirovom kontekste // Rusija v muzika. Mezhdunarodna nauchna konferencija. Veliko Tyrnovo. Oktomvri ‘2009 / Velikotyrnovskij universitet «Sv. sv. Kiril i Metodij», Ruski kulturno-informacionen centr «Akad. D. Lihachov». – Plovdiv: Astarta, 2010. – S. 22–33.
7. Ovsjankina G. P. Fortepiannyj cikl v otechestvennoj muzyke XX veka: shkola D. D. Shostakovicha. Monografija: v 2 kn. – SPb.: Kompozitor, 2003. – Kn. 1. – 320 s.; Kn. 2. – 130 s.
8. Tolstoj D. A. Dlja chego vse jeto bylo: Vospominanija. – SPb.: Bibliopolis, Kompozitor, 1997. – 622 s.
9. Chigareva E. I. O «neverbal'noj semantike» v muzyke Mocarta // Semantika muzykal'nogo jazyka: materialy nauchnoj mezhdunarodnoj konferencii, 27–28 fevralja 2002 goda / RAM im. Gnesinyh. – M., 2004. – S. 223–227.

УДК 7.072.2.7.01.013.

Л. Б. Фрейверт

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ В ИХ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ДИЗАЙНА

В статье проводятся аналогии между дизайном и вербальным языком; выявляются архетипические характеристики художественной формы в дизайне. Автор рассматривает применительно к дизайну теоретические положения Ф. де Соссюра и Н. Хомского, А. Г. Габричевского и В. Б. Шкловского.

Ключевые слова: дизайн, художественная форма, архетип, язык и речь, поверхностная и глубинная структура, трансформационный анализ, «Язык вещей», «Искусство как прием».

L. B. Freivert

LINGUISTICS TERMS IN THEIR VALUE FOR INDUSTRIAL DESIGN

This article displays analogies between industrial design and verbal language; the archetypical characteristics of art form in design are exposed. The author investigates theoretical theses by F. de Sossure and N. Chomsky, A. G. Gabrichevsky and V. B. Shklovsky concerning industrial design.

Keywords: industrial design, art form, archetype, language and speech, surface and deep structure, transformational analysis, “Language of things,” “Art as manner.”

В культуре нашего времени всё бóльшую роль играет осознание того, что любая человеческая деятельность сходна с языком. Произведение дизайнера также можно уподобить речи, высказыванию. Он вступает в акт коммуникации с потенциальным потребителем, и отнюдь не только тогда, когда создает рекламу или использует слово. Его сверхзадача – не только пробудить потребительский интерес, но и способствовать совершенствованию личности пользователя: развивать его вкус, умение вести себя в обществе, пользоваться сложными приборами, не затрачивая излишних физических сил, беречь свое физическое и психическое здоровье и т. п. Разумеется, дизайнер менее всего похож на упорного и строгого наставника. Он обращается к потребителю, воздействуя на его эмоции, разум и во многих случаях – на его мышечный аппарат. Следовательно, «высказывание» дизайнера многофункционально и по определению имеет сложную, полифункциональную структуру. Поэтому среди наук, актуальных для дизайна как бифункционального искусства, достойное место занимает современная структурная лингвистика. Выработанные в ней модели анализа и понятия плодотворны для дизайна: например 1) выдвинутое Ф. де Соссюром различение языка и речи и 2) понятия «порождающей грамматики» Н. Хомского: «поверхностная структура», «глубинная структура» и «трансформационный анализ».

Темы, родственные лингвистическим, для дизайна не являются чем-то абсолютно новым. Первой работой в этом направлении была, вероятно, статья А. Г. Габричевского «Язык вещей» [2]. Ощущение связи этих понятий было свойственно и теоретической мысли в области художественного слова. Характерный пример – «Искусство как прием» В. Б. Шкловского [10]. Работы этих двух очень контрастных личностей кажутся написанными едва ли не за одним столом. Согласно Габричевскому, художник, «оформляя ее [вещь] и переистолковывая ее скудную практическую символику, открывает всю ее латентную культурную и социальную вы-

разительность» [2, с. 33]. Именно поэтому, согласно Шкловскому, «…вещь может быть: 1) создана как прозаическая и воспринята как поэтическая; 2) создана как поэтическая и воспринята как прозаическая» [10, с. 25]. То, что в литературе выглядит как взаимоисключающее, в дизайне не только совместимо, но и взаимно дополняет друг друга. Науки о слове и о материальной вещи идут общим путем, но в различных направлениях: «…в то время как "теория словесности", а за ней и современная поэтика шли от лингвистики и логики к искусству, так называемое искусствоведение, постепенно расшифровывая значения художественного образа в архитектуре, скульптуре и живописи, неминуемо приходит к проблеме своеобразной "логики" и "лингвистики" вещей, без которых немыслимо научное изучение художественного образа, его логики и выразительности» [2, с. 34]. Еще один актуальный для дизайна аспект лингвистического характера сформулирован Шкловским. Произведение искусства «воспринимается на фоне и путем ассоциаций с другими произведениями искусства», а его форма «определяется отношением к другим, до него существовавшим формам… всякое произведение искусства создается как параллель и противоположность какому-нибудь образцу» [10, с. 15]. Применительно к дизайну мы здесь вновь возвращаемся к аспектам, близким теории Ф. де Соссюра, что неудивительно: между публикацией лекций Соссюра и статьи Шкловского «Искусство как прием» прошло около 10 лет. Наличие образцов и связь с ними – это фактор погружения высказывания, речи дизайнера не только в сферу языка, но в весь контекст универсального дискурса культуры.

Поэтому неудивительно, что тема взаимоотношений вербального языка и сделанных человеком материальных объектов актуальна для современного дизайна и науки о нем. Привлекла внимание исследователей знаковая работа М. Фуко «Слова и вещи» [8]. Но в дизайне его характеристики исторических эпистем, то есть путей и методов познания в различные эпохи, функционируют уже как вневременные архетипы. Между Тождественным и Иным располагаются категории сходства: пригнанность, аналогия, симпатия, соперничество [см.: 7].

В русле современных научных тенденций находятся семиотически окрашенные научные исследования. Семантические аспекты в художественной форме дизайн-объектов подробно рассматриваются применительно к метафорической образности в работах Е. Жердева [4; 5]. Согласно его концепции, «…метафора в данном контексте является одной из составляющих художественного языка, имеющего особый код – динамическую систему правил употребления знаков, изучаемую семиотикой…» [5, с. 84]. Рассматриваются здесь и другие лингвистико-семиотические характеристики, что неизбежно: ведь. «синтаксический аспект дизайна напрямую связан с гармоничностью свойств и качеств композиции» [4, с. 194]. В соответствии со своей концепцией, Жердев освещает метафорически-образные аспекты синтактики.

Другие грани лингвистики также представляют интерес для дизайна. Весьма плодотворны для рассмотрения произведений дизайна и других невербальных искусств модели и способы анализа, выработанные в структурной лингвистике Ф. де Соссюром [6], и достижения «порождающей грамматики» Н. Хомского [9].

Одно из основных положений Соссюра, как известно, – различение языка и речи. В предельном упрощении, язык – это система норм, правил, форм, то есть структур. Но реализуются эти структуры только в речи, в конкретных высказываниях и не вполне осознаются самими носителями языка. В ди-

зайне аналогом языка в таком понимании являются эргономические, антропометрические требования, условия технологии, основные эстетические законы построения формы. Здесь есть своя грамматика, морфология (!), синтаксис. Но эти законы и нормы воплощаются в конкретных изделиях – фактах «речи» дизайнера. Он, как и каждый говорящий, не просто воспроизводит те или иные конструкции, а высказывает нечто индивидуальное. Для дизайна новизна изделия (своего рода высказывания) принципиально важна. Дизайн объекта должен решать какую-то проблему, повысить качество жизни пользователя. Как и любому говорящему, проектировщику иногда приходится нарушать некоторые устоявшиеся правила построения «предложений» или сочетания «слов». Однако эти нарушения продиктованы потребностью высказать новую мысль, которую нельзя сформулировать иначе, создать иную пространственную ситуацию – аналог речевого контекста. Со временем такие высказывания могут стать нормативными.

Поиск языка ведется непосредственно в ходе речи, дискурса. При этом поиски индивида или творческого коллектива, акты их речи помогают или препятствуют формированию или развитию языка. При этом потребность в новых высказываниях часто является одновременно потребностью в новом языке, которая осознается далеко не сразу. Так в промышленном производстве XIX века понимание красоты как «украшенности» приводило к попыткам «говорить» на языке ремесла. И только с начала XX века промышленность стала искать свой собственный язык и грамматику форм, линий, объемов и фактур. Для этого дизайн функционализма обратился к утилитарности как к новому источнику осмысленной красоты и обновления языка и речи дизайна.

Опыт функционализма еще раз продемонстрировал, что новый язык рождается вместе с новыми высказываниями, произведениями, его почти невозможно «изобрести». Язык дизайна также развивался в общекультурном контексте. Так, американский архитектор Л. Салливен провозгласил свое знаменитое: «Форма следует функции», заимствуя терминологию и сам ход мышления у современной ему биологии. Этот принцип, или, вернее, лозунг, был взят на вооружение архитекторами и дизайнерами-функционалистами. Можно по-разному относиться к их творчеству, но нельзя не признать, что другого пути обновления принципов формообразования в то время просто не было. Да и сейчас он не потерял полностью своей актуальности. Без внимания и интереса к человеку практическому, действующему, невозможно развитие современного дизайна, где требования эргономики должны не просто учитываться, а, в идеале, быть источниками новых идей.

Поэтому требования функциональной внятности остаются важным аспектом речевой деятельности дизайнера. В том, что форма изделия и его деталей как бы «приглашает» пользователя совершить то или иное действие и именно этим во многом обусловлена ее выразительность, мы видим современное продолжение и развитие идей, сформировавшихся в эпоху функционализма.

Обратимся к конкретным примерам. Так, углубления под дверной ручкой у автомобилей обрисовывают движение, которое нужно для открытия дверцы. Аналогична роль и углублений около кнопок фотоаппаратов, которые не только облегчают поиск «вслепую», но и служат как бы «указателем маршрута» для пальца. Эти приемы, согласуясь с «языком движений», одновременно обогащают и пластические характеристики объемов и поверхностей.

В нашу пост(пост)модернистскую эпоху язык дизайна впитывает в себя не только речевые неологизмы компьютеризации, но и воскрешает архаизирующие элементы

«hand made». Однако структура языка дизайна, по крайней мере сейчас, вряд ли претерпит существенные изменения. Новизна компьютерной техники и ее быстрый прогресс требуют времени для своего осмысления. Произведения компьютерного, вернее, цифрового искусства пока еще не достигли высокой значимости эстетических результатов. Эти новые инструменты еще только осваиваются и служат инструментом для труда дизайнера и, как ни странно, могут спровоцировать менее опытного и талантливого дизайнера на шаблонные решения – акты речи. И хотя «…многочисленные явления доказывают, что как вербальный язык, так и язык изобразительного искусства содержат алгоритмы, обеспечивающие возможность их формализации и компьютерной обработки» [3, с. 7], в целом компьютерное творчество воспроизводит уже выработанные в «доцифровом» искусстве модели, как и объемные компьютерные изображения явно основываются на ренессансной перспективе. Включение элементов и деталей ручной работы в промышленную продукцию также в целом воспроизводит хорошо известную ремесленную «речевую модель».

Для современной практики и теории дизайна важны вопросы формообразования, то есть актуальные синтаксические аспекты языка.

Сейчас в науке об искусстве активно используются достижения следующего этапа развития лингвистики, связанного с именем Н. Хомского и его «порождающей грамматикой». Они могут плодотворно использоваться в дизайне. Для предпроектного моделирования и анализа художественной формы дизайн-объектов продуктивны его понятия «поверхностная структура», «глубинная структура» и «трансформационный анализ».

Согласно Хомскому, поверхностная структура – это реальная последовательность элементов, а глубинная структура – система их связей на расстоянии и зависимостей, которые не всегда обнаруживаются сразу. Именно благодаря наличию глубинной структуры можно перевести фразу с одного языка на другой. Перевод поверхностной структуры в глубинную и наоборот происходит посредством трансформационного анализа, то есть выявления связей и реального или мысленного перемонтирования элементов.

У Хомского есть несколько забавных примеров поверхностных структур с различными глубинными структурами. Например: «Посещения родственников бывают утомительны» (кто к кому ходил?). Одна и та же глубинная структура может выражаться в различных поверхностных структурах: «Лодку качало волной» и «Волна качала лодку». Иначе говоря, ход мысли далеко не всегда совпадает с последовательностью слов в предложении. Для анализа дизайн-объектов это очень важные моменты, так как в их восприятии пространственные и временные компоненты синтезируются. Второй пример имеет также богатый пространственный подтекст: он демонстрирует возможность различного понимания и структурирования одного и того же явления. Акцент может стоять на объекте действия (лодка) или на его исполнителе (волна).

К дизайн-объектам, как и к другим визуальным формам, термины Хомского также применимы. Под поверхностной структурой можно понимать реальное соседство элементов: их количество, вид, сходство и контраст, способы соединения и примыкания в пространстве. Глубинная структура – это система перекрестных связей элементов, в том числе и отдаленных друг от друга, видимых и не видимых в настоящий момент.

Собственно, описанные Р. Арнхеймом [1] и другими гештальтпсихологами маршруты осмотра, реализуемые по принципам движения «от большего к меньшему», «хоро-

шего продолжения» и «общей судьбы», есть реализация того, что Хомский называл «глубинной структурой». Это тем более справедливо для восприятия формы дизайн-объекта. Визуальное высказывание дизайнера предполагает не только временну́ю развертку процесса смотрения, но также и последовательность процесса пользования, его структуру, выявление дистантных связей.

Маршрут осмотра произведения «чистого искусства» обычно начинается и заканчивается в композиционном центре. Вероятно, в дизайн-объекте таким главным элементом будет самая функционально важная часть. Композиционный центр, присутствуя в поверхностной структуре один раз, в глубинной структуре может проявляться неоднократно: к нему постоянно возвращается взгляд зрителя (широко известный пример – «Не ждали» И. Е. Репина). В дизайн-объекте возвращение к композиционному центру – ходовой части, экрану и т. п. – для манипуляции с ним или визуального контроля за работой предполагает соответствующую структуру процесса пользования.

В дизайн-объектах поверхностная структура – это тоже реальное соседство различных элементов. Оно обусловлено не только визуальными, но в первую очередь утилитарными требованиями, которые должны быть визуально-эстетически осмыслены.

Поверхностная структура должна не просто сигнализировать о строении глубинной. Структура есть смысл, и в текстах Хомского выражения «глубинная структура» и «семантическая структура» («deep structure» и «semantic structure») оказываются синонимичными. Так для дизайн-объекта, особенно если это механизм, прибор, машина, внятность отношений поверхностной структуры с глубинной есть необходимое условие, которое находится в ве́дении эргономики.

Глубинная структура дизайн-объекта может преобразовываться в поверхностную в процессе последовательных преобразований – действий с объектом. Показательна в этом плане визуально-пространственная форма, предназначенная для манипуляций и одновременно имеющая отношение к языку. Так, поверхностная структура совокупности букв русского языка – алфавит – не определяет расположения букв на клавиатуре компьютера или пишущей машинки. Клавиатура в своей поверхностной структуре выявляет глубинную структуру фонетического и грамматического строя языка. В центре находятся буквы, используемые чаще. Последовательность «И» – «Т» – «Ь» соответствует окончанию неопределенной формы глагола, часто применяемой в официальных документах: приказах, распоряжениях, инструкциях. Не случайно и их нахождение рядом с клавишей пробела. В глубинной структуре клавиатуры важны и диагональные связи. Здесь смыслоразличительные факторы гасят возможные «декоративные» соображения.

Поверхностная структура пространственных форм одного назначения может оставаться идентичной веками и тысячелетиями. Таков, например, стул, состоящий из ножек, сиденья и спинки. Нам уже сейчас трудно представить ту ошеломляющую новизну стульев из металлических трубок М. Стама, М. Брейера и Л. Мис ван дер Роэ, которая так остро воспринималась во время их создания. Новый «речевой» материал – металлические трубы – дали предварительную возможность для новых актов речи, с которыми в практику языка вошли новые структуры. Такие трубы выпускались на авиационных заводах. Следовательно, домашняя мебель «»заговорила» языком передовой техники. Соответственно, изменился и речевой контекст. Новая поверхностная структура выражала новизну глубинную: иное распределение физико-механических сил и динамичность образа. Новый синтетический материал, особо прочный пла-

стик, сделал возможным появление стула В. Пантона, не имеющего задних ножек. Это проектное «высказывание» погружено в исторический контекст современного дизайна. Но никакие, даже сверхпрочные, материалы и их фантастические возможности не отменят важности тех аспектов, которые связывают между собой поверхностную и глубинную структуру. Связь эта не жесткая и не однозначная.

Глубинная структура объемного дизайн-объекта также строится в соответствии с принципами группирования и «хорошего продолжения». Важную роль играет принцип изоморфизма, то есть единого принципа построения различных форм с разными элементами. Если же в процессе работы с дизайн-объектом пользователь изменяет его внешний вид – разбирает и собирает, меняет насадки, – то здесь внешний вид изделия должен сразу сообщать потребителю некоторую информацию о порядке действий, о связи этапов. При этом изменяется или может изменяться поверхностная структура. Перемонтирование структуры, процесс перевода поверхностной структуры в глубинную или «разгадывание» поверхностной структуры, поиск ключа к глубинной – это трансформационный анализ. Сущность его – реальное или мысленное сближение взаимосвязанных элементов. Здесь эргономическое требование внятности формы может способствовать цельности художественного впечатления.

Обычно глубинная структура высказывания выявляется в специальной процедуре трансформационного анализа, то есть реального или мысленного перемонтирования элементов для обнаружения и демонстрации системы связей. Вероятно, единственная разновидность речевой деятельности, в которой трансформационный анализ является ее составной частью, – дизайн и пользование его объектами: например, это сборка и разборка книжных киосков и лотков, мебельных объектов конструктивизма, трансформация устройства для лекций и показа фильмов в Рабочем клубе А.М. Родченко.

Хотя сборно-разборные и трансформируемые конструкции были известны значительно ранее, культурное значение этих образцов трудно переоценить. Ведь в них фактически предвосхищались достижения генеративной лингвистики и была продемонстрирована роль преобразующих действий как одной из важных компонент современной культуры.

Продолжение этих традиций – разборная и легко транспортируемая мебель для детей, больных церебральным параличом (авторы – Е. Г. Лапина, А. И. Новиков, А. А. Грашин, ВНИИТЭ). Перемещение элементов в процессе сборки-разборки для транспортировки является материализацией трансформационного анализа. Композиционная и масштабная связь элементов, в собранном виде расположенных в разных плоскостях, не только выражает идею удобства, но и способствует цельности и гармоничности образа. Эргономически-утилитарные и эстетические принципы здесь действуют совместно.

Современный дизайн-объект также часто разбирают и собирают, перемонтируют, меняют насадки и т. п. Поэтому здесь особо важны разнообразные перекрестные связи, возможность группирования различным способом. Гармоничные соотношения элементов способствуют прочности глубинной структуры, которая «читается» во всех трансформациях. Пользователь должен ощущать взаимосвязанность и тех элементов, которые он даже не видит одновременно, как, например, поверхность упаковки и детали рабочего механизма. Внешний вид изделия в любой стадии должен сообщать пользователю информацию о порядке действий, о взаимосвязанности видимых и не видимых в данный момент элементов, например, поверхности упаковки и деталей рабочего механизма.

Если художественная форма дизайн-объекта обладает высокими эстетическим качествами, линии опосредованных связей объединяют в ней даже те элементы, которые разобщены и не функционируют одновременно. Дизайн выявляет в трансформационном анализе не отвлеченность интеллектуальной игры, а практическую составляющую, жизненную актуальность. Иначе говоря, объекты дизайна выступают как факты речи и общения дизайнера и пользователя, и важное место здесь принадлежит «культурной и социальной выразительности» вещи [2, с. 33]. Процесс же этого общения погружен в единый культурный, языковой и метаязыковой контекст.

Литература

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Архитектура-С, 2007. – 392 с.
2. Габричевский А. Г. Язык вещей // Габричевский А. Г. Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002. – С. 31–39.
3. Ерохин С. В. Эстетика цифрового изобразительного искусства. – СПб.: Алетейя, 2010. – 432 с.
4. Жердев Е. В. Метафора в дизайне. – М.: Архитектура-С, 2011. – 464 с.
5. Жердев Е. В. Метафорическая образность в дизайне. – М.: Изд-во МСХА, 2004. – 227 с.
6. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
7. Фрейверт Л. Б. Интериоризация универсалий художественного формообразования в объектах дизайна / Л. Б. Фрейверт, Е. В. Жердев // Дизайн среды. – Вып. 2. Сборник ВНИИТЭ. – М., 2006. – С. 5–24.
8. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с.
9. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 122 с.
10. Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. О теории прозы. – М., 1983. – С. 9–25.

Literatura

1. Arnhejm R. Iskusstvo i vizual’noe vosprijatie. – M.: Arhitektura-S, 2007. – 392 c.
2. Gabrichevskij A. G. Jazyk veshhej // Gabrichevskij A. G. Morfologija iskusstva. – M.: Agraf, 2002. – S. 3–39.
3. Erohin S. V. Jestetika cifrovogo izobrazitel’nogo iskusstva. – SPb.: Aletejja, 2010. – 432 s.
4. Zherdev E. V. Metafora v dizajne. – M.: Arhitektura-S, 2011. – 464 s.
5. Zherdev E. V. Metaforicheskaja obraznost’ v dizajne. – M.: Izd-vo MSHA, 2004. – 227 s.
6. Sossjur F. Trudy po jazykoznaniju. – M.: Progress, 1977. – 695 s.
7. Frejvert L. B. Interiorizacija universalij hudozhestvennogo formoobrazovanija v ob’ektah dizajna / L. B. Frejvert, E. V. Zherdev // Dizajn sredy. – Vyp. – № 2. Sbornik VNIITJe. – M., 2006. – S. 5–24.
8. Fuko M. Slova i veshhi: Arheologija gumanitarnyh nauk. – SPb.: A-sad, 1994. – 406 s.
9. Homskij N. Jazyk i myshlenie. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972. – 122 s.
10. Shklovskij V. Iskusstvo kak priem // Shklovskij V. O teorii prozy. – M., 1983. – S. 9–25.

ПАНОРАМА
PANORAMA

УДК 792

Н. А. Таршис

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ: ОТЗЫВ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КУЗБАССА – 2000»

Статья посвящена коллективной монографии «Театральное искусство Кузбасса – 2000». Анализ театроведческого материала коллективной монографии осуществляется в соотнесении с развитием театрального искусства региона в период 2000–2010-х годов. Дается оценка самому факту публикации книги, посвященной театральному искусству одного региона. Автор раскрывает достоинства монографии и высказывает свое мнение о театральном искусстве Кузбасса, что придает особую ценность данной статье.

Ключевые слова: коллективная монография, театроведческая активность, театральное искусство Кузбасса, театроведческое исследование, режиссерское искусство.

N. A. Tarshis

THEATRE CONNECTIONS: REVIEW ABOUT THE COLLECTIVE MONOGRAPH “THEATRE ART OF KUZZBAS – 2000”

The article is dedicated to collective monograph “Theatre art of Kuzzbass – 2000” Analysis of the theatrical material of the monograph is carried out with regional theatre art development of the period 2000–2010 in parallel. The fact of system study of one region theatre art is considered here. The author opens monograph substantial value and expresses his own opinion about Kuzzbass theatre art as a part of Russian theatre art, that makes the article more actual.

Keywords: collective monograph, activity of theatre investigator, Kuzzbas theatre art, theatre study, producer’s art.

Глядя из Петербурга и понимая всю относительность своего умозаключения, более того – хорошо представляя, как могут покачать головами коллеги в самом Кузбассе, всё же скажу: театральный процесс там *очень* есть.

«Региональный театр редко становится объектом научного анализа» [1]. Такой сентенцией начинается один из параграфов недавно вышедшей книги «Театральное искусство Кузбасса – 2000». Сентенция верна – но нетрудно увидеть, что именно Кемерово среди счастливых исключений – если не единственное.

Почти одновременно вышла монография А. И. Бураченко «Феномен театральной критики в провинции. Кемеровский театр драмы в отражении областной газеты «Кузбасс» (1930–1980-е годы)». Два года назад вышла объёмная коллективная монография «Миры театральной культуры Кузбасса» [2]. К этому надо прибавить сборники и журналы КемГУКИ, в которых планомерно появляются соответствующие материалы и публикации [3]. Стремление системно исследовать «местный» театральный процесс, сочетать исторический очерк и анализ самых разных параметров жизни театра очевидно.

На пустом месте не возникло бы подобной театроведческой активности, при всём уважении к творческому потенциалу кемеровских исследователей. Театральное искусство Кузбасса – сравнительно – исторически молодо. На наших глазах, это театральное пространство входит в некую новую фазу. Среди спектаклей, упомянутых в только что вышедшей монографии «Театральное искусство Кузбасса – 2000», большую долю я видела на тех или иных фестивалях или читала о них. И речь идёт не только о кемеровских театрах – но и о сценах Прокопьевска, Новокузнецка и, добавлю, Мариинска. Другими словами, театральный Кузбасс интегрируется в общероссийское пространство, и на этой карте это уже давно не белое пятно, а театральная «республика» с конкретными именами режиссеров, актеров, с памятными названиями многих уже приметных спектаклей. И пусть их становится всё больше!

Но важно давать себе отчёт в том, что этот достигнутый уровень, новый резонанс существования в театральном процессе, пожалуй, не может быть самоцелью. Театр существует здесь и сейчас – значит, существеннее всего то, как ему живётся у себя дома, слышат ли сцена и зал друг друга тут, на своей почве. Вот вышедшая в Кемерово коллективная монография убеждает, прежде всего, в том, что театральная практика и её осмысление участвуют в едином процессе, развивают общее театральное пространство. Важно, что авторы видят проблемные узлы в этом развитии.

Первая глава книги состоит из двух параграфов (автор обоих Н. Л. Прокопова) и раскрывает социокультурный контекст периода, которому посвящено всё коллективное исследование. «Театральное искусство Кузбасса в зеркале общероссийских тенденций 2000–2010 годов» – основательный, добротно проработанный экскурс в тот клубок проблем, что связан с осуществлением театральных реформ, с многоукладностью театральной жизни. (К слову: ходовую бюрократическую формулу о работе театров как предоставлении населению «театральных услуг», думается, стоило убрать за пределы гуманитарного исследования. Многие деятели театра буквально вопиют о порочной тенденции сведения культурной миссии театров к «предоставлению услуг», на уровне прачечных). Проблематика, задевающая все театральное пространство нашей страны, показана в конкретном «местном» преломлении, на примере конкретных театров Кузбасса.

Второй параграф книги – «“Новая драма” и репертуарный театр: опыт соприкосновения» – это уже начало собственно изучения художественного процесса в регионе. Сценический материал этого параграфа будет неизбежно и естественно фигурировать в разных ракурсах и в последующих главах. Здесь в соответствии с «социокультурным» аспектом этой открывающей сборник главы Н. Л. Прокопова акцентирует те свойства «новой драмы», что осознаются ее авторами как миссия: новый жизненный материал, новая адресность, новая эстетическая платформа. Достоинством этого параграфа является вдумчивое, критическое отношение ко всем этим постулатам. Автор видит их проблематичность и в то же время живое театральное содержание, когда говорит о соотношении «читок» и состоявшихся сценических версий, о феномене «жёсткой игры». За текстом ощутима большая проделанная работа, индивидуальное отношение к описываемому современному феномену. Тут много тонких наблюдений, и разбор конкретных спектаклей, поставленных в Кемерово и в Прокопьевске, выходит за пределы рецензии, имеет принципиальный смысл. Вывод о преодолении резкого конфликта между «новой драмой» и репертуарным театром, о позитивном смысле их взаимодействия, не декларативен и вытекает из всего предыдущего содержания.

В самом деле, от полного отчуждения традиционной драматической сцены от «новой» драматургии театр перешёл к ситуации, когда постановки таких пьес, сделанные молодыми же режиссерами, увенчиваются лаврами на больших театральных фестивалях. Впрочем, фестивальная успешность – замечательный стимул для театра, но это эфемерная ценность, если нет баланса с глубокой театральной пахотой у себя дома, на своей почве. Не секрет, что вырванные из этой самой почвы постановки в ситуации фестивального экспорта нередко теряют органику, и дело не только в серьёзных проблемах проката на чужой площадке, в неподходящем пространстве. Родную «акустику», связь спектакля с той почвой, что его породила, ничто не заменит. Не случайно выработался своего рода тип «фестивального спектакля», с определённой рецептурой, с прогнозированным успехом у специфической фестивальной аудитории. Впрочем, опытный глаз всегда предпочтёт театральную работу с основаниями большими, чем пресловутая фестивальная «ударность».

Динамика в театральном деле, оживление межрегиональных связей – очевидная реальность. Обновление режиссёрской палитры, обращение к драматургическому материалу нового типа – естественный, объективный ход вещей, который стимулирует творческое развитие театров. Рейды молодых постановщиков, входящих в кузбасские театры с идеями и названиями, характерными для нового театрального поколения, доносят сюда веяния столичных, петербургских, фестивальных подмостков. Это интереснейший процесс – но именно благодаря активному взаимодействию разных культурных пластов.

Недолговечность подобных рейдов, частая сменяемость художественного руководства в театрах – примета времени, подробно рассмотренная, в частности, в специальном, наиболее развёрнутом параграфе «Приглашённые режиссеры: опыт сотрудничества» (автор Н. Л. Прокопова). Нельзя не оценить этих усилий и не позавидовать кузбасским театрам. Сделана попытка целостно осмыслить совсем свежий театральный опыт. Статистические выкладки-схемы, фиксирующие в разных ракурсах объективную картину проблемы, сочетаются с внятным анализом конкретных постановок, конкретного вклада «варягов» в расширение эстетического кругозора театров и публики, в развитие актерских индивидуальностей. Процесс анализируется с применением, как видим, разной оптики. Речь идёт о каждом театре прицельно – в соотношении с общими тенденциями. Эти принципиальные тенденции процесса и его конкретные проявления, «фактура» сопряжены. Возникает объёмная картина, «десант» режиссуры в театрах Кузбасса осознан именно как новейший феномен, в разных его вариантах и степени художественной состоятельности. (Отдельная благодарность за возможность получить, что называется, из первых рук свидетельства о работе на кузбасской земле наших петербургских режиссеров). Конечно, историческая дистанция минимальна для того, чтобы тема была «исчерпана»; но сделан добротный задел для возможных последующих театроведческих исследований. Сказанное относится не только к данному параграфу. Смысл штудий, предпринятых авторами этого издания, выходит и за пределы конкретного театрального пространства.

Творческая мобильность, опыт существования в разных системах художественных координат – без этого уже и не может развиваться современный артист. Но тут же возникают проблемы. Театр-дом – не просто расхожая метафора. В театре, располагающем осмысленной и долгосрочной стратегией развития, возникает культурная база, которая определяет его художественное лицо. Эта реальная творческая состоятельность, не просто узнаваемость, но и добротность ин-

дивидуального творческого почерка становятся в итоге внятными, очевидными и для своей аудитории, и для фестивальных экспертов и публики. В Кемерово есть два таких театра – Молодёжный театр на Арочной, возглавляемый режиссёром Ириной Латынниковой и директором Григорием Забавиным, и Театр кукол под руководством Дмитрия Вихрецкого. Абсолютно законно каждому из них посвящен во второй главе отдельный параграф.

Параграф о режиссерском искусстве Ирины Латынниковой, с заголовком «Становление театра-дома», написала Н. Л. Прокопова, и это объёмный портрет театра, в котором основательный очерк истории театра, руководимого счастливым тандемом режиссёра и директора Григория Забавина, сочетается с серьёзной попыткой проникнуть в режиссерскую индивидуальность Латынниковой. Таким образом, продолжено краткое, но выразительное обращение к теме, предпринятое А. И. Бураченко в упомянутой выше коллективной монографии 2010 года. Новая, на этот раз более фундаментальная попытка тем более удачна, что творческая деятельность художественного руководителя театра, «самоотверженного и самозабвенного», по словам автора [4], в своей работе, являет собой пример редкой целостности. Вернее сказать, её кредо столь существенно и столь органично совмещает художественную и этическую составляющие (и об этом пишет Н. Л. Прокопова), что обе задачи очерка не противостоят, а дополняют друг друга. Осмысление пути молодого коллектива позволяет также увидеть, как постепенно театр занял своё место в городе, добился понимания и зрителей, и критики.

Этот путь прослежен от самого начала до премьер последнего сезона. Параграф вбирает важные аспекты – драматический переход бывшего Театра на Весенней на новые рельсы, строительство репертуара и выращивание труппы. Акцент сделан именно на формировании ансамблевости игры, на совершенствовании актерского искусства, – недаром здесь возникает целая галерея актерских работ, с выразительными характеристиками артистических индивидуальностей. Детализированная психологическая игра, по наблюдениям Н. Л. Прокоповой, становится основополагающим ключом к построению образа и к воспитанию актёра. Автор отдаёт себе отчёт в том, что за её фундаментальным очерком, в свою очередь, должно последовать полномасштабное исследование, касающееся формирования художественной программы театра, на редкость жизнеспособного союза с художником, балетмейстером.

Что касается Кемеровского областного театра кукол, возглавляемого Дмитрием Вихрецким, то название параграфа («Театральный жест Вихрецкого: от безмолвного «Пера Гюнта» до красноречивого «Евгения Онегина»), написанного Т. А. Григорьянц, как будто бы очерчивает крутую параболу. На самом деле речь здесь, скорее, идёт о постоянстве режиссера в упорном освоении новых художественных пространств в рамках маленького театра кукол.

Мы вновь видим слагаемые строительства театра со своей художественной программой, от специального пластического тренинга артистов, акцента на их культурной оснащённости – до разработки авторской драматургии спектаклей. Из этого очерка видно, как отказ от примитива, художественная состоятельность детских спектаклей сделали постановки в этом театре интересными и для детей, и для их родителей. Конкретные спектакли представлены весьма выразительно, как живая, развивающаяся структура. Относительно «Пера Гюнта», поставленного в 2002 году и не только активно существующего в репертуаре родного театра, но и участвующего во многих фестивалях, Т. А. Григорьянц делает тонкое наблюдение о «взаимопроникновении, взаимопонимании и взаимовлиянии авторов и живой ткани сценического произведения». При этом

под авторами спектакля без обиняков подразумеваются и режиссер, и педагог по сценическому движению, и актеры [5], – и это утверждение не воспринимается как натяжка.

Понятно, что такая организация структуры спектакля – программна, и столь же планомерен поиск своего театрального языка. Автор параграфа проводит нас через многие стадии содержательного творческого пути коллектива (весьма интересен, в частности, разговор о постановке пьесы молодого драматурга А. Хромова «Тедди»). И вот финальный, в разговоре о Дмитрии Вихрецком, спектакль по «Евгению Онегину» вновь обнаруживает особую, «авторскую» активность артистов в структуре постановки. Само давно ставшее штампом, приевшееся совмещение «живого» и «кукольного» планов в спектакле получает здесь неожиданное индивидуальное разрешение. Мощное, как и в «Пере Гюнте», присутствие музыки выводит в единое обобщенное художественное поле и ампирную вязь бумажных силуэтов, и ту нежность с иронией пополам, с какой звучит Пушкин в устах «клуба разбитых сердец», в исполнении квартета заслуженных артисток театра. В итоге театр и его режиссер предстают в поиске «новых типов соотношений между словом и жестом, между куклой и исполнителем, между движением и мыслью, между телом и эмоцией» [6] – в процессе неустанного творческого обновления языка театра кукол.

Эта вторая, режиссерская глава книги заканчивается параграфом «Опыт европейской режиссуры в Музыкальном театре Кузбасса» (автор Т. А. Григорьянц). Речь идёт о международных связях, становящихся актуальными и для деятелей искусства Кузбасса. Основным сюжетом этого материала является история постановки «Пиковой дамы», совместного проекта с Нюрнбергским театром «Покет опера компани». Компактный, портативный спектакль по классическому произведению, при этом демонстрирующий современный, «европейский» взгляд на оперную режиссуру, – экспериментальная ситуация, которая, как свидетельствует автор материала, оказалась весьма ко времени, и не только для конкретного коллектива Музыкального театра. Потребность разомкнуть привычные, ставшие архаичными рамки интерпретации классики в музыкальном театре, надо полагать, давно назрела, – и не случайно спектакль получил большой резонанс, а молодые артисты, певцы получили эффективный творческий стимул, толчок в своём профессиональном становлении.

Третья глава посвящена искусству спектакля, рассмотренному в трёх ракурсах. Естественно, материал и герои прежних глав здесь нередко возникают вновь, в соответствующем преломлении. Так, Т. А. Григорьянц выступает автором параграфа «Пластическая компонента как составляющая спектаклей периода 2000–2010 годов». Неуклюжесть названия и, добавим, избыточность пространного зачина, возвращающего к материалу первой главы монографии, не отменяет содержательности этого параграфа.

То, что авторы рассматриваемой книги находятся внутри процесса, сами являются практиками, только придаёт вескость, необходимую конкретность, при условии, что они видят и оценивают в той же степени общую тенденцию. В данном случае разбор пластических партитур «Сирано де Бержерака», «Трёх сестёр» и других спектаклей в Кемеровском театре драмы выходит за пределы конкретного материала, являет собой профессиональную штудию, на примере которой могли бы учиться театроведы. То же, кстати, касается выходов Н. Л. Прокоповой в главах, ею написанных, в близкую ей сферу сценической речи: они обогащают представление о структуре спектакля и расширяют знание о возможных связях столь специальных аспектов сценической фактуры со смыслом действия в целом.

Далее следует параграф «Художественное пространство спектакля в литературном

театре «Слово» (автор В. В. Чепурина), – и здесь мы вновь встречаемся с Ириной Латынниковой, на этот раз как руководителем коллектива под крышей Государственной филармонии Кузбасса. Художественный авторитет этого режиссёра подтверждать уже не требуется; тем существенней интерес к пониманию законов, по которым существует ее «литературный театр». В этом смысле парадоксальная формула, выведенная в заголовке, – «художественное пространство спектакля в литературном театре» – очень важна. Преломление драматического начала в аскетическом варианте театра не только без кулис, но и почти без всякого убранства – задача, достойная Латынниковой. Художественное пространство здесь вещь глубоко внутренняя, достигаемая, по определению автора, «живым словом». Речевое действие в «Долгом прощании» по повести Юрия Трифонова ощутимо (я знаю этот спектакль, как и многие другие, проходящие по страницам книги), и к чести автора, она умеет показать драматическое переплетение мотивов, их актерское наполнение и общий, возникающий в ходе действия смысл. Автор интересно рассуждает об особом существовании актера в литературном театре: например, о «диалоге разных структур одного образа персонажа», когда в исполнителе сочетается «рассказчик» и действующий персонаж, как грани единого образа в спектакле! Столь же тонкому анализу подвергается и спектакль по «Пиковой даме» в театре «Слово».

И. Г. Умнова, автор последнего параграфа в этой главе, «Музыка как неотъемлемый компонент в спектаклях режиссёров кемеровских театров», обращает внимание на использование музыки такими мастерами кемеровской сцены, как Ирина Латынникова и Дмитрий Вихрецкий. Здесь, опять-таки, существенна профессиональная конкретика в раскрытии образной силы и действенного смысла в каждом конкретном случае.

Наконец, четвёртая глава, посвященная актерскому мастерству, состоит из двух параграфов, посвященных соответственно образу героя на кузбасской сцене и образу героини у трёх ведущих актрис, играющих в театрах Кузбасса. В параграфе есть точные мысли об эволюции героя в современном театре, о переменах в его статусе и характере, связанных и с общественной ситуацией. В целом надо признать, что «актерское мастерство», хоть и затронуто порой автором в выразительных эпизодах, не стало в этом параграфе приоритетным мотивом.

Совершенно иначе построен второй параграф, посвященный трем актрисам: «Героиня нашего времени: первоосновы бытия (Лидия Цуканова, Светлана Попова, Наталья Юдина)». Эти актрисы, по мысли автора, наиболее характерно и полно выражают разные стороны «нового типа женственности», пришедшего на сцену жизни и театра [7]. Соответственно в этой главе более целенаправленно говорится об актерской составляющей темы, уловлен индивидуальный вклад каждой актрисы в то самое понятие «женственности», претерпевающее сегодня перемены.

Заключительный раздел коллективной монографии – Приложение, со списком актеров, награжденных театральной премией Кузбасса «Лучшая роль сезона» (период 2000–2010 годов), производит сильное впечатление, это настоящая здравица в честь мастеров актерского цеха – и достойное завершение всей книги, посвященной театральному искусству Кузбасса.

Подчеркну ещё раз: сам кузбасский театр, критика, на которую не раз опираются авторы в своих статьях, исследовательская мысль о театральном процессе – идут рука об руку, развиваются вместе. Книга, о которой идёт речь, становится вкладом в общее осмысление современного сценического искусства. Усилия, предпринимаемые в этом смысле в Кемерово – редкий случай и очень ценный опыт.

Литература

1. Прокопова Н. Л. Режиссерское искусство Ирины Латынниковой: становление театра-дома // Театральное искусство Кузбасса – 2000: коллективная монография / Н. Л. Прокопова, Т. А. Григорьянц, В. В. Чепурина, И. Г. Умнова; отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 69.
2. См.: Миры театральной культуры Кузбасса: коллективная монография / отв. ред. Л. Т. Зауэрвайн. – Кемерово: Примула, 2010. – 416 с.
3. См. напр.: Григорьянц Т. А. «Игра» означаемых и означающих в сценическом тексте спектакля, или авторский комментарий к одной пластической партитуре («Пер Гюнт» Г. Ибсена – Э. Грига. Кемерово, 2002) // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Жанр – форма – направление: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – Вып. 7. – С. 264–273; Прокопова Н. Л. Психологическая детализация как составляющая режиссерского искусства Ирины Латынниковой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – № 16. – С. 41–46; Чепурина В. В. Героиня нашего времени: поиск ценностной идентичности (актриса Наталья Юдина на сцене Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского) // Вестник Кемеров. гос. уни-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ. – 2012. – № 18. – С. 79–83; Умнова И. Г. Музыка в спектаклях режиссера Ирины Латынниковой // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ. – 2011. – № 16. – С. 46–53 и др.
4. См.: Прокопова Н. Л. Режиссерское искусство Ирины Латынниковой: становление театра-дома // Театральное искусство Кузбасса – 2000: коллективная монография / Н. Л. Прокопова, Т. А. Григорьянц, В. В. Чепурина, И. Г. Умнова; отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 72.
5. См.: Григорьянц Т. А. Театральный жест Вихрецкого: от безмолвного «Пера Гюнта» до красноречивого «Евгения Онегина» // Там же. – С. 108.
6. Там же. – С. 115.
7. См.: Чепурина В. В. Героиня нашего времени: первоосновы бытия (Лидия Цуканова, Светлана Попова, Наталья Юдина) // Там же. – С. 293.

Literatura

1. Prokopova N. L. Rezhisserskoe iskusstvo Irinyi Latyinnikovoy: stanovlenie teatra-doma // Teatralnoe iskusstvo Kuzbassa – 2000: kollektivnaya monografiya / N. L. Prokopova, T. A. Grigoryants, V. V. Chepurina, I. G. Umnova; otv. red. N. L. Prokopova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – S. 69.
2. Sm.: Miryi teatralnoy kulturyi Kuzbassa: kollektivnaya monografiya / otv. red. L. T. Zauervayn. – Kemerovo: Primula, 2010. – 416 s.
3. Sm. napr.: Grigoryants T. A. «Igra» oznachaemyih i oznachayuschih v stsenicheskom tekste spektaklya, ili avtorskiy kommentariy k odnoy plasticheskoy partiture («Per Gyunt» G. Ibsena – E. Griga. Kemerovo, 2002) // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyit: Zhanr – forma – napravlenie: sb. nauch. tr. / pod red. G. A. Zhernovoy. – Kemerovo: KemGUKI, 2009. – Vyp. 7. – S. 264–273; Prokopova N. L. Psihologicheskaya detalizatsiya kak sostavlyayuschaya rezhisserskogo iskusstva Irinyi Latyinnikovoy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturyi i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyih issledovaniy / Kemerovskiy gosudarstvennyiy universitet kulturyi i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI. – 2011. – № 16. – S. 41–46; Chepurina V. V. Geroinya nashego vremeni: poisk tsennostnoy identichnosti (aktrisa Natalya Yudina na stsene Kemerovskogo oblast-

nogo teatra dramyi im. A. V. Lunacharskogo) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturyi i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyih issledovaniy / Kemerovskiy gosudarstvennyiy universitet kulturyi i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI. – 2012. – № 18. – S. 79–83; Umnova I. G. Muzyika v spektaklyah rezhissera Irinyi Latyinnikovoy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturyi i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyih issledovaniy / Kemerovskiy gosudarstvennyiy universitet kulturyi i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI. – 2011. – № 16. – S. 46–53 i dr.

4. Sm.: Prokopova N. L. Rezhisserskoe iskusstvo Irinyi Latyinnikovoy: stanovlenie teatra-doma // Teatralnoe iskusstvo Kuzbassa – 2000: kollektivnaya monografiya / N. L. Prokopova, T. A. Grigoryants, V. V. Chepurina, I. G. Umnova; otv. red. N. L. Prokopova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – S. 72.
5. Sm.: Grigoryants T. A. Teatralnyiy zhest Vihretskogo: ot bezmolvnogo «Pera Gyunta» do krasnorechivogo «Evgeniya Onegina» // Tam zhe. – S. 108.
6. Tam zhe. – S. 115.
7. Sm.: Chepurina V. V. Geroinya nashego vremeni: pervoosnovyi byitiya (Lidiya Tsukanova, Svetlana Popova, Natalya Yudina) // Tam zhe. – S. 293.

И. Г. Умнова

Рецензия
на монографический справочник *Бородина Бориса Борисовича* – Уральская композиторская организация: История и современность (монографический справочник). – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2012. – 400 с., ил. ISBN 978-5-905095-03-0

I. G. Umnova

Review
to the monographic guide to *Borodin Boris Borisovich* – Ural composers' organization: Past and Present (monographic book). – Yekaterinburg: Ural Literary Agency, 2012. – 400 p., il. ISBN 978-5-905095-03-0

Отечественное краеведение как определенная отрасль знания способствует формированию целостного представления о культурной жизни регионов и в начале XXI века демонстрирует новый уровень, очередную ступень в своем развитии, продолжая выполнять присущую ей изначально функцию по сохранению исторической памяти отечественного социума. Важен вклад ученых, панорамно представляющих в строгом научном жанре уникальные факты творческой жизни регионов и культурный контекст индустриальных центров, связанных с многовековой историей России. Работы подобного рода, как правило, выполняются в течение длительного времени, являются результатом многотрудной деятельности целого коллектива авторов. Поскольку необходимо систематизи-

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

УДК: 008(07); 1(091)

Р. Р. Таземдинова

КАНТОВСКИЕ «ПРОТИВОРЕЧИЯ», ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ФИЛОСОФИИ ТЕАТРАЛЬНОСТИ

В статье предлагается анализ одного из проявлений философии театральности (на материале кантовской «Критики чистого разума»), описываются некие ограничения логики отношений высказываний Канта, делающих её (логику) театрально-нормативной.

Ключевые слова: театральность, норма, субстанция человеческой свободы, игра, артистизм, субстрат выбора.

R. R. Tazetdinova

KANTIAN “CONTROVERSY” OR ONCE MORE ABOUT THE PHILOSOPHY OF THEATERS

The article presents the analysis of a manifestation of philosophy of theater (based on Kant’s “Critique of Pure Reason”), describes some limitations of logic relations the statements of Kant making logic theatrical normative.

Keywords: theater, norm, substance of human freedom, game, artistry, substrate of choice.

Безусловно, практика «человеческого рассуждения никогда не может ответить нам на вопрос, что такое корректный вывод» [1, с. 64]. Почему так? Да потому, что при этом обязательно всплывает проблема: что означает ситуация, когда «наблюдаемая практика, “отклоняется” от некоторой логической нормы?» [1, с. 65]. Быть может, это результат «немонотонного и нечеткого рассуждения в познании»[18] или присутствие своеобразной театральности в аргументации аксиом, которые организуют научное исследование? Как бы то ни было, границы между рассуждениями в логике и человеческими рассуждениями не столь уж четкие, чтобы преодолеть слабость, заставляющую нас верить фактам. Например, никто не сомневается в наличии той же театральности, хотя никто не знает, что это такое. Определения театральности как феномена культуры чрезвычайно разноречивы. Остается признать театральность неким теоретическим конструктом. В условном значении театральность есть «зрелищность» – синоним «красоты», «артистичности». Но в условном значении она есть еще и «игра» – синоним «свободы творчества». И первое, и второе означают дифференциацию контекста применения термина, не более того. Во всяком случае, театральность связана со свободой творчества, которая со своей стороны – субстрат выбора, «существо волевого акта» [3, с. 274], но плюс ко всему и с «суб-

[18] См. подробнее об этом: Ляйтгеб, Шурц 2005. – Leitgeb H., Schurz G. Non-monotonic and uncertain reasoning in cognition // Synthese, 146 (2005).

явлений в природе. Кант рассматривает проблему идеальности времени, которое присуще вещам самим по себе. Но в отличие от природы, в интеллигибельном мире человека отсутствует «железная» сцепка причин и следствий, поэтому время в человекомире обладает причинностью особого рода, способной самовыражаться через свободу, с помощью которой человек становится моральным существом. В отличие от природы человек способен пересмотреть время, «отменить» или изменить его ход. Короче говоря, превратить время из физической реальности в метафорику, в театральность. Логика И. Канта дает основание полагать, что можно говорить и о «первичности» пространственно-временного фона, как одной из особенностей источников кантовского априоризма в представлениях о пространстве и времени, то есть – время и пространство у Канта суть априорные формы чувственности. Но как быть с утверждением об открытии множественности геометрий, которые есть не что иное, как математические модели концептуальных пространств и интерпретации математических понятий, с помощью которых описывается это пространство-время? Проблема выбора модели здесь принципиально значима, она уже не условность, она безусловность в пользу абстрактных математических пространств, которые, как и перцептуальное пространство, становятся средствами описания и познания *реального* пространства-времени. Как далеко мы сможем уйти в своих ощущениях? Ведь пространство и время совсем *не синтезируют*, а лишь располагают человеческие восприятия *в некоем порядке.* Этим ещё раз подтверждается мысль о том, почему Кант вводит понятие «a priori», как «категории», с помощью которой рассуждает о созерцании опыта. Без *a priori категории* невозможно ни созерцание, ни возможность мышления. Тем самым кантовские категории выступают *условиями данности* наблюдаемых объектов в пространстве и времени, а значит, и *условиями объективности*. Что имел в виду Кант, говоря о дедукции как определении объекта в его отличии от простой данности опыта? Почему события он считает объектами? Если «рассудок» мыслит объекты общезначимыми, то есть независимыми от чувственности, то это совсем не означает, хотя и может казаться, что мы имеем дело с ноуменами, с вещами самими по себе? Позиция Канта в этом плане остается до конца неясной. Человек, по Канту, – дитя двух миров, чувственного и умополагаемого, «феномен и ноумен одновременно» [8, с. 195]. Пребывание в мире в качестве феномена делает человека единицей чувственного мира, но как ноумен он – существо сверхчувственное, подчиненное некоему идеалу. Тем самым, можно говорить об эмпирическом наследии окружения и ноуменальных, интеллигибельных, присущих ему изнутри качествах. Чувственность и мышление, по Канту, в отличие от гегелевской чувственности, которая подчинена мышлению, четко разделены. Поэтому вполне допустимо, что его эстетическое есть «не поддающееся объяснению представление» [2, с. 218], а лишь играющая видимость, как порождение иллюзии от «свободной игры» душевных сил в искусстве, позволяющая философу признавать её «истиной в явлении»[22].

Резюме. Таким образом, кажущаяся противоречивость кантовских определений, порождаемых логикой, есть всего лишь предпо-

[22] Феномен и ноумен – две стороны единой вещи, которая существует сама по себе (ноуменально), хотя некоторые ноумены могут восприниматься человеком и чувственно, то есть могут существовать как феномены. Познание не говорит о том, что собой представляют вещи сами по себе (ноумены) за пределами нашего восприятия. Остается только думать, что вещи сами по себе (ноумены) существуют.

ложение в форме некоего множества формул, могущих именоваться гипотезами. Эти гипотезы, в отличие от декартовских, существуют уже не столько в эпистемологическом, сколько в логическом смысле. Театральность кантовских суждений довольно жестко проявляется в описании ненаблюдаемых ситуаций и нереальной действительности независимо от того, как автор пытается их доказывать. Та же его теория субъекта, по большому счету, есть попытка утверждать некие законы или структурные модели существования субъекта. Но поскольку они не имеют фиксированного физического значения, то можно сказать, что теория в этой части семантически неопределенна, то есть ключевые её термины не определены относительно своего значения, а описывают некие ограничения логики отношений высказываний Канта, делающих её (логику) театрально-нормативной.

Литература

1. Ван Бентем Й. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 63–76.
2. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 386 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
4. Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. – М.: Наука, 2006. – Ч. 1. – 1081 с.
5. Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика разума становится излишней ввиду наличия прежней // Кантовский сборник. – Калининград, 1993. – Вып. 17. – С. 139–140.
6. Кант И. Критика способности суждениям / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. А. В. Гулыги. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
7. Коваленко В. А. Труд и игра в контексте творчества (Размышления о русской художественной и философской литературе XIX–XX веков) // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 163–169.
8. Пустовит А. В. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра. – Киев: МАУП, 2006. – 680 с.
9. Тазетдинова Р. Р. Театральность справедливости в пространстве самодовлеющего блага // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 20. – С. 14–18.

Literatura

1. Van Bentem J. Logika i rassuzhdenie: mnogo li znachat fakty? // Voprosy filosofii. – 2011. – № 12. – S. 63–76.
2. Veblen T. Teorija prazdnogo klassa: per. s angl. – M.: Progress, 1984. – 386 s.
3. Vygotskij L. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. – M.: Pedagogika, 1983. – T. 3. – 368 s.
4. Kant I. Kritika chistogo razuma: v 2 ch. – M.: Nauka, 2006. – Ch. 1. – 1081 s.
5. Kant I. Ob odnom otkrytii, posle kotorogo vsjakaja novaja kritika razuma stanovitsja izlishnej vvidu nalichija prezhnej // Kantovskij sbornik. – Kaliningrad, 1993. – Vyp. 17. – S. 139–140.
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdenijam / per. s nem., vstup. st. i komment. A. V. Gulygi. – M.: Iskusstvo, 1994. – 367 s.
7. Kovalenko V. A. Trud i igra v kontekste tvorchestva (Razmyshlenija o russkoj hudozhestvennoj i filosofskoj literature XIX–XX vekov) // Voprosy filosofii. – 2011. – № 12. – S. 163–169.
8. Pustovit A. V. Jetika i jestetika: Nasledie Zapada. Istorija krasoty i dobra. – Kiyev: MAUP, 2006. – 680 s.
9. Tazetdinova R. R. Teatral’nost’ spravedlivosti v prostranstve samodovlejushhego blaga // Vestnik Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 20. – S. 14–18.

УДК: 111

Г. П. Ковалева

КАТЕГОРИЯ «ДУХОВНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

В статье анализируются философские взгляды русского космиста Н. А. Бердяева о Боге, духе, душе, человеке, духовной жизни, духовном опыте. Через призму экзистенциализма и персонализма раскрываются представления Бердяева о духовности: 1) как трансцендентной энергии, формирующей дух, душу и тело человека; 2) как процессе трансмутации божественной энергии человеком, преображающей его в богочеловека; 3) как развитие человеческой личности, являющейся основой духовности.

Ключевые слова: Бердяев, русский космизм, духовность, антропокосмизм, экзистенциализм.

G. P. Kovaleva

THE CATEGORY OF “SPIRITUALITY” IN PHILOSOPHY OF N. A. BERDYAEV

Philosophycal views of Russian cosmist N.A. Berdyaev concerning God, spirit, soul, human beings, spiritual life and experience are analysed in this article. It reveals Berdyaev’s outlooks on spirituality: 1) as the transcendental energy forming spirit, soul and body of a person; 2) as the process of transmutation of divine energy of a person transferring him into the Human God; 3) the development of the human’s personality as the basis of spirituality through the prism of existentialism and personification.

Keywords: Berdyaev, Russian cosmism, spirituality, antropocosmism, existentialism.

Реалии XXI века, характеризующиеся обострением глобальных проблем и мировым кризисом капиталистической цивилизации, базирующейся на господстве частной собственности, эксплуатации человека, хищническим потреблением природных ресурсов, ведут ко все большей социальной поляризации и неравномерности развития стран мира. В качестве альтернативы этой «потребительской» цивилизации выдвигается так называемая «ноосферная» цивилизация, переход к которой ряд исследователей оценивают как новый виток человеческой эволюции. В связи с этим назрела острая необходимость более глубокой философской проработки вопросов, связанных с понятием духовности, как фундаментальной основы ноосферного общества, и формированием на этой базе интегрированной духовно-этической парадигмы, способной гармонизировать макросоциальные процессы.

В настоящее время классическая философия практически не признает духовного начала как центрального онтологического концепта. Целостный образ мира, формировавшийся в классической философии на основе онтологии, заменен в современной философии эпистемологическим, методологическим, аксиологическим и другими подходами. Но, по мнению ряда философов (Р. С. Карпинская, В. В. Миронов, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов, Л. В. Фесенкова, О. Д. Куракина, Ф. И. Гиренок и др.), сомнительно строить общее представление о мире и о человеческом бытии только на фундаменте науки. Для формирования целостного представления о мире необходимо возродить обновленную онтологическую парадигму. В частности, В. В. Миронов считает, что это можно осуществить лишь на фундаментальных основаниях, зафиксированных в соответствующих фундаментальных философских категориях, то есть метафизически. Поэтому пришло время рассматривать категорию «духовность» как одну из центральных онтологических категорий.

В современной философской и культурологической литературе термин «духовность» достаточно часто употребляется в разных смыслах, в зависимости от мировоззрения автора. Размышления о духовности представлены различными подходами: религиозным, социальным, рационалистическим, экзистенциальным, эзотерическим, мистическим и др. Одни исследователи утверждают, что духовность равнозначна нравственности, другие отождествляют ее с верой в Бога. Одни дают метафизическую трактовку духовности, другие рассматривают это понятие с материалистических позиций, как опыт, накопленный в процессе познания, проявление моральных, нравственных, культурных достижений отдельного индивида и общества в целом.

Важную роль в проработке проблем, связанных с пониманием духовности, играет философия русского космизма, интегрирующая фундаментальное, технологическое, гуманитарное и футурологическое знание [5]. Первенство в разработке философии русского космизма и введении самого термина «русский космизм» принадлежит Ф. И. Гиренку. В философии русского космизма выделяют следующие течения: 1) естественно-научное (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский, А. А. Богданов, А. К. Манеев и др.); 2) религиозно-философское (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.); 3) поэтически-художественное (А. В. Сухово-Кобылин, В. Ф. Одоевский, Н. А. Морозов, Н. К. и Е. И. Рерихи и др.) [8, с. 13, 269–270]. Список русских космистов постоянно расширяется, в него включают В. В. Налимова, В. Н. Демина, Д. Андреева и др. Выделяют космологические мотивы в творчестве М. В. Ломоносова, П. А. Кропоткина, Н. Г. Пирогова, А. С. Пушкина и др. Исследователями философии русского космизма в основном анализируются идеи активной эволюции, активного христианства, «живого космоса», антропокосмизма, храмового синтеза искусства, космобиологических ритмов, космической историософии и др. Однако целостная комплексная проработка вопросов, связанная с пониманием духовности, отсутствует. В связи с этим автор статьи задалась целью осуществить категориальный анализ представлений о духовности в философии русского космизма, одним из этапов этой работы является исследование философского творчества Н. А. Бердяева.

Изучением философии Н. А. Бердяева занимались С. Г. Семенова, Л. Е. Шапошников, Е. М. Амелина, О. Д. Куракина, Е. А. Королькова, Е. В. Дворецкая, Х. А. Холим, М. В. Силантьева и др. Они уделяли внимание преимущественно антропологическим, этическим, религиозным взглядам философа. Между тем основными понятиями, на которых базируется философия Н. А. Бердяева, являются: Бог, дух, душа, духовность, духовная жизнь, свобода, творчество, человек, личность. Рассматривая Бердяева как религиозного философа, исследователи иногда упускают из вида принадлежность его к экзистенциалистам. Сам Бердяев неоднократно подчеркивал, что он вкладывает в религиозные понятия экзистенциальный характер. Для Бердяева Бог есть дух, а «дух не только не есть объективная реальность, но не есть бытие как рациональная категория. Духа нигде нет, как реального предмета, и никогда нет. Философия духа должна быть не философией бытия, а философией существования» [1, с. 366]. Таким образом, философско-религиозный космизм Н. А. Бердяева надо рассматривать как экзистенциальный способ самовыражения с помощью образно-художественных средств, отражение внутреннего личного опыта и эмоциональных переживаний. В нем отсутствуют последовательные доказательства какого-либо тезиса, а присутствуют мозаичные картины, нарисованные внутренними душевными и чувственными импульса-

ми, встречаются противоречия в рассуждениях. Сам Бердяев неоднократно подчеркивал субъективность и эмоциональность своей философии. По его мнению, «философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией. Принципы философии не зависят от результатов и успехов наук», «значительная только та философия, в основании которой лежит духовный и нравственный опыт и которая не есть игра ума. Интуитивные прозрения даются только философу, который познает целостным духом» [3, с. 21, 23].

Интуитивизм свойственен в той или иной степени всем русским философам, в особенности космистского направления. Ф. И. Гиренок назвал это свойство «пато-логией» русского ума, «философией дословности». С его точки зрения, в русской философии «за частоколом слов существует какая-то жизнь. Какой-то опыт. Чтобы его извлечь, надо отказаться от себя. Опыт жизни за словесным барьером и составляет смысл философии дословности» [4, с. 16]. Поэтому есть определенная сложность в гносеологическом анализе и систематизации взглядов Н. А. Бердяева, так как рационализм и чувственность – категории противоположные.

Основным предметом исследования для экзистенциалистов в целом и Н. А. Бердяева в частности является человек, как способ бытия и конечное сущее, реальность, не тождественная рациональности. В качестве центральных принципов экзистенции (существование) у Бердяева можно вывести триаду: *человек* (имманентная реальность) – *Бог* (трансцендентная реальность) – *возможность* (взаимосвязь и развитие трансцендентного и имманентного).

Бог, человек и возможность их взаимодействия составляют, по Бердяеву, основу бытия. Причем *человек* занимает центральное место по своей значимости, как единственная и главная возможность реализации всех трех составляющих триады. Бердяев поясняет, что философия познает бытие из человека и через человека, и в этом ее главное отличие от науки, которая познает бытие отрешенно от человека. Поэтому с позиций философии бытие есть дух, а с позиций науки бытие есть природа. В силу этого, по мнению Бердяева, философия должна быть философией духа, а ее главной составляющей должна быть духовная философская антропология. Исходя из такой постановки, Бердяев утверждает, что в философии духа нет объекта познания, так как познание идет от субъекта-человека и в субъекте-человеке: «Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, то есть в духе, и когда нет для меня объективности, предметности… Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, то есть в духовном мире» [4, с. 24]. Рассмотрим каждую составляющую триады *Бог – человек – возможность* в отдельности и взаимосвязи.

1. *Бог.* «Бог есть Истина, Добро и Красота», в нем «совершенно» совпадают «свобода и необходимость Истины, Добра и Красоты», – утверждает Бердяев в работе «Философия свободного духа» [1, с. 106]. «Бог есть дух, и открывается он в интуитивном созерцании духа» [1, с. 82], – добавляет философ. По его мнению, Бог реально присутствует в жизни святых, мистиков, людей высокой духовности, в человеческом творчестве и постигается посредством духовного религиозного опыта, основанного на интуиции. С точки зрения философа, существует два понимания Бога: 1) Бог как трансцендирование человеческой ограниченности; 2) Бог как таинственная актуальная бесконечность, предполагающая отчужденность человеческой природы, ее внебожественность. Только первое понимание Бога для Бердяева является духовным. Именно в обращенности к Богу человек поднимается над природой и побеждает «ничто». Бердяев отрицает распростра-

ненный в теологических учениях взгляд на Бога как первопричину мира. В работе «Царство духа и царство кесаря» он пишет о том, что причинные отношения между Богом и миром, Богом и человеком не применимы, так как «Бог есть Смысл и Истина Мира. Бог есть дух и свобода», в силу чего «Бог – не объективное бытие, к которому применимы рациональные понятия» [2, с. 219, 221]. Бердяев много размышляет о том, как Бог проявляет себя в мире, и как люди могут его постигнуть. По его мнению, в космогоническом процессе, выходя за пределы естественного мира, Бог может раскрыть себя только символически в религиозной философии. Поэтому многочисленные мифы (миф о Прометее, о грехопадении и искуплении, Спасителе, рождении Богочеловека от Девы Марии, жизни Христа в Палестине, его смерти на кресте и чудесном воскрешении и т. д.) выступают одновременно и как исторические факты и как символы.

2. *Человек.* Бердяев рассматривает устройство бытия как состоящее из двух миров – божественного и материального. Отсюда он выводит представление о человеке как смешанном бытии: духовном, сверхприродном и душевно-телесном. Человек как бы является точкой пересечения двух миров, местом встречи божественного и материального. По мнению философа, «бесконечная сложность и трудность» человеческой жизни заключается в этой дихотомии. С одной стороны, человеку принадлежит примат над бытием, так как бытие раскрывается только в человеке, из человека и через человека, с другой стороны, бытие «человечно». В силу этого, по убеждению Бердяева, не существует трансцендентных границ, отделяющих человека от Бога и от мира. В работе «Царство духа и царство кесаря» Бердяев поясняет, что, как природное существо, человек связан многочисленными нитями с космической жизнью и зависит от круговорота космической жизни. Как существо, несущее в себе Божественный образ, человек является личностью, то есть духовным существом. Таким образом, духовность и личность являются у Бердяева понятиями тождественными, следовательно, духовность раскрывается через личность человека. По мнению философа, двойственность человека делает его одновременно рабом и царем природы, и только качество его духа, то есть духовность, определяет центральное положение человека в природе.

3. *Возможность взаимодействия трансцендентного и имманентного.* Эта возможность обусловлена двойственным устройством человека, проявляется во всей духовной жизни и через духовный опыт. Духовную жизнь Бердяев характеризует как общение людей с Богом, друг с другом и миром «в любви». Духовная жизнь пробуждает душу человека, «размыкает» ее. Поскольку духовность и духовная жизнь присущи человеческой природе, как образу и подобию Божественной природы, постольку духовная жизнь имманентна, а не трансцендентна человеку и является *путем* прохождения его эволюции через противоположение и разделение в себе природы мирской и божественной. Бердяев неоднократно подчеркивает «диалогичность» духовной жизни, как встречи Бога и человека. Кроме того, он провозглашает дуализм Божественного и природного как необходимое условие развития мира, утверждения свободы человека: «Существование Бога есть хартия вольностей человека. <…> Достоинство человека в том, чтобы не подчиниться тому, что ниже его. Но для этого должно быть то, что выше его» [2, с. 220].

Из анализа экзистенциальной триады следует, что Бердяев придерживался теоантропоцентрических взглядов на устройство бытия. В его Универсуме, состоящем из божественного, человеческого и природного миров, центральное место принадлежит человеку, как связующему звену и гаранту развития всего сущего.

Антропокосмизм Н. А. Бердяева. Из размышлений Бердяева следует, что человек является сложным «бытийственным феноменом», состоящим из четырех составляющих: божественной, духа, души и тела. Первая – «божественная» – составляющая человека раскрывается Бердяевым через понятие «первожизнь». Анализируя написанное Бердяевым о феномене первожизни, можно сказать, что *первожизнь – это дух*, который пребывает в «ничто», Боге и человеке, составляя трансцендентное. Также можно сказать, что первожизнь – это само «ничто», в котором, согласно библейским текстам, пребывает Бог и из которого тот сотворил материальный мир, человека. Именно первожизнь связывает в единое целое Бога, как трансцендентное, и человека, как имманентное. Бердяев поясняет, что человек погружен в первожизнь, пронизан «духом» первожизни, познает первожизнь через «откровения» о мистерии первожизни, получаемые в духовном опыте. В силу этого, по утверждению Бердяева, все бытие, весь материальный мир являются частью человека, а не наоборот. В этом взаимопроникновении, взаимовлиянии «ничто», Бога и человека в первожизни заключается понимание Бердяевым принципа всеединства, провозглашенного В. С. Соловьевым. Познание первожизни предполагает *духовную соборность* всего человечества. В утверждении Бердяева о том, что первожизнь – это духовная жизнь, само «ничто», Бог и человек прослеживается трансцендентный или мистический пантеизм, то есть признание обожествления всего бытия.

Вторая составляющая человека – *дух*. В работе «Философия свободного духа» философ пишет: «Бог есть дух. Дух же есть активность. Дух есть свобода», «Дух есть жизнь, и самосознание духа есть самосознание жизни… Дух есть творческое становление», «Дух не есть субстанция, не есть объективно-предметная реальность в ряду других. Дух есть жизнь, опыт, судьба», «Дух не противоположен плоти, плоть есть воплощение и символ духа» [1, с. 24, 26, 29, 32]. В работе «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» Бердяев дополняет: «Дух есть субъект» и в силу этого противоположен «вещи», «дух утверждает свою реальность через человека, человек есть манифестация духа», «дух есть действие сверхсознания в сознании, духу принадлежит примат над бытием» [1, с. 371]. Из этих и других многочисленных размышлений Бердяева о духе можно вывести следующие положения: 1) дух первичен, он – субъект, то есть творец человека и мира; 2) направленность духа определяет структуру сознания человека, а структура сознания определяет познание; 3) качества духа имеют безотносительную природу, так как раскрываются в самой жизни; 4) дух не является противоположением души, тела, материи; он впитывает их в себя, «пронизывая» мир своим Божественным светом; 5) основное противоположение проявляется между духом и природой, поскольку дух и природный мир несходны, различны, вне человека нигде не соприкасаются и не взаимодействуют; 6) дух есть жизнь, поэтому жизнь раскрывается только в опыте духовной жизни; 7) природа духа Гераклитова, то есть дух – это живой огонь, «огненное движение», поэтому покидание духом тела человека означает прекращение жизни или смерть; 8) жизнь духа, или духовная жизнь, есть «предметная реальность» первожизни.

В рассуждениях о духе раскрывается персонализм Бердяева. Рассматривая человека как Божью идею, замысел и задачу, философ утверждает, что именно качество духа определяет человеческую личность. Поэтому, с его точки зрения, «личность есть, прежде всего, качественно своеобразная духовная энергия и духовная активность, она – центр творческой энергии» [1, с. 30]. Из ска-

занного видно, что бытие личности возможно только при раскрытии в ней духовного начала посредством духовного опыта. А поскольку духовная энергия – это творческая космическая энергия, постольку «человек космическое существо» [2, с. 130].

Таким образом, понятие личности отличается у Бердяева от понятия эмпирического человеческого существа. Человек, как эмпирическое существо, с точки зрения философа, есть индивидуум, являющийся природно-социальным порождением, наделенным телесно-душевной организацией, поэтому должен быть предметом изучения биологии, психологии, социологии. Человек, как личность, есть духовная реальность (субъект), которую нельзя превращать в объект научного исследования. Главными характеристиками личности, по Бердяеву, являются духовность и свобода, он утверждает, что личность и есть сама духовность и свобода. Это утверждение роднит Бердяева с экзистенциализмом Кьеркегора, Ясперса, Хайдеггера, Сартра. Его экзистенциалистская этика воплощает собой основные принципы трансцендентного и эмпирического бытия, определяемые сущностной экзистенцией духовного начала. А. В. Сухоруких выразил следующим образом эту особенность экзистенциального восприятия мира, в котором «человек действует изначально из глубины своей подлинной единой реальности, он не порывает свои корни бытия, он всегда тождественен своей трансцендентной сущности» [6, с. 95].

Третья составляющая человека – *душа*, по мнению Бердяева, принадлежит природе, но имеет иное качественное состояние, чем тело и материя. Дух изнутри сращивается с душой, являясь для душевных субстанций трансцендентной реальностью «извне и издалека предстоящей» [1, с. 30]. Четвертая составляющая – *тело* человека. Оно состоит из материи, но, будучи пронизанным духовной энергией первожизни и являясь вместилищем духа и души, не противостоит этим нематериальным образованиям, а составляет с ними единое целое, как необходимый элемент человеческого всеединства.

Таким образом, в философии космизма Бердяева Бог, первожизнь, дух, душа, духовная жизнь и духовный опыт являются онтологическими категориями, без которых невозможно понимание его представлений о мироздании. В бытии Бердяев выделяет три сферы: 1) объективную; 2) субъективную; 3) духовную жизнь или первожизнь. Причем весь смысл бытия и познания заключен именно в третьей сфере. Для Бердяева духовная жизнь как проявление первожизни является «предметной реальностью». Поскольку природный мир создан Богом как духом, то, следовательно, пространство и время тоже являются состояниями духовного мира. Поэтому философ вводит дополнительный компонент бытия: к природному и социальному пространству и времени добавляет духовное пространство и время, как транссубъективные и первичные по отношению к первым двум.

Бердяев утверждает гнозис как духовное знание, основанное на жизненном созерцании духовного мира, отличного от природного мира. Он считает, что такое знание не требует доказательств, так как исходит из интуитивного постижения Божественного мира. С его точки зрения, в атмосфере «единения и любви» всего человечества с Богом, познание стало бы «соборным» созерцанием «сущей истины», так как истины нравственного порядка постигаются «общим духовным опытом», видением «общей правды», – и к этому невозможно принудить тех, кто находится вне опыта духовного общения.

Можно увидеть противоречия в рассуждениях Бердяева. 1. С одной стороны, теория познания должна стать философской антропологией, учением о человеке, а не учением о трансцендентном сознании

и гносеологическом субъекте. С другой стороны – основной вопрос познания сводится Бердяевым к вопросу об отношении между трансцендентальным сознанием или гносеологическом субъектом и человеком. Поясняя, что трансцендентальное сознание не есть человек, так как человек «обречен» быть психологическим сознанием, Бердяев утверждает трансцендентальное сознание как «a priori», как мировой дух или гносеологический субъект. 2. С одной стороны, познание есть объективирование, с другой стороны, в объективировании цель познания не достигается, так как «умирает всякая жизнь», «исчезает бытие». 3. Конкретизируя основной вопрос философии, Бердяев, с одной стороны, дает следующую его формулировку: в чем состоит «благодатное, просветляющее» действие мирового духа на конкретную человеческую личность? С другой стороны, основной вопрос звучит так: как раскрывается сила и прочность познания в человеке? Философ дает противоречивый ответ на свой вопрос. С одной стороны, основной вопрос познания – познание в духе и самого духа, то есть познание самого Бога, а не идей о Боге; с другой стороны, основной вопрос познания – познание человека, и это тоже означает познание духа и самого духа, а не человеческих мыслей и душевных состояний. 4. С одной стороны, в процессе познания познающий, то есть субъект, всегда возвышается над предметом познания. С другой стороны, познающим субъектом является человек, который должен изучать Бога через проявления духа, духовную жизнь и духовный опыт. Но человек не может возвышаться над Богом, в силу чего Бог не может быть предметом познания. Декларируя Бога, дух и человека только как субъекты познания, исключая какой-либо объект познания, Бердяев, по сути, ставит под сомнение возможность самого процесса познания. Из его философии логически можно вывести, что объектом познания должны выступать духовная жизнь и духовный опыт. Но Бердяев не чувствует однобокость своих рассуждений, отсутствие объекта познания его нисколько не смущает. Более того, Бердяев отождествляет познание и духовную жизнь: «Познание есть сама духовная жизнь», «внутренний свет» и «духовная активность» в бытии [3, с. 26]. Поскольку «духовная жизнь» – понятие бытийственное, космогоническое, постольку познание у Бердяева тоже носит «космогонический характер». Природа исключается Бердяевым из процесса познания, так как она является только символом Божественного мира.

Признавая реальность духа и творческого духовного опыта, Бердяев утверждает «духовную философию» – как качественно отличную от рациональной философии. Рациональное познание предполагает выделение объекта исследования, а поскольку Бог, дух и человек не могут быть объектами познания, они – субъекты, то по убеждению Бердяева познание должно быть не рационалистическим, а нравственно-этическим. Этическое познание является нравственным творчеством, осуществляющим поиск различий, оценки и смысла окружающего мира. В таком познании человек «получает» и «впускает» в себя свет от Бога, «отражает» этическую правду, «творит» мир ценностей, «приобщается» своим творческим действием к Богу. Следовательно, качество духовной жизни выражается в восхождении человека, возвышении, углублении в высшую божественную природу. В силу этого этика, как завершающая часть философии духа, должна исследовать духовный мир, как место встречи Божественной и человеческой природы, и основываться на духовном опыте. Встреча Божественной и человеческой природы есть *духовный первофеномен*, в котором дух, как основа Божественного бытия, является субъектом, творцом. Божественное бытие, по мнению философа, должно вый-

ти из бытия в себе в свое другое – в бытие человеческое, став конкретной духовностью, в которой человеческая личность не упраздняется. Следовательно, духовность раскрывается и действует как энергия личности.

Символизм в антропокосмизме Бердяева. Термин «символ» в переводе с греческого – отличительный знак; образ, воплощающий какую-либо идею; видимое или слышимое образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования. Например, у философа-космиста П. А. Флоренского символ выступает как универсальная форма организации космоса. В работе «У водоразделов мысли» Флоренский пишет: «Символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, сраствореннаяя с энергией некоторой другой более ценной в данном отношении сущности, несет в себе, таким образом, эту последнюю» [7, с. 287]. У Флоренского символ содержит в себе ноумен, чувственность и является самостоятельным образованием, представляющимся в виде формы, вида, природного явления, исторического события и т. д. В работах Н. А. Бердяева можно увидеть представления об энергетическом символизме, свойственные в той или иной мере многим философам космистского направления. Хотя он не рассматривает конкретно философию природы, но из его размышлений следует, что материальный мир (мир преходящих форм), пронизанный духовной энергией первожизни, лишь символически выражает сущность Универсума. Познание Мира у Бердяева и Флоренского может строиться только посредством человеческой духовности через восприятие духовных энергий, а не механическим путем с помощью одного лишь рассудка.

Как и Флоренский, Бердяев доказывает, что природный мир является *символикой* духа, в силу того, что все внешнее есть лишь знак внутреннего. Но Бердяев персонализирует весь Универсум. Даже христианская Троица: Бог-Отец – Бог-Сын – Святой Дух, с точки зрения философа, иллюстрирует взаимосвязь бытия и сосредоточение всех его сторон именно в человеке. Персонализм у Бердяева распространяется даже на мировой и исторический процессы, которые являются отображением объективных событий человеческого духа. Философ отождествляет духовную и историческую жизнь, считая, что историческая действительность является отображением духовной жизни во времени, проявляющейся как познавательная, нравственная, художественная жизнь человечества. В этом, с точки зрения Бердяева, проявляется *единство мирового процесса, единство судеб человечества.* Получается, что человек, как средоточие всего бытия, живет одновременно жизнью Бога и духовного бытия, жизнью сотворенного Богом всего материального мира и исторического процесса, пропускает в себя и одновременно излучает из себя духовную жизнь, являясь сотворцом Бога в материальном мире, сотворцом всей божественной жизни, ее важнейшей и активнейшей частью. Отсюда видно, что экзистенциализм Бердяева базируется на объективном идеализме, созвучен гегелевским идеям об Абсолюте. Но при этом Бердяев рассматривает весь материальный природный мир – мир временных объектов – лишь как символ мира Божественного. У него человек как частица Божьего Духа «выбрасывается» из первожизни в мир природы. В процессе своей жизни человек должен осознать временность и тленность символического природного мира, почувствовать свою сопричастность подлинному духовному миру, «просветлить» свое сознание и вновь вернуться в глубину первожизни или первореальности, но не после смерти, а в процессе земной жизни. В этом состоит, по Бердяеву, «мистерия» и «тайна»

жизни, имеющие космогонический характер и совершающиеся не только для человека, но и для Бога. Поэтому *цель и смысл человеческой эволюции состоит в преображении себя, культуры, религии, общества, природы, в конечном счете – всего бытия.* При этом Бердяев подчеркивает, что полное преображение достижимо только в духовном мире, в первожизни: «последнее преображение жизни есть принятие природы в дух, победа над тяжестью, инерцией, непроницаемостью и разорванностью природного мира» [1, с. 69].

Бердяев утверждает новую эпоху духовности как эпоху реальности, в которой через духовный опыт символизм должен освободить дух человека от ложного реализма, прикрепленного к природному миру символом. Границы сознания нового человека будут задаваться объемом духовного опыта, просветляющего и изменяющего его, приобщающего к духовной жизни всего мира. В процессе преображения сознания будут вырабатываться «новые органы сознания», которые изменят индивидуальное сознание в космическое и сверхсознание. Получается, что человек – это почка на духовном дереве мироздания, которая питается энергией божественного бытия, ее рост и превращение в листок или цветок зависит от качества и активности трансмутации своей божественной энергии. Сердцевина почки – дух человека – связан энергетической нитью с первожизнью, благодаря чему возможен сам духовный опыт и духовное преображение человека.

Из рассуждений Бердяева можно сделать следующее определение: *духовность человека* – это процесс трансмутации духом человека божественной энергии, преображающей дух, душу и тело человека, возвращающий его к первожизни. Где *дух* – это частица Божественной энергии в теле человека, соединяющая человека с Богом и со всем миром. *Душа* – порождение человеческого духа, чувственная часть человека, посредник между духом и телом, «арена взаимодействия и борьбы свободы и необходимости мира духовного и мира природного» [1, с. 91]. *Тело* – это материальный сосуд духа и души, пронизанный духовной энергией первожизни, инструмент жизнедеятельности и реализации духовных задач человека в эволюции.

Для возвращения человека к первожизни нужна религиозная вера. Бердяев понимает религию как *связь* с Божественным миром, обращение к таинственному, духовному, сокровенному. Он различает религиозную христианскую веру, как необходимый инструмент духовной эволюции человека, и современную ему христианскую Церковь, как институт, извращающий истинную веру, утверждающий ложные догмы. Поскольку человек изначально духовно свободен, то и религиозная вера для Бердяева есть «акт свободы духа», дело «свободного избрания и свободной любви», открывающаяся в первожизни духа [1, с. 80]. Посредством свободной религиозной веры происходит преображение духовного сознания человека, проявление в нем ценностей Божественного мира и освобождение его от ценностей мира материального, постижение Логоса как «Смысла Мира». Таким образом, вера у Бердяева, как «первичная интуиция», является одновременно инструментом и путем преображения духа, души и тела человека.

Бердяева называют «певцом свободы». Для него свобода первичнее бытия. Он выделяет три вида свободы: первичную иррациональную свободу, то есть произвольность; рациональную свободу, то есть исполнение морального долга; и свободу, проникнутую любовью Бога. Бердяев утверждает, что Бог не создает свободы и не обладает властью над ней, так как она изначально присутствует в «ничто», как и сам Бог. Следовательно, Бог лишь присутствует в свободе и действует через нее. В отличие от Гегеля, Бердяев считал, что необходимость создает свободу,

а не наоборот – свобода есть осознание необходимости. Бердяев трактует свободу как внутреннюю творческую энергию человека, посредством которой он может творить новую жизнь и новый мир, то как есть дух. В силу этого, «отрицание духа … есть отрицание свободы» [2, с. 258], а вся человеческая жизнь «должна пройти через свободу, через испытание свободой, через отвержение соблазнов свободы» [2, с. 353]. Осознание своей изначальной свободы – главное условие освобождения человека от внутреннего рабства. Поэтому долг и право каждого человека защищать свою духовную свободу от государства и общества. В этом процессе человеку помогает творчество, которое есть акт свободы. Благодаря творчеству происходит освобождение человеческого духа от условностей материального мира. Бердяев провозглашает аристократический дух творчества и призывает человека стать аристократом духа, а не рабом общества, государства, церкви, религии и т.п. Преображение и обожествление человека возможны только на пути к третьему виду свободы, проникнутой любовью к Богу, потому что «только любовь может быть свободной, и только в свободной любви нуждается Бог» [1, с. 100].

Свобода духа предполагает горение духа. С точки зрения Бердяева, в истории наблюдаются потухание человеческого духовного огня, результатом чего стало появление «царства кесаря» – государств, обществ, религий, порабощающих дух, культивирующих бездуховность и тем самым «утверждающих антихриста», поскольку «отрицание свободы духа и есть дух антихриста» [1, с. 110]. Бердяев утверждает свободу человеческого духа, как божественное требование: «Бог требует от человека свободы духа. Богу нужен лишь человек, свободный духом», «Человек должен исполнить волю Божью. Но воля Божья в том, чтобы человек был свободен духом» [1, с. 93, 94].

В размышлениях философа о свободе и предназначении человека можно увидеть противоречия. 1) С одной стороны, в силу своей изначальной свободы человек может прийти как к Богу, так и дьяволу, – Бердяев видит это в реалиях XX века, который стоит под знаком нарастания сил зла. С другой стороны – мир есть взаимосвязанный иерархический организм, в котором все, «что совершается на вершинах, отражается в низинах», а это значит, что человек неизбежно придет только к Богу. 2) С одной стороны, человек отпал от Бога вместе со всем творением с момента своего грехопадения, и в гордыне своей хочет поставить себя на место Бога, порождая человекобожество. С другой стороны, поскольку небытие, в котором находятся добро и зло, непостижимо для смысла, который всегда является «онтологическим», постольку зло, непостижимое для смысла, превращается в добро. Бердяев утверждает, что в небытии – «ничто» – скрыты диалектические противоположности – возможности добра и зла. Следовательно, с изначальной свободой в человеке заложены оба эти качества, и только от самого человека зависит выбор своих возможностей. Бердяев оптимист и считает, что зло не окончательно овладело человеком, и, будучи падшим, человек все же остался богоподобным существом. Он уверен, что страданиями человек искупает свое грехопадение, преобразует свою низшую природу в высшую, божественную природу, превращается в «Нового Адама». Рождение духовного человека или «Нового Адама» для Бердяева является космогоническим процессом, как «обнаружением божественной любви в творении», как «новая стадия в свободе человека». Причем освобождение должно прийти только «сверху» – из Божественного мира: «Энергия мира духовного, мира Божественного должна войти в нашу природную, греховную действительность и преобразить нашу природу, разорвать

грани, разделяющие два мира» [1, с. 122]. Путь духовности, по Бердяеву, предполагает аскезу и жертву – личную, сверхличную, общественную, историческую. Духовность также полагает обязанности, она не может быть притязанием.

Бердяев выделяет три ступени духовности: 1) духовность, ограниченная природой; 2) духовность, ограниченная обществом; 3) чистая, освобожденная духовность, когда дух овладевает природой и обществом. Когда человек выполнит *задачу духовной жизни*: выйдет из собственной ограниченности и самопоглощенности, преодолеет эгоцентризм, – тогда в мире народиться новый тип духовности. Это будет означать наступление *духовного совершеннолетия,* как преодоление дуализма, разделяющего и раздробляющего человеческую природу. Новая духовность будет реализмом свободы, активности и творчества, любви и милосердия, реализмом изменения и преображения мира. По мнению Бердяева, новая духовность будет означать освобождение от объективизации и от подчинения духа «дурной», «падшей социальности».

Таким образом, на основании анализа философии космизма Бердяева можно сформулировать следующее определение. *Духовность человека – это:* 1) присутствие в человеке трансцендетной энергии первожизни, формирующей дух, душу и тело; 2) процесс трансмутации духом человека божественной энергии, преобразующей дух, душу и тело, просветляющий сознание человека и выводящий его на уровень богочеловека; 3) процесс осуществления человеком духовной жизни через духовный опыт; 4) процесс осознания человеком посредством религиозной веры своей первичной духовной свободы, что приведет к раскрытию в человеке божественного потенциала; 5) освобождение человека от духовного рабства в материальном мире через развитие личного и социального творчества; 6) воспитание свободы, проникнутой любовью к Богу; 7) процесс развития личности человека, как основы духовности; 8) преображение человека в аристократа духа, богочеловека, сотрудника Бога на земле и в мироздании. Таким образом, категория «духовность» является важной онтологической составляющей в произведениях Бердяева, раскрывающейся через систему других категорий и понятий. Представления о духовности у Бердяева носят экзистенциальный, персоналистический, трансцендентный характер, отражают внутренний мир философа, его религиозные убеждения.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 544 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 384 с.
4. Гиренок Ф. И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: Аграф, 1998. – 416 с.
5. См.: Московченко А. Д. Проблемы интеграции фундаментального и технологического знания. – Томск: ТПУ, 2001. – 191 с.
6. Сухоруких А.В. Экзистенциальная этика как основа онтологической парадигмы будущего // Философия в XXI веке: Международный сборник научных трудов / под общ. ред. О. И. Кирикова. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2005. – Вып. 5. – С. 92–97.
7. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 360 с.
8. Философия русского космизма / отв. ред.: А. П. Огурцов, Л. В. Фесенкова. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 376 с.

Literatura

1. Berdjaev N. A. Filosofija svobodnogo duha. – M.: Respublika, 1994. – 480 s.
2. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. Samopoznanie. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. – 544 s.
3. Berdjaev N. A. O naznachenii cheloveka. – M.: TERRA – Knizhnyj klub, 1998. – 384 s.
4. Girenok F. I. Pato-logija russkogo uma. Kartografija doslovnosti. – M.: Agraf, 1998. – 416 s.
5. Sm.: Moskovchenko A. D. Problemy integracii fundamental'nogo i tehnologicheskogo znanija. – Tomsk: TPU, 2001. – 191 s.
6. Suhorukih A. V. Jekzistencial'naja jetika kak osnova ontologicheskoj paradigmy budushhego // Filosofija v XXI veke: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov / pod obshh. red. O. I. Kirikova. – Voronezh: Voronezhskij gosuniversitet, 2005. – Vyp. 5. – S. 92–97.
7. Florenskij P. A. U vodorazdelov mysli // Stolp i utverzhdenie Istiny. – M.: Pravda, 1990. – T. 2. – 360 s.
8. Filosofija russkogo kosmizma / otv. red.: A. P. Ogurcov, L. V. Fesenkova. – M.: Fond «Novoe tysjacheletie», 1996. – 376 s.

УДК 008

М. Г. Хасянова

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается проблема формирования корпоративной культуры организации, основным элементом которой являются корпоративные ценности. Они разделяются всеми членами организации, и на их основе вырабатываются определенные нормы и формы корпоративного поведения. Корпоративные ценности являются ключевым звеном, от которого зависит жизнеспособность и эффективное функционирование корпоративной культуры.

Ключевые слова: корпоративная культура, ценности, корпоративные ценности, организация.

M. G. Khasyanova

THE SIGNIFICANCE OF VALUES IN THE CORPORATE CULTURE

This article is devoted to the problem of corporate culture formation, and corporate values as its core element. Corporate values are shared by all employees of an organization and are used as base for behavioral norms and their appearance. Corporate values are a key for successful existence and efficiency of corporate culture.

Keywords: corporate culture, values, corporate values, organization.

Сегодня многие организации уделяют достаточное внимание своей внутренней корпоративной культуре. Приходит понимание того, что сильная корпоративная культура способствует более эффективному функционированию и развитию предприятия. В формировании такой культуры основополагающую роль играют корпоративные ценности. Они являются ключевым звеном эффективного функционирования корпоративной культуры, поэтому их изучение является актуальным и значимым.

Корпоративные ценности разделяются всеми членами организации и на их основе вырабатываются определенные нормы и формы корпоративного поведения.

Исследуя феномен корпоративных ценностей, рассмотрим, прежде всего, само понятие «ценность». Ценности – это то, что люди почитают, уважают и к чему стремят-

ся. Ценности являются нашим мировоззренческим ориентиром. Они хоть и имеют идеально-духовную природу, но свое воплощение находят лишь в деятельности людей. По тому, насколько человек освоил общечеловеческие ценности, мы можем судить о степени его социализации. М. Шелер утверждает, что существует иерархия ценностей, в которой одна оказывается «более высокой», чем другая. К «более низким» ценностям исследователь относит материальные, а к «более высоким» – духовные. Именно последние, по мнению М. Шелера, являются неделимыми и объединяющими. Философ считает, что ценность всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно выразить в формах логического мышления.

Ценности зарождались и самоопределялись в культуре в силу жизненной потребности человека во внебиологической ориентации. История культурного развития человечества свидетельствует о том, что регулятивное значение ценностей тем больше, чем выше уровень духовности и у личности, и у того сообщества, к которому она принадлежит.

Понятие ценности имеет множество дефиниций. Суждения о различных видах ценностей мы встречаем еще у мыслителей Античности, Средневековья и Ренессанса. Однако обобщающего представления о ценности как таковой, о закономерности ее проявления не было до середины XVIII века. Впервые данный термин в научный оборот был введен И. Кантом при сопоставлении «нравственности» (свободы) и «природы» (необходимости) в его труде «Критика практического разума». Представитель немецкой классической философии показывает, с одной стороны, «должное» – мир ценностей и норм, а с другой стороны, «сущее» – мир вещей. «Мир должного как бы достраивает мир сущего, а значит, и достоверного до целостности и системы, поэтому действие, по И. Канту, невозможно без включения его в структуру должного» [5]. Философ рассматривает нравственность человека как основу для изменения сознания. «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству, и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда бы не относился к нему только как к средству… Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность характера» [9].

В философский лексикон понятие ценности как нечто значимого было введено во второй половине XIX века немецким философом Г. Лотце. В своем трактате «Основания практической философии» он относит к ценностям такие проявления человеческого бытия, как «благое», «прекрасное», «справедливое». Все они, по его мнению, обращены «к нашим чувствам, но совершенно не зависимы от нашего произвола» [8].

Учение о ценностях свое дальнейшее развитие получило в трудах представителей Баденской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Первый рассматривает ценности как некие нормы, образующие общий план всех функций культуры. Всякая ценность выступает как цель сама по себе, к ней стремятся не ради какой-то выгоды, а ради нее самой. Таким образом, ценность, по В. Виндельбанду, представляет собой не реальность, а некий идеал, внепространственное и вневременное образование. Г. Риккерт считает ценности основой нравственного действия. Философ утверждает, что о ценностях не надо рассуждать как о существующих или не существующих, они могут либо что-то значить, либо этой значимости не иметь. Ценностью, по мнению Г. Риккерта, могут обладать только объекты культуры, явления же природы мыслятся вне связи с ценностями.

Э. Дюркгейм понимает ценности как некие идеалы, которые управляют поведением

человека, за которыми стоят реальные и действующие коллективные силы. Механизмом, регулирующим поведение человека в обществе, является внутреннее принятие им социальных ценностей посредством внешнего принуждения: «мы явственно ощущаем, что не являемся хозяевами наших оценок, что мы связаны и принуждаемы. Нас связывает общественное сознание» [7].

В работах М. Вебера и Т. Парсонса принятие личностью ценностей общества выступает уже как последовательный процесс. М. Вебер рассматривает ценность как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное ей направление интереса. Он разделяет субъективную оценку объекта и «отнесение к ценности», которое превращает индивидуальное впечатление в объективное при соотнесении с исторической системой ценностей [2].

Исследователь Т. Парсонс утверждает, что общие, то есть разделяемые всеми людьми, ценности, выступающие в качестве некоего стандарта, влияют на социальный порядок.

Среди отечественных мыслителей, впервые затронувших проблему ценностей, можно выделить В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина. Однако в их трактовке идеальный и абсолютный характер сферы ценностей определяется через понятие духовности, имеющей божественное происхождение. Любая ценность сводилась к ценности религиозной: «Всякая великая религия содержит в себе и открывает некоторую систему ценностей…» [3].

В отечественной науке «вплоть до начала 60-х годов аксиология находилась под официальным запретом как буржуазная “лженаука”» [3].

Среди появившихся в период «оттепели» первых отечественных исследований можно выделить В. А. Василенко, который под ценностями понимал значимость предметов, средство удовлетворения потребностей человека. И. С. Нарский интерпретировал ценности как идеалы, высшие цели личности [3]. В концепциях В. П. Тугаринова и О. Г. Дробницкого ценности определяются и как значимость, и как идеал одновременно. По мнению В. П. Тугаринова, значимость ценностей опосредована ориентацией человека на других людей, на общество в целом, на существующие в нем идеалы, представления и нормы. Отдельный человек может пользоваться лишь теми ценностями, которые имеются в обществе, поэтому ценности жизни отдельного человека в основе своей являются ценностями окружающей его общественной жизни [12].

Довольно последовательную и перспективную концепцию ценностного постижения культуры развил Г. П. Выжлецов. Он считает, что ценности выражают такие типы отношений между людьми, которые объединяют их в различные общества – семью, нацию, общество в целом. В структуре ценности, согласно Г. П. Выжлецову, три взаимосвязанных основных элемента: значимость, норма и идеал. И ценности культуры могут функционировать как значимости, как нормы и как идеалы. В своей концепции исследователь выделяет три уровня культуры: низший, витальный уровень, на котором ценности жизни и культуры воспринимаются и существуют как значимости (полезности); средний уровень, на котором социальные нормы поведения и отношения могут быть внутренне пережиты и доминировать над пользой. Поведение в этом случае строиться по принципу – «поступай как должно, а не так как выгодно, полезно»; уровень полноценной культуры, где над практичностью бытия торжествует дух [3].

Проанализировав множество отечественных концепций, мы пришли к выводу, что ценность можно рассматривать, во-первых, как нечто значимое для человека, во-вторых, как форму моральных отношений, в-третьих, как некий общественный идеал и, в-четвертых, как психологическое качество человека.

Все вышесказанное говорит о многообразии мира ценностей, поэтому каждый из перечисленных подходов имеет право на существование, поскольку они друг другу не противоречат. Но в нашем исследовании мы будем опираться на позицию Г. **П. Выжлецова** и рассматривать ценность как отношение. Отношение не «к чему-либо» (это оценка), а «между кем-то» (в данном случае между субъектом и другим субъектом). И хотя есть авторы, которые считают, что помимо «субъект-субъектных» отношений ценности могут также выражаться в «субъект-объектных» отношениях, для исследования корпоративных ценностей нам ближе позиция Г. П. Выжлецова. Проявлением и реализацией межличностных отношений являются в большей степени нравственные ценности, которые имеют в контексте нашего исследования первостепенное значение.

Процесс формирования ценностей начинается в раннем детстве, прежде всего под влиянием родителей, семьи. По мере взросления человека круг лиц, оказывающих влияние на его ценностную систему, все более расширяется. Помимо окружения, на формирование ценностей индивида огромное влияние оказывает культура страны и города, в которой он находится, его личностные психологические характеристики, влияющие на его способность к самостоятельному суждению, к анализу, зависимости или независимости от окружающих. Примерно в период 17–20 лет основные ценности окончательно формируются, оставаясь с этого времени достаточно стабильными, изменяясь только в особые критические моменты жизни. Причем меняются даже не столько сами ценности, сколько их иерархическое соотношение друг с другом: одни становятся более значимыми, другие – менее.

Роль ценностей в строении и функционировании культуры не вызывает сомнений. Более того, чаще всего культуру как социальный феномен определяют именно через ценностные ориентации. И специфика ценности как компонента культуры заключается в том, что она выражает «человеческое измерение культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования. Она как бы стягивает все духовное многообразие к разуму, чувствам и воле человека» [6].

Рассматривая культуру через призму ценностных отношений, В. П. Большаков дает следующее определение культуры: «Культура, на мой взгляд, – это обработка, оформление, одухотворение, облагораживание людьми окружающей среды и самих себя, своих разнообразных отношений, своей деятельности: ее процессов, целей, способов, результатов. Когда мы в таком ракурсе характеризуем культуру, то предполагается именно особое оформление природы, самого человека: его тела, движений, мыслей, чувств, намерений, отношений с другими людьми. Оформление, имеющее ценностный смысл, ценностное содержание» [1].

Такое понимание культуры имеет много общего с пониманием корпоративной культуры, которую также можно рассматривать через призму ценностных ориентаций. Среди ценностей общечеловеческой культуры существуют так называемые корпоративные ценности. Именно они представляют наибольшую важность для нашего исследования.

Впервые вопрос о воздействии системы ценностей на человека в профессиональной деятельности поставил М. Вебер. Основу корпоративной культуры составляют ценности, которые имеют долговременное значение, придающие деятельности корпорации определенный смысл. Система корпоративных ценностей формируется в соответствии с базовыми личными ценностями большинства членов данной корпорации. Именно они определяют корпоративное поведение, корпоративное общение, активность и прочее.

Применительно к корпоративной культуре ценности можно определить как целевое и желательное событие, поскольку личность

всегда занимает позицию оценки по отношению ко всем элементам окружающей ее внешней среды. Ценности в данном случае служат стимулом, необходимым условием для любого рода взаимодействия. Каждый член корпорации в рамках общего ценностного образа занимает также индивидуальную ценностную позицию, которая может изменяться в процессе межличностного взаимодействия и обмена ценностями.

Корпоративные ценности можно поделить на ценности-цели и ценности-средства. К первым мы отнесем то, что В. А. Ядов назвал терминальными ценностями – интересная работа, материальный достаток, общественное признание, равные возможности для всех, возможность интеллектуально развиваться и так далее. К ценностям-средствам мы отнесем так называемые инструментальные ценности, то есть те, которые определяют пути достижения целей: аккуратность, воспитанность, самоконтроль, ответственность, целеустремленность, честность, трудолюбие и так далее.

Ценности-цели, как правило, отражены в миссии организации, а ценности-средства создают определенные нормы взаимодействия между ее членами.

Все корпоративные ценности будут являться доминантными (в интерпретации К. Клакхона) или интегрирующими (в интерпретации Б. С. Ерасова), то есть одобряемыми большинством членов организации. Их можно также поделить на социальные ценности (лидирующее положение в своей организации, активная жизненная позиция, преданность делу, материальное благополучие, возможность карьерного роста); политические ценности (грамотное и справедливое руководство, соблюдение иерархии в организации, порядок и дисциплина, соблюдение корпоративного кодекса) и моральные ценности (дружба, уважение, честность, порядочность, справедливость, гибкость, взаимопомощь).

Однако данная классификация является весьма и весьма условной, поскольку корпоративная культура почти всегда является оригинальной смесью ценностей, отношений, норм, привычек, традиций, форм поведения и ритуалов, присущих только данной организации.

Стремление к общим ценностям способно объединять людей в группы, создавая мощную силу в достижении поставленных целей. Помимо того, что сотрудник какой-либо организации выполняет в ней определенную работу, он, как показывают исследования, нуждается также в психологически комфортном существовании. А для этого культурные ценности этой организации должны соответствовать его личным ценностным ориентациям.

Разделяя и развивая взгляды современного отечественного психолога Д. А. Леонтьева, можно выделить такие формы существования корпоративных ценностей, как идеалы – выработанные руководством и разделяемые им обобщенные представления о совершенстве в различных проявлениях и сферах деятельности организации; воплощение этих идеалов в деятельности и поведении сотрудников в рамках организации; внутренние мотивационные структуры личности сотрудников организации, побуждающие к воплощению в своем поведении и деятельности корпоративных ценностных идеалов [11].

Эти формы имеют иерархическую структуру осознания работниками и постепенно переходят одна в другую: организационно-культурные идеалы усваиваются сотрудниками и начинают побуждать их активность в качестве «моделей должного», в результате чего происходит предметное воплощение этих моделей. Предметно воплощенные ценности в свою очередь становятся основой для формирования организационных идеалов и так далее до бесконечности. Этот процесс повторяется, непрерывно совершенствуясь

на каждом новом витке развития корпоративной культуры организации.

И. А. Кандария связывает процесс формирования ценностей культуры организации с ее жизненным циклом. На первом этапе создания организации все ценности, нормы, образцы поведения, основной стиль деятельности закладывается ее основателями. На втором этапе происходит закрепление ценностей, которые разделяются всеми членами коллектива. На третьем этапе существования организации культура поддерживается уже существующими обычаями, ритуалами, которые формируют у персонала соответствующий опыт. На четвертом этапе, когда организация вступила уже в стадию «зрелости», культура организации начинает играть интегративную роль. И на последнем, пятом этапе нового роста организации персонал разделяет ее существующие ценности. На данном этапе культура помогает преодолевать кризисы, с которыми может столкнуться организация [10].

Как совершенно справедливо отмечает К. Клакхон, без ценностей «жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могли бы получить от других то, что им нужно в плане личных и эмоциональных отношений; они бы также не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей» [11]. Все это можно с уверенностью отнести и к корпоративным культурам: без единой системы ценностей организации не могли бы устойчиво функционировать и достигать поставленных целей.

Тем не менее, не все корпоративные ценности, осознаваемые и даже принимаемые сотрудником в качестве таковых, действительно становятся его личностными ценностями. Осознания той или иной ценности и положительного отношения к ней явно недостаточно. Более того, это даже не всегда нужно. Действительно необходимым условием этой трансформации является практическое включение сотрудника в деятельность организации, направленную на реализацию этой ценности. Только ежедневно действуя в соответствии с корпоративными ценностями, соблюдая установленные нормы и правила поведения, сотрудник может стать представителем компании, соответствующим внутригрупповым социальным ожиданиям и предъявляемым требованиям.

Полная идентификация сотрудника с организацией означает, что он не только осознает идеалы этой организации, четко соблюдает правила и нормы поведения, принятые в ней, но и внутренне полностью принимает корпоративные ценности. В этом случае культурные ценности организации становятся индивидуальными ценностями сотрудника, занимая прочное место в мотивационной структуре его поведения. Со временем работник продолжает разделять эти ценности уже вне зависимости от того, находится ли он в рамках данной организации или трудится в другом месте. Более того, такой работник становится мощным источником данных ценностей и идеалов, как в рамках сформировавшей его организации, так и в любой другой.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что в строении и функционировании корпоративной культуры огромную роль играют ценности. Именно они выражают «человеческое измерение культуры», способствуют облагораживанию окружающей среды человека, его самого, его деятельности и ее результатов.

Литература

1. Большаков В. П. Культура как форма человечности. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – С. 45.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 167.

3. Выжлецов Г. П. Аксиология: становление и основные этапы развития // Социально-политический журнал. – 1996. – № 1. – С. 75–99.
4. Вышеславцев Б. Этика преображенного Эроса. – М.: Республика, 1994. – С. 58.
5. Гончарова Ю. А. Ценностный мир современной российской студенческой молодежи: дис. … канд. социол. наук. – Ставрополь, 2008. – С. 37.
6. Гуревич П. С. Культурология. – М.: Проект, 2003. – С. 138.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 290.
8. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб., 1997. – С. 38.
9. Кант И. Основоположение метафизики нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 4, разд. 1. – С. 168.
10. Скульмовская Л. Г., Клименко А. А. Корпоративные ценности как фактор развития корпоративной культуры // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 101–105.
11. Сухорукова М. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 39–44.
12. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – С. 39.

Literatura

1. Bol’shakov V. P. Kul’tura kak forma chelovechnosti. – Velikij Novgorod: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2000. – S. 45.
2. Veber M. Izbrannye proizvedenija. – M.: Progress, 1990. – S. 167.
3. Vyzhlecov G. P. Aksiologija: stanovlenie i osnovnye jetapy razvitija // Social’no-politicheskij zhurnal. – 1996. – № 1. – S. 75–99.
4. Vysheslavcev B. Jetika preobrazhennogo Jerosa. – M.: Respublika, 1994. – S. 58.
5. Goncharova Ju. A. Cennostnyj mir sovremennoj rossijskoj studencheskoj molodezhi: dis. … kand. sociol. nauk. – Stavropol’, 2008. – S. 37.
6. Gurevich P. S. Kul’turologija. – M.: Proekt, 2003. – S. 138.
7. Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. – M.: Kanon, 1995. – S. 290.
8. Kagan M. S. Filosofskaja teorija cennosti. – SPb., 1997. – S. 38.
9. Kant I. Osnovopolozhenie metafiziki nravov // Kant I. Soch.: v 8 t. – M., 1994. – T. 4. – Razd. 1. – S. 168.
10. Skul’movskaja L. G., Klimenko A. A. Korporativnye cennosti kak faktor razvitija korporativnoj kul’tury // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 4. – S. 101–105.
11. Suhorukova M. Cennosti kak kljuchevoj jelement organizacionnoj kul’tury // Upravlenie personalom. – 2000. – № 11. – S. 39–44.
12. Tugarinov V. P. Teorija cennostej v marksizme. – L.: Izd-vo LGU, 1968. – S. 39.

УДК 1(091)14

Г. П. Ковалева

ОНТОЛОГИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО КОСМИЗМА ОРИГЕНА

В статье впервые анализируются философские идеи Оригена с позиций космизма, рассматривающего космос и человека как единую коэволюционную систему. Главный субъект в космизме Оригена – триединый «Живой Бог» – трактуется в качестве духовно-творческого принципа природы, первоначала, дающего жизнь всему мирозданию.

Ключевые слова: триединый «Живой Бог», космизм, Ориген.

G. P. Kovaleva

THE ONTOLOGY OF TRANSENDENTICAL ORIGEN'S COSMISM

In the article for the first time Origen's philosophical ideas are analized from the positions of cosmism. Origen studies Space and Man as the whole coevolutionary system. The main subject of Origen's cosmism is the Threesome Living God. This God is considered to be a spiritual and creative principle of nature and the basis giving birth to the Universe.

Keywords: threesome Living God, cosmism, Origen.

Ориген (185–263) – представитель ранней патристики, создавший первую стройную теорию философской теологии, основанной на синтезе эллинистической мысли, восточного мистицизма и христианства. Актуальность темы определяется необходимостью формирования целостного космистского мировоззрения с целью углубленного понимания современной научной парадигмы. Творчество Оригена является мостиком, связывающим античный космизм с русским религиозно-философским космизмом. В связи с этим необходимо проанализировать онтологию космизма Оригена, рассматривавшего космос и человека как коэволюционную систему [3, с. 8, 9].

Основные философские идеи, а также методика исследования и построения философских текстов Оригена была творчески применена в русском религиозно-философском космизме. С. П. Заикин, прослеживая оригеновское влияние в персонификации Вл. Соловьевым Логоса бытия как Премудрости Божьей, считает, что «оригеновские выкладки… четко задали направление, по которому Вл. Соловьев предпринял принципиальную по значимости корректировку шеллингианской идеи воссоединения Бога и мира» [2, с. 25]. А. А. Никольский, прослеживая глубокую аналогию личности и деятельности В. С. Соловьева с Оригеном, писал: «Мы можем найти лишь в отдаленном прошлом христианской истории... глубоко аналогичное имя: это имя Оригена» [5, с. 328].

Предметом философской рефлексии является основное произведение Оргена «О началах». В данной работе оригеновские начала: Бог, Христос, Святой Дух, космос (мир), человек будут рассматриваться в качестве основных онтологических космистских понятий. В качестве метода исследования используется многосторонний философский синтез, включающий в себя программы эмпиризма, феноменологизма, трансцендентализма, диалектику, системно-деятельностный подход [4]. Эмпиризм дает философскому космизму необходимую конкретную фактичность, задающую возможность самой философской рефлексии, благодаря которой онтология космизма Оригена приобретает необходимый реальный контекст. Феноменологическая редукция позволяет выделить в основании структур мировой повседневности эйдетические формы (абстрактные всеобщие значения природы), описывая действительность космических смыслов вне их фактичной наличности. Трансцендентализм дает возможность представить ключевые понятия космизма Оригена как отвлеченные идеал-реалистические начала в качестве теоретических абстракций и одновременно смысловых образцов. В ходе многостороннего философского синтеза будут сформулированы онтологические триады с целью представить основные структуры космоса в онтологии Оригена в качестве изоморфов, отождествляющих идеальные понятия и реальные формы бытия.

1. *Бог*. Придерживаясь креационистских позиций, Ориген в основание космоса полагает Бога-Отца. Ссылаясь на Священное Писание, философ утверждает: «Бог наш Огнь поядающий есть», «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине», «Бог есть свет» [6, с. 39–40]. Из многочисленных утверждений Оригена следует, что Бог: 1) нематериальное сущее; 2) творец материального бытия; 3) может восприниматься только «умственно», то есть «духовно»; 4) непостижим и «неоценим»; 5) простая духовная природа, не допускающая в себя никакой сложности. Кроме того, Бог выполняет функцию координатора и причинно-следственного регулятора мирового эволюционного процесса; 6) истребляет злые помыслы людских умов, постыдные дела, греховные пожелания и т.д.; 7) праведен и справедлив, так как «все устраивает по заслугам и преуспеяниям каждого» [6, с. 91].

Онтологически Бог у Оригена имеет сходство с древнегреческим Единым-Благо. Для сравнения возьмем утверждение Плотина: «Первое начало, абсолютное Благо, стоит превыше всего прочего, как существенное в своем роде, не содержащее в себе ничего постороннего, ни с чем не смешивающееся, превознесенное над всем существующим, как верховная причина всех вещей» [7]. В духе неоплатонизма Ориген пишет: «Бога не должно считать каким-то телом или пребывающим в теле, но простою духовною природой, не допускающей в Себе ничего большего или низшего, Он есть – с какой угодно стороны – (монас) и, так сказать, (эпас). Он есть Ум и в то же время источник, от которого получает начало всякая разумная природа или ум» [6, с. 43–44].

Из сказанного выше следует, что Бог у Оригена олицетворяет собой природу космоса, в качестве единого духовного творческого первоначала. При этом Ориген называет Бога не греческим словом «Нус» (Ум), а «монасом», то есть «манасом», что в переводе с санскрита тоже означает «ум», «ментальную способность», «исток божественного разума» [1, с. 269–270]. Этот факт указывает на принятие Оригеном некоторых идей восточного мистицизма. Вместе с тем, утверждая, что «все сотворено Богом, и нет твари, которая не от него получила бы свое бытие» [6, с. 61–62]. Ориген поддерживает идею креационизма, которая отсутствует в древнегреческой философии, но является центральной в христианстве.

Таким образом, в трактате «О началах», с одной стороны, отчетливо прослеживается натурфилософский характер представлений Оригена о мироздании, в котором Бог является духовно-творческим принципом природы, а все его творение представляет собой духовно-материальную, разумную и рациональную гармонию. С другой стороны, Ориген развивает основные теологические идеи, присущие ранней патристике.

2. *Христос*. Вторым структурным компонентом космического бытия является Христос. Рассматривая онтологическую сущность Христа, Ориген отмечает тот факт, что он «называется различными именами, смотря по обстоятельствам и по понятиям называющих» [6, с. 47]: Премудростью, перворожденным, Божьей силой. Согласно Оригену, Христос: 1) не субстанциален, то есть не материален, а следовательно, не сотворен; 2) как Божья Премудрость, «предначертывает» и содержит в себе начала всех сотворенных существ; 3) как Слово Божье, открывает всем сотворенным существам познание тайн мира и всего сокровенного, в том числе тайны духа; 4) как Сын, он есть Истина и Жизнь всего существующего; 5) олицетворяет собой справедливость; 6) является залогом буду-

щего Воскресения; 7) является Путем, приводящим к Богу. Все вышеперечисленные характеристики не выражают материальных свойств Христа-Премудрости. Следовательно, вторая Ипостась христианской Троицы: Бог-Сын – Христос, – является онтологическим принципом мироздания, духовной сущностью и энергией Бога-Творца, связывающей материальное творение с трансцендентными аспектами космоса.

Для лучшего понимания сути термина «Христос» следует разобрать его этимологию. Ранняя гностическая форма слова «Христос» была представлена греческим словом «хрестос» и употреблялась уже в пятом веке до нашей эры Эсхилом, Геродотом и др. Связано это слово с древними оракулами (пифиями): христерсон – «место оракула» и пожертвования для него; хрестес – тот, кто разъясняет прорицания, пророк и предсказатель. Уже самый ранний христианский писатель Юстин Мученик в своей первой «Апологии» называл своих товарищей по религии хрестианами. Слова Христос и христиане, первоначально писавшиеся как Хрестос и хрестиане, были заимствованы из храмового словаря язычников. В этом словаре хрестос означал ученика на испытании. Когда кандидат, пройдя через длительные страдания и испытания, достигал ступени посвящения, – он был помазан (натерт маслом) и имя его изменялось на «Христос», то есть «очищенный». В мистическом символизме Христес, или Христос, означало, что «Путь» уже пройден и цель достигнута, Хрестес как человек скорби становился Христом [1, с. 491–492]. Очевидно, в космизме Оригена в представлениях о Боге–Сыне–Христе нашли отражение эти мистические традиции Античности.

3. *Святой Дух.* Из единства природы и сущности Бога-Отца и Бога-Сына Ориген выводит представление о Святом Духе, который также исходит из Бога-Первоначала. Значимость Святого Духа как третьего начала христианской Троицы, а следовательно, как творческого космогонического природного фактора, Ориген подчеркивает ссылкой на то, что хула на Святого Духа не получит прощения ни в настоящем веке, ни в будущем. Кроме того, как третий аспект Бога-Отца, Святой Дух называется «Утешителем», «в нем заключаются всевозможные роды даров» [6, с. 128–132].

Ориген утверждает, что человек, возрождающийся к спасению, получает Святой Дух только через всю Троицу при крещении. Через Святой Дух участие в Боге-Отце простирается на все существующее: праведников и грешников, разумных и неразумных. Философ отмечает, что все люди в той или иной степени имеют участие в Боге, но от каждого недостойного Святой Дух отнимается, и тогда люди умирают и превращаются в прах. Те же, кто сохранил Святой Дух в себе при жизни, после смерти получают Царствие Небесное. Именно Святой Дух избавляет землю от грешников и недостойных. По мнению Оригена, после завершения всеобщего очищения Святой Дух сотворит новый народ и обновит лицо земли. Очевидно, речь идет о духовно-физическом преображении человека и мира.

Таким образом, согласно Оригену: 1) Бог-Отец дает всем существам бытие, то есть материальное тело и жизнь; 2) через Бога-Сына (Христа) существа получают разумность, свободу воли, приобщаются к добродетели и освобождаются от порока; 3) присутствие в существах Святого Духа делает их духовными. Цель человеческой эволюции состоит в нравственном совершенствовании, достижении святости, духовном преображении в богочеловека-Христа и, через приобщение

к Богу-Отцу, участие во вселенском преображении материальной природы. Здесь речь идет не о персонифицированных субъектах мироздания, а о космических принципах, которые должны последовательно реализоваться в человеке, духовно и физически преображая его сущность.

Исходя из вышеизложенного, можно вывести первую онтологическую триаду в космизме Оригена, ею будет христианская Троица: *Бог-Отец – Бог-Сын – Святой Дух*. Эта триада раскрывает творческий принцип космоса в трех его аспектах: 1) создание материального бытия и природных существ; 2) наделение живых существ сознанием (разумностью); 3) наделение живых существ духовностью как связью с творческим Первоначалом, способностью к нравственному совершенствованию и эволюционному развитию. Эта триада носит смешанный метафизико-теологический характер в силу интеграции в космизме Оригена античной натурфилософии, христианской теологии и восточного мистицизма. Субъекты онтологической триады с позиций феноменологической редукции представляют собой эйдетические образования в качестве абстрактных всеобщих значений природы. Благодаря программе феноменологизма стало возможным описать эти космические феномены вне их фактической действительности.

4. *Мир (космос)*. Космос, называемый Оригеном «единым и совершенным миром», состоит из четырех царств: вышенебесного, небесного, земного и преисподнего. Внутри огромного единого мира находятся и развиваются, сменяя друг друга, многочисленные и разнообразные малые миры, причем завершение эволюции одного мира является началом эволюции другого. Характеризуя устройство космоса, Ориген поясняет: «Мир весьма разновиден и разнообразен, и состоит не только из разумных и божественных существ и из различных тел, но и из бессловесных живых существ, каковыми являются: звери, животные, скоты, птицы и все (существа), живущие в водах; …к составу мира относятся также различные пространства, каковы: небо и небеса, земли и воды; к нему принадлежат также средний воздух, называемый иначе эфиром, и, кроме того, все то, что происходит и рождается из земли» [6, с. 85]. Небесные светила Ориген, как и Плотин, считает разумными и одушевленными существами, получающими заповеди от Бога, поэтому для них тоже характерны преуспеяния и падения. По мнению Оригена, такое разнообразие мира существует в силу того, что Бог «неизреченным искусством своей премудрости, все, что происходит в мире, обращает на общую пользу и направляет к общему преуспеянию всего (бытия)» [6, с. 95]. Поэтому Бог: 1) все многообразные души приводит к некоторому согласию в деятельности и желаниях; 2) объединяет все существа общей целью достижения совершенства; 3) организует сотрудничество всех разумных субстанций сообразно свободной воли; 4) искусно направляет свободную волю к гармонии и пользе единого мира; 5) организует взаимопомощь борющимся противоположностям; 6) субстанциально наделяет все существа «добром», «блаженством», то есть «умом и волей» как духовными составляющими. В результате такой божественной координации все притеснения и страдания, испытываемые живыми существами, служат источником их усердия и развития. При этом Ориген отмечает, с одной стороны, закономерность духовных свойств живых существ, как творений Бога. С другой стороны, указывает на случайность, то есть хаотичность распределения духовности среди творения, утверж-

дая, что «все живые существа благость имеют только как случайное свойство, которое может прекратиться» из-за лености и уклонения от благости, что служит причиною несчастий и разнообразных падений «сообразно движениям ума и воли» [6, с. 78].

Согласно канонам древнегреческой диалектики, Ориген выделяет в космосе противоположности в виде «светлой» и «темной» иерархии метафизических существ, промежуточное положение между которыми занимает человек. Праведники приобщены к «светлой» божественной иерархии, грешники – к «темной» иерархии. «Темная» иерархия (дьявол, сатана, князь мира сего, злые духи, нечистые демоны), образовавшаяся в силу отпадения от Святой Троицы, подлежит в будущем уничтожению. Причины отпадения человека от Святой Троицы следующие: неправедная торговля, неправедная жизнь, ложь, тщеславие, гордыня от красоты, ереси, зависть, споры и пр. Можно вывести новые онтологические триады, раскрывающие устройство космоса у Оригена: *Святая Троица – светлая иерархия – темная иерархия; Святая Троица – разумные существа – человек*.

В космизме Оригена процесс земной человеческой эволюции завершается «праведным» Божьим судом и отбором тех, кто осуществил самосовершенствование и готов к преображению и переходу «в новое начало», в качестве бестелесных духовных существ. В новом мире согласно степени своего духовного преображения разумные существа получают: одни – ангельский чин в управлении и распоряжении миром, другие – чины сил, начальств, властей, престолов (должность суда и управления), господство над рабами. Не прошедшие отбор духовные отступники остаются среди человечества, им будет дана возможность искупления и нового восхождения к Богу, после успешного завершения своего преображения они также вольются в небесную иерархию очередного «нового мира». На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие онтологические триады, раскрывающие место и назначение человека в эволюции мироздания: *Бог – Христос – человек; Святой Дух – духовность – человек*.

Таким образом, в космизме Оригена утверждается: 1) беспредельность эволюции мироздания и человека [6, с. 78]; 2) бессмертие человека, достигшего путем самосовершенствования на основе христианской веры преображения материального тела в духовное; 3) определенную самостоятельность и ответственность человека в эволюционном преобразовании себя и мира; 4) всеединство различных уровней космоса в лице небесной и земной иерархии существ; 5) одушевленность и разумность всех существ космоса (от планет и животного мира до человека и Бога).

Исходя из представлений Оригена о космосе, можно вывести новую онтологическую триаду: *Космос – трансцендентное бытие – материальное бытие.* Если учесть, что Бог в философии Оригена олицетворяет собой творящую силу космоса, то можно триаду выразить так: *Бог – трансцендентное бытие – материальное бытие.*

Таким образом, в ходе философской рефлексии были сформулированы следующие онтологические триады: 1) *Бог-Отец – Бог-Сын – Святой Дух*; 2) *Святая Троица – светлая иерархия – темная иерархия*; 3) *Святая Троица – разумные существа – человек*; 4) *космос – трансцендентное бытие – материальное бытие*; 5) *Бог – трансцендентное бытие – материальное бытие*; 6) *Бог – Христос – человек*; 7) *Святой Дух – духовность – человек*.

Эти триады раскрывают представления Оригена о космосе, земле и человеке в их системной взаимосвязи. Философию космизма Оригена можно рассматривать в качестве прототипа «становящегося всеединства», идея которого будет развита В. С. Соловьевым. Субъектом космоса у Оригена является триединый «Живой Бог», объектом – сотворенное им духовно-материальное бытие. Все объекты космоса у Оригена выполняют транссубъективные функции, составляя вместе с «Живым Богом» развивающуюся систему, главным онтологическим принципом которой выступает триада: Бог – духовность – жизнь. «Живой Бог» укоренен в целостном бытии. Человек, как транссубъективность космоса, заключает в себе все его свойства (в органическом синтезе божественного духа и материального тела). Являясь микрокосмом, то есть моделью Макрокосма-Бога, он потенциально заключает в себе духовность, способность к совершенствованию и творчеству.

Все субъекты космоса-природы благодаря феноменологической редукции представлены как субъект-объект. Объективное понимание трансцендентального космизма Оригена позволило воспринимать космос не как итог субъективистских полаганий, граничащих с субъективным идеализмом, а как реальность, но с учетом феноменологичности процессов сознания. Программа трансцендентализма позволила представить ключевые понятия космоса одновременно и как отвлеченные идеал-реалистические начала, и как смысловые образцы, что помогло сформировать целостное представление об онтологии космизма Оригена. В данной работе использовался платонистский трансцендентализм, для которого трансцендентальное является объективным, так как эйдосы рассматриваются как объективная реальность. Трансцендентальная стадия восхождения от конкретного к абстрактному позволила выделить системность или всеединство идеальных и материальных сторон космоса, как идеал-реалистического бытия в качестве совокупности фактов и их смыслов.

Метод многостороннего философского синтеза позволил выявить в космическом бытии у Оригена взаимодействие двух уровней: наличного бытия и идеального основания, которое детерминирует это наличное бытие и его изменения. Космизм Оригена носит тренсцендентный онто-антропологический характер, где главный субъект мироздания – триединый «Живой Бог» – трактуется в качестве духовно-творческого принципа природы, первоначала, дающего жизнь всему мирозданию.

Литература

1. Блаватская Е. П. Теософский словарь. – М.: Сфера, 1994.
2. Заикин С. П. Становление идеи Софии в творчестве Владимира Соловьева. Вступит. статья // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве / ред., вступ. статья и комментарии С. П. Заикина. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – С. 5–34.
3. См.: Ковалева Г. П. Философские учения русского космизма. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 112 с.
4. См.: Ковалева Г. П. О методологии реконструкции онтологии естественно-научного космизма // Культура как предмет комплексного исследования. – Кемерово, 2003. – С. 186–190; Овчаров А. А. Интуитивизм и обществознание. Идеи к социальной философии. – Кемерово, 1999. – 134 с.; Овчаров А. А. Онтология социального бытия: идеал-реалистическая социально-философская концепция: дис. … д-ра филос. наук. – Новосибирск, 1999.

5. Никольский А. А. Русский Ориген XIX в. Вл. Соловьев. – СПб.: Наука, 2000. – 420 с.
6. Ориген. О началах. – Самара: РА, АГНИ, 1993. – 318 с.
7. Плотин. Энеады. 5.5.(13). О том, что нет ноуменов выше Ума и Блага [Электронный ресурс] // PSYLIB.KIEV. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/ploti01/index.htm

Literatura

1. Blavatskaja E. P. Teosofskij slovar'. – M.: Sfera, 1994.
2. Zaikin S. P. Stanovlenie idei Sofii v tvorchestve Vladimira Solov'eva. Vstupit. stat'ja // Solov'ev V. S. Chtenija o bogochelovechestve / red., vstup. stat'ja i kommentarii S. P. Zaikina. – SPb.: Azbuka-klassika, 2010. – S. 5–34.
3. Sm.: Kovaleva G. P. Filosofskie uchenija russkogo kosmizma. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. – 112 s.
4. Sm.: Kovaleva G. P. O metodologii rekonstrukcii ontologii estestvenno-nauchnogo kosmizma // Kul'tura kak predmet kompleksnogo issledovanija. – Kemerovo, 2003. – S. 186–190; Ovcharov A. A. Intuitivizm i obshhestvoznanie. Idei k social'noj filosofii. – Kemerovo, 1999. – 134 s.; Ovcharov A. A. Ontologija social'nogo bytija: ideal-realisticheskaja social'no-filosofskaja koncepcija: dis. … d-ra filos. nauk. – Novosibirsk, 1999.
5. Nikol'skij A. A. Russkij Origen XIX v. Vl. Solov'ev. – SPb.: Nauka, 2000. – 420 s.
6. Origen. O nachalah. – Samara: RA, AGNI, 1993. – 318 s.
7. Plotin. Jeneady. 5.5.(13). O tom, chto net noumenov vyshe Uma i Blaga [Jelektronnyj resurs] // PSYLIB. KIEV.URL. – Rezhim dostupa: http://psylib.org.ua/books/ploti01/index.htm

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 008

Е. В. Веселовская, А. В. Киселев, И. А. Сечина

ИТОГИ ОБЛАСТНОГО КРУГЛОГО СТОЛА: «КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ КУЗБАССА: СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА»

В статье освещается работа Областного круглого стола «Краеведческие музеи Кузбасса: сохранение, изучение и трансляция историко-культурного наследия региона».

Ключевые слова: краеведческие музеи Кузбасса, сохранение и популяризация историко-культурного наследия.

E. V. Veselovskaya, A. V. Kiselev, I. A. Sechina

THE REGIONAL ROUND TABLE RESULTS: “KUZBASSA REGIONAL MUSEUMS: THE PRESERVATION, STUDY AND POPULARIZATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE THE REGION”

The article highlights the work of the Seminar “Kuzbass regional museums: the conservation, study and popularization of the historical and cultural heritage of the region”.

Keywords: Kuzbass regional museums, preservation and popularization of the historical and cultural heritage.

23 ноября 2012 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств прошел круглый стол «Краеведческие музеи Кузбасса: сохранение, изучение и трансляция историко-культурного наследия региона».

Круглый стол проводился по инициативе научно-исследовательского института прикладной культурологии при участии Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, Кемеровского областного краеведческого музея, музея Кемеровского государственного университета культуры и искусства. В организации и работе круглого стола также приняли активное участие сотрудники городских и районных краеведческих музеев, представители системы образования, руководители школьных музеев, преподаватели и студенты Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Цель круглого стола – обмен опытом, обсуждение вопросов, касающихся выявления проблемных полей и общих тенденций в деятельности краеведческих музеев Кузбасса по изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия Кузнецкого края.

В начале работы круглого стола с приветственным словом к его участникам обратился проректор по научной и инновационной деятельности кандидат филологических наук, доцент **А. В. Шунков**, в своем выступлении он подчеркнул важную роль работников музеев в сохранении культурных традиций и пожелал участникам плодотворной дискуссии в ходе круглого стола.

В своём приветственном слове главный специалист отдела культурной политики и инновационных проектов Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области **Г. В. Шинкаренко** отметил широту профиля участников круглого стола, их представительный состав; рассказал о положительных тенденциях развития музейной сети в регионе и росте посещаемости музеев и увеличении их количества; подчеркнул большую ответственность специалистов музейного дела за трансляцию культурного наследия.

Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, кафедры музейного дела КемГУКИ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН **А. И. Мартынов** в своём выступлении обозначил приоритеты, в соответствии с которыми должна строиться деятельность музеев: 1) тенденции развития музейного дела (они положительные); 2) место, которое занимает музей в современном мире; 3) миссия музея. Были освещены основные тенденции развития музейного дела: огромный рост количества музеев; возвращение культурных ценностей в музеи регионов из столичных музеев; появление новых форм, видов музеев.

А. И. Мартынов подчеркнул необходимость проведения отдельного круглого стола по актуальным проблемам сохранения современной истории. Любой музей, краеведческий в особенности, обладает практически неограниченными возможностями влияния, воздействия на общество.

Руководитель круглого стола доктор философии, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ **А. А. Гук в** своём слове поблагодарил предыдущих выступающих, определивших направления работы круглого стола, и осветил научную составляющую мероприятия. Деятельность НИИ прикладной культурологии тесно связана с рассматриваемой проблемой через выполнение исследовательских проектов, в частности, проекта «Краеведческие музеи Сибирского федерального округа: деятельность по сохранению, изучению и трансляции историко-культурного наследия региона» (руководитель – старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, кандидат исторических наук А. В. Киселёв). Необходимость проведения круглого стола вызвана тем, что коллективу НИИ прикладной культурологии важно было определить направления работы над проектом, утвердиться в верности выбранной проблематики.

Директор музея КемГУКИ кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела Е. А. Ковешникова говорила о том, что одним из главных вопросов современной культуры является вопрос о музее XXI века. Работа в сфере развития музейного образования и туризма должна опираться на новейшие формы презентации историко-культурного наследия региона (3D-экскурсии, виртуальные музеи и т. п.).

В рамках работы круглого стола продуктивно обсуждались конкретные проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия региона, роль современных краеведческих музеев в формировании общественных ценностей, культурных брендов, анализировалась результативность сете-

вого взаимодействия музея и культурно-образовательных учреждений, а также рассматривалась перспектива развития культурного туризма в области.

Участники круглого стола, подчеркнув исключительную роль современных краеведческих музеев в формировании культуры и образовании населения, выявив неиспользуемый ресурс культурного туризма и музейного образования, обозначили проблему подготовки профессиональных музейных кадров.

В ходе работы круглого стола было составлено обращение к органам власти, государственным образовательным и музейным учреждениям, ко всем заинтересованным организациям и лицам объединить усилия по привлечению внимания к проблеме сохранения и популяризации историко-культурного наследия региона. По окончании работы круглого стола были выдвинуты следующие решения:

1) рекомендовать регулярное проведение тематических круглых столов;

2) подготовить и провести научно-практическую конференцию с привлечением высших учебных заведений и музеев Кемеровской области по проблемам подготовки квалифицированных специалистов в сфере музейного дела;

3) предложить участникам круглого стола рассмотреть возможность заключения договоров между подразделениями КемГУКИ и музеями области о разностороннем сотрудничестве, включая прохождение практики студентов в музеях, и оказания научно-методической помощи музейным работникам в виде консультаций, семинаров, проведения мастер-классов и т. д.;

4) считать целесообразным привлечение студентов для написания научно-исследовательских, дипломных работ (проектов) по тематике краеведческих музеев;

5) организовывать и реализовывать совместные выставочные проекты;

6) рекомендовать публикацию тезисов выступлений участников круглого стола в научном сборнике «Ученые записки НИИ прикладной культурологии»;

7) предложить организовать на базе музея КемГУКИ, через систему ИДПО, подготовку сертифицированных экскурсоводов;

8) рекомендовать к реализации авторский проект Е. А. Ковешниковой «Экскурсионная школа» с целью подготовки экскурсоводов с получением сертификата/удостоверения.

В рамках работы круглого стола проводилась тематическая выставка музея Кемеровского государственного университета культуры и искусства «Имена в истории образования г. Кемерово», посвященная 70-летию образования Кемеровской области и 95-летию г. Кемерово, на которой были представлены: подлинные документы, награды, книги, личные вещи, отражающие профессиональную и творческую деятельность выдающихся педагогов г. Кемерово: П. П. Чепкасова, А. В. Бобкова, П. М. Петренко, материалы из фондов музеев образовательных учреждений г. Кемерово (школы № 11, 33, 35), а также выставка научных изданий из фондов научной библиотеки Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Все участники круглого стола выразили благодарность администрации КемГУКИ, ректору университета за активную позицию в решении вопросов, посвященных проблемам сохранения, изучения и трансляции историко-культурного наследия Кемеровской области.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, начальник научно-редакционного отдела научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Верба Наталья Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования, ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Веселовская Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, старший преподаватель, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (г. Тюмень). E-mail: radogost2000@mail.ru

Карамчаков Андрей Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра психологии, педагогики и методик национального и поликультурного образования, Хакасский государственный университет им. Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Киселев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: niipk@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Astakhov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Editorial of Science Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Verba Natalia Ivanovna, Candidate of History of Art, Docent of Chair of Music Education and Study, FSBEI HPE "Herzen State Pedagogical University of Russia" (St. Petersburg). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Veselovskaya Elena Valerievna, Candidate of Philologic Sciences, Senior Researcher at Research Institute for Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Dvurechenskaya Anastasia Sergeyevna, Candidate of Culturology, Senior Lecturer, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Karabulatova Irina Sovetovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tyumen State University (Tyumen). E-mail: radogost2000@mail.ru

Karamchakov Andrei Nikolayevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Psychology, Pedagogy and Methodology of National and Multi-cultural Education, F. Katanov Khakassia State University (Abakan). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Kiselev Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: niipk@bk.ru

Kovaleva Galina Petrovna, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Кемеровского технологического института пищевой промышленности (Кемерово). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

Койше Кенесар Куанышевич, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Заводоуковский филиал Тюменского государственного университета (г. Заводоуковск). E-mail: radogost2000@mail.ru

Крылова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионального образования и иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия» (г. Зерноград). E-mail: krylovamn@inbox.ru

Ниязова Гульсина Мавлютовна, доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень). E-mail: radogost2000@mail.ru

Нугманов Рамзи Галимзянович, доктор культурологии, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: nauka@kazguki.ru

Окольникова Ольга Игоревна, аспирантка, специальность 10.02.01. Русский язык, кафедра стилистики русского языка и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: olgaok85@mail.ru

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусства речи, директор института театра, зав. лабораторией теоретических и методологических проблем искусствоведения, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Сечина Инга Анатольевна, кандидат философских наук, ученый секретарь, НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Kovaleva Galina Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy and Political Science, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (Kemerovo). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

Koishe Kenesar Kuanyshevich, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Zavodoukovsk Branch of Tyumen State University (Zavodoukovsk). E-mail: radogost2000@mail.ru

Krylova Maria Nikolayevna, Candidate of Philological Sciences, Docent of Chair of Vocational Education and Foreign Languages, FSBEI HPE "Azov-Black Sea State Agroengineering Academy" (Zernograd). E-mail: krylovamn@inbox.ru

Niyazova Gulsina Mavlyutovna, Doctor of Philological Sciences, Docent of Chair of Journalistics, Tyumen State University (Tyumen). E-mail: radogost2000@mail.ru

Nugmanov Ramzi Galimzyanovich, Doctor of Culturology, Professor, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: nauka@kazguki.ru

Okolnikova Olga Igorevna, Post-graduate, Specialty 10.02.01. Russian Language, Chair of Style of the Russian Language and Journalism, N. F. Katanov Khakassia State University (Abakan). E-mail: olgaok85@mail.ru

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of History of Art, Professor of Chair of Culture and Art of Speech, Director of Institute of Theater, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Sechina Inga Anatolievna, Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Скоринов Сергей Нестерович, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, ректор института, ФГБУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры» (г. Хабаровск). E-mail: hgiik@pochta.ru

Сливинский Вячеслав Петрович, аспирант сектора филологии, Институт гуманитарных исследований, Тюменский государственный университет (г. Тюмень). E-mail: slava.slivinskiy@gmail.com

Степанова Наталья Ивановна, аспирант кафедры теории, истории культуры и музеологии, старший преподаватель кафедры рекламы и связи с общественностью, Институт рекламы и связи с общественностью, ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск). E-mail: Happy_ns@mail.ru

Таземдинова Руфина Ринатовна, кандидат философских наук, доцент кафедры режиссуры и актерского мастерства театрального факультета, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: Ruffina7@yandex.ru

Таршис Надежда Александровна, кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, старший научный сотрудник сектора театра Российского института истории искусств (г. Санкт-Петербург). E-mail: nad_tarshis@mail.ru

Тимербулатов Дмитрий Радикович, соискатель, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: dmi924512@yandex.ru

Тиникова Юлия Константиновна, директор Хакасского филиала Российского фонда культуры (г. Абакан). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Тихонов Владимир Викторович, кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: eukolganova@gmail.com

Skorinov Sergei Nesterovich, Doctor of Culturology, Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Theory and History of Culture, Rector of Institute, FSBI HPE “Khabarovsk State Institute of Arts and Culture” (Khabarovsk). E-mail: hgiik@pochta.ru

Slivinskiy Vyacheslav Petrovich, Postgraduate of Sector of Philology, Institute of Humanitarian Research, Tyumen State University (Tyumen). E-mail: slava.slivinskiy@gmail.com

Stepanova Natalia Ivanovna, Postgraduate of Chair of Theory, History of Culture and Museology, Senior Lecturer of Chair of Advertising and Public Relations, Institute of Advertising and Public Relations, SEI HPE “Novosibirsk State Pedagogical University” (Novosibirsk). E-mail: Happy_ns@mail.ru

Tazetdinova Rufina Rinatovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Directing and Acting of the Theater Faculty, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: Ruffina 7@yandex.ru

Tarshis Nadezhda Aleksandrovna, Candidate of History of Art, Professor at St. Petersburg State Academy of Performing Arts, Senior Researcher, Department of Theatre of Russian Institute of Art History (St. Petersburg). E-mail: nad_tarshis@mail.ru

Timerbulatov Dmitry Radikovich, Competitor, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: dmi924512@yandex.ru

Tinikova Julia Konstantinovna, Director of Khakassia Branch of the Russian Cultural Foundation (Abakan). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Tikhonov Vladimir Viktorovich, Candidate of Culturology, Director of Architecture and Ethnography Museum «Taltsy» (Irkutsk). E-mail: eukolganova@gmail.com

Толстая Екатерина Анатольевна, концертмейстер Лицея искусств «Санкт-Петербург», аспирант кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: galkax@mail.ru

Улттургашева Ольга Гавриловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: umnova@kuzbass.net

Фёдорова Елена Александровна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, Заводоуковский филиал Тюменского государственного университета (г. Заводоуковск). E-mail: slava.slivinskiy@gmail.com

Фрейверт Людмила Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского. E-mail: lbf1956@yandex.ru

Хасянова Марина Гумеровна, преподаватель кафедры философии и социологии, Кемеровская государственная медицинская академия (г. Кемерово). E-mail: hasyanova@rambler.ru

Хорошилова Лилия Семеновна, доктор географических наук, профессор кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: bgd.kemsu@mail.ru

Чаукерова Гульзара Кабибулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора филологии, Институт гуманитарных исследований Тюменского госуниверситета (г. Тюмень). E-mail: radogost2000@mail.ru

Tolstaya Ekaterina Anatolievna, Accompanist of Lyceum of Arts «Saint-Petersburg», Post-graduate of Department of Music Education and Study, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg). E-mail: galkax@mail.ru

Ulturgasheva Olga Gavrilovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Methodology of Primary Education, N. F. Katanov Khakassia State University (Abakan). E-mail: narod-sayan@mail.ru

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of History of Art, Docent, Chair of Theory and History of Arts, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: umnova@kuzbass.net

Fyodorova Elena Aleksandrovna, Senior Lecturer of Chair of Humanitarian Sciences, Zavodoukovsk Branch of Tyumen State University (Zavodoukovsk). E-mail: slava.slivinskiy@gmail.com

Freivert Lyudmila Borisovna, Candidat of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Design, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: lbf1956@yandex.ru

Khasyanova Marina Gumerovna, Lecturer of Chair of Philosophy and Sociology, Kemerovo State Medical Academy (Kemerovo). E-mail: hasyanova@rambler.ru

Khoroshilova Lilia Semenovna, Doctor of Geographical Sciences, Professor of Chair of the Social Medicine and Life Safety Department, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: bgd.kemsu@mail.ru

Chaukerova Gulzara Kabibullovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Section of Philology, Humanitary Research Institute of Tyumen State University (Tyumen). E-mail: radogost2000@mail.ru

Шитикова Раиса Григорьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: rshitikova@mail.ru

Shitikova Raisa Grigorievna, Candidate of History of Art, Docent, Chair of Music Education and Study, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg). E-mail: rshitikova@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
- в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
- сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.
Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 13.03.2013.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 75.
Уч.-изд. л. 17,9. Усл. печ. л. 24,6.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного университета культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 13.03.2013.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 75.
Author's sheets 17,9. Printer's sheets 24,6.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru